

Донская
литература

*Чем-то наша славная земелюшка распахана?
Не сохами-то славная земелюшка наша распахана, не плугами.
Распахана наша земелюшка лошадиными копытами,
А засеяна славная земелюшка казацкими головами.
Чем-то наш батюшка славный тихий Дон украшен?
Украшен наш тихий Дон молодыми вдовами.
Чем-то наш батюшка славный тихий Дон цветен?
Цветен наш батюшка славный тихий Дон сиротами.
Чем-то во славном тихом Дону волна наполнена?
Наполнена волна в тихом Дону материнскими слезами.*

Старинная донская казацья песня

ПОЭТЫ
БЕЛОЙ ГВАРДИИ

**Меч
в терновом венце**

*Николай Туроверов
Арсений Несмелов
Сергей Бехтеев
Иван Савин
Марианна Колосова*

Московский
государственный гуманитарный
университет им. М.А. Шолохова
Москва
2008

УДК 82-1
ББК 84(РОС-РУС)6
П 67

Составитель и автор вступительной статьи
Валерий ХАТЮШИН

Серия «Донская литература» разработана
под научным руководством академика РАО, профессора Ю.Г. Круглова
и утверждена Ученым советом и Шолоховским центром
Московского государственного гуманитарного университета
им. М.А. Шолохова

В качестве основной детали оформления
серии «Донская литература»
использована икона Симона Ушакова
«Богоматерь Донская», 1668 г.

Поэты Белой гвардии.

П 67 **Меч в терновом венце:** Николай Туроверов, Арсений Несмелов, Сергей Бехтеев, Иван Савин, Марианна Колосова / Сост., вст. ст. В. Хатюшина — М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008. — 464 с. (Донская литература)

ISBN 5-8288-1127-4

В 2008 году настали две скорбные даты в истории России — 90 лет назад началась Гражданская война и была зверски расстреляна Царская семья. Почти целый век минул с той кровавой эпохи, когда российский народ был подвергнут самоистреблению в братоубийственной бойне. Но до сих пор не утихли в наших сердцах те давние страсти и волнения...

Нам хорошо известны имена и творчество поэтов т.н. Серебряного века. В литературоведении этот период русской поэзии исследован, казалось бы, более чем широко и глубоко. Однако в тот Серебряный век до недавнего времени по идеологическим и иным малопонятным причинам не включались поэты, связавшие свою судьбу с Белой гвардией. Цель этой книги восполнить данный пробел в знании отечественной литературы и восстановить в сознании русских людей творчество прекрасных и незаслуженно забытых поэтов Белого стана.

Меч в терновом венце — это особый Наградной знак, учрежденный в 1918 году в память легендарного 1-го Кубанского (Ледяного) похода и ставший символом всего Белого движения.

УДК 82-1
ББК 84(РОС-РУС)6

ISBN 5-8288-1127-4

© МГГУ им. М.А. Шолохова, 2008
© Хатюшин В.В. (сост., вст. ст.), 2008

БЛЕСК ХОЛОДНОЙ СТАЛИ

К русскому читателю наконец возвращаются имена и произведения замечательных поэтов, связавших свою судьбу с Белой армией. Только теперь мы можем сказать, что та, прежняя, Гражданская война закончилась. И если в русской литературе уже давно восстановлены погубленные большевиками Н.Клюев, С.Клычков, П.Васильев, то отчего же так надолго забыли про не менее значимых для нас выразителей русской души, не менее талантливых певцов России? Да, они были белогвардейцами и воевали против новой власти за иначе понимаемую свободу. И очень долгие годы их называли врагами. Но в их груди билось русское сердце, искренне любящее Родину, и в их венах текла родная русская кровь, помнящая подвиги наших великих предков. Их поэтическое слово должно быть также дорого русской литературе, тем более что художественные образы, созданные в свое время этими великолепными поэтами, для нас, нынешних читателей, — это совершенно новое, неожиданное, а для кого-то потрясающее открытие.

Наш долг восстановить справедливость и вернуть к духовной жизни замечательных русских поэтов — Арсения Несмелова, Николая Туроверова, Сергея Бехтеева, Ивана Савина, Марианну Колосову и других, исторгнутых из российской словесности на волне классовой вражды. Пора заговорить о них в полный голос. В противном случае Серебряный век русской поэзии теряет свою цельность.

Весь двадцатый век корыстно замалчивались великолепные поэты Белого движения. И всё же они пробились к нам своими изумительными произведениями сквозь железобетонные заслоны космополитической пропаганды. Пришло их время в России, как когда-то (всего-то лет тридцать назад) пришло время Н.Гумилева, М.Булгакова, А.Платонова, М.Цветаевой, Е.Замятина...

Правильно сказано: рукописи не горят. В пожаре Гражданской войны не сгорели, сохранились для нас их стихи, как бы ни хотелось кому-то другого.

В 2007 году я посмотрел новую и старую экранизации романа Шолохова «Тихий Дон» и поймал себя на мысли, что нет у меня сочувствия к красным командирам Кошевому и Штокману. Более того, к этой мысли привел меня сам Шолохов. Читая роман и смотря фильм, невольно чувствуешь, что писатель сердцем своим остается на стороне восставших донских казаков в ответ на террор большевистской власти. Конечно, «Тихий Дон» — это произведение советского художника, но трагедия разгрома белоказачества показана им с такой болью, с такой пронзительной остротой и с такой жалостью к своим землякам, что нормальный русский человек просто не может не испытывать этого сочувствия к ним.

Разглядел это в том числе и Фадеев, руководитель советских писателей. Он выступил против издания третьей книги романа Шолохова, настолько правдиво в ней показана страшная участь гибнущего донского казачества. И мы знаем, кто сказал: «Эту книгу издавать будем».

Одним из участников Донского восстания казаков в 1918 году был Николай Туроверов, входивший в атаманский отряд есаула Чернецова артиллерийской команды Донского корпуса. Наверное, более никто так, как он, не запечатлел поэтически донскую эпопею этого жуткого противостояния одного народа, расколотого на враждебные части. Стихотворная исповедь Николая Туроверова — это донская трагедия, художественно изображенная с другой, противостоящей стороны, до того ярко и волнующе отражены в ней чувства и чаяния тех русских, которые многие десятилетия считались врагами. Однако перед Отчизной и перед Богом они ведь, на самом деле, врагами не были. Но кто с нашей, с красной стороны, сразу после Гражданской войны смог это понять — так, как понял это и сказал об этом Н.Туроверов в стихотворении «Товариш», в какой-то степени пророческом, обращенном не только к своему прямому противнику, но и к нам, ныне живущим?

*Перегорит костер и перетлеет,
Земле нужна холодная зола.
Уже никто напомнить не посмеет
О страшных днях бессмысленного зла.
...Обоих нас блюла рука Господня,
Когда, почуяв смертную тоску,*

*Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты, в крови, склонялся на луку.
Тогда с тобой мы что-то проглядели,
Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
Не для того ль мы оба уцелели,
Чтоб вместе за Отчизну умереть?*

Родился Николай Николаевич Туроверов 18 марта (по ст. стилю) 1899 года в станице Старочеркасской. Мать и отец происходили из старинных казачьих фамилий Области Войска Донского (во времена рассказывания и раскулачивания они сгинули в лагерях). После окончания Каменского реального училища он поступил добровольцем в лейб-гвардии Атаманский полк и ушел на фронт Первой мировой войны. Затем — ускоренный выпуск Новочеркасского военного училища и снова отправка на фронт в чине хорунжего. Был награжден орденами Св. Анны, Св. Станислава и Св. Владимира. После Октября вернулся на Дон.

С Белой армией Н.Туроверов прошел всю Гражданскую войну. Был четырежды ранен, участвовал в знаменитом Ледяном походе (изначально называвшимся Кубанским степным), ставшим для него еще одним тяжелейшим испытанием:

*Не выдаст моя кобылица,
Не лопнет подруга седла.
Дымится в Задонье, курится
Седея февральская мгла.
Встает за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь,
И где-то правее — Корнилов,
В метелях идущий на смерть.
Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,
Тоску безысходного гона,
Тревоги в морозных ночах,
Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.
Мы отдали всё, что имели,
Тебе, восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели,
Степной — за Россию — поход.*

1-й Кубанский степной или Корниловский поход, названный впоследствии Ледяным, начался 9 (22) февраля 1918 года, когда под напором наступавших красных частей Добровольческая армия вынуждена была оставить Ростов и двинуться на Екатеринодар в надежде на поддержку кубанского казачества. Вместе с плохо вооруженной армией генерала Л.Г. Корнилова, насчитывавшей около четырех тысяч человек и состоявшей в основном из молодых офицеров, ушел обоз с женщинами, стариками и ранеными. Оставляя Ростов, генерал Алексеев писал в письме родным:

«Мы уходим в степи. Можем вернуться, если на то будет милость Божья. Но нужно зажечь свечку, чтобы была хотя одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...»

Весь поход двигались степью, по снегу и грязи, в метель и дождь, пробиваясь вперед с непрерывными боями. Однажды добровольческие части после дождя, града и внезапно ударившего мороза покрылись коркой льда, отчего поход этот и стал называться Ледяным.

28 марта (10 апреля) корниловцы осадили Екатеринодар и начали его штурм. Но силы оказались неравными. Красноармейцы серьезно подготовились к защите города, обрушив на осаждавших шквал артиллерийского огня. Во время одной из этих атак, на пятый день ожесточенных боев, прямым попаданием снаряда был убит генерал Л.Г. Корнилов. Командование Добровольческой армией взял на себя генерал А.И. Деникин. С новыми боями, прорвав окружение красных, 30 апреля (13 мая) его армия вернулась на Дон. За 80 дней похода (более половины из которых — с боями) было пройдено более тысячи верст. Убитыми было потеряно около 400 человек и около 1500 человек было вывезено раненых. И все же Ледяной поход оказался не напрасным. Под Екатеринодаром произошло соединение армии генерала Корнилова с Кубанской Добровольческой армией. Благодаря этому в августе 1918 года в результате 2-го Кубанского похода под командованием генерала Деникина Екатеринодар был взят Добровольческой армией. В память о легендарном 1-м Кубанском походе был учрежден особый Наградной знак — Меч в терновом венце, ставший символом всего Белого движения. Удостоен был этой награды и Николай Туроверов.

В 1919 году, получив чин подьесаула, Н.Туроверов стал командиром пулеметной команды Атаманского полка. В 1920 году во время великого исхода на одном из последних пароходов врангелевской эвакуации вместе с женой, красавицей-казачкой,

он покинул Россию. Его стихотворение «Крым», посвященное тем трагическим дням, потом будут цитировать и в эмиграции, и в Советской России, даже не зная, кому оно принадлежит:

*Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.*

Остальную часть жизни Н.Туроверов провел в эмиграции: первое время — на контролировавшемся французами греческом острове Лемнос, потом была Сербия, где у него родилась дочь, и наконец — переезд в Париж, где он окончательно обосновался и в 1928 году издал первую книгу стихотворений и поэм «Путь». По поводу нее литературный критик А. Краснощекин писал в парижском «Казачьем журнале» (1929, №6), особо выделяя поэму «Новочеркасск»: «...читал эти двадцать глав его поэмы и думал: какая поразительная эпоха прошла на наших глазах и какая радость, что свидетелем этой эпохи был Туроверов. Хотелось бы пожелать одного, чтобы нашелся подлинно казачий, какой-то яркий художник-живописец и дал бы иллюстрации к этой поэме, а издатель не пожалел бы денег на соответствующее издание». В 1937 году вышла вторая книга Туроверова «Стихи». В дальнейшем его поэтические книги под этим же названием выходили в 1939-м, 1942-м и 1965 годах.

Во время Второй мировой войны в составе 1-го кавалерийского полка французского Иностранного легиона Н.Туроверов сражался с немцами в Африке, о чем он потом поведал в поэме «Легион». Затем вновь вернулся в Париж, с которым связал всю свою дальнейшую жизнь, развернув активнейшую деятельность, направленную на сохранение в эмиграции русской культуры,

военного искусства и истории казачества. В Париже он организовал объединение казаков-литераторов, возглавил Казачий Союз, воссоздал музей своего родного лейб-гвардии Атаманского полка, был главным хранителем уникальной библиотеки генерала Дмитрия Ознобишина, издавал «Казачий альманах» и журнал «Родимый край», собирал русские военные реликвии, устраивал выставки на военно-исторические темы: «1812 год», «Казачи», «Суворов», «Лермонтов». По просьбе французского исторического общества «Академия Наполеона» редактировал ежемесячный сборник, посвященный Наполеону и казакам. Кроме этого, после войны вышли в свет еще три книги его стихов.

Скончался Н.Н. Туроверов 23 сентября 1972 года. Похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа рядом с могилами однополчан Атаманского полка*.

В СССР его стихи тайно переписывались от руки, о нем ходили легенды в казачьих станицах и хуторах. Только он из казачьих поэтов его времени с такой силой и пронзительностью выразил боль изгнания соотечественников и тоску порушенной казачьей жизни. Донская Голгофа до конца дней стояла перед его глазами, и большей частью именно ей он посвятил свое поэтическое творчество. (Особый разговор — о лирике и прозе Н.Туроверова. Но этот разговор — в будущих статьях и книгах о нем.) Покидая родимый край, он понимал, что при жизни вернуться назад ему уже не суждено:

*Помню горечь соленого ветра,
Перегруженный крен корабля;
Полосою синего фетра
Уходила в тумане земля;
Но ни криков, ни стонов, ни жалоб,
Ни протянутых к берегу рук, —
Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук,
Напряглась и такую осталась
Тетива наших дум навсегда.
Черной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода.*

Но не только в казачьих кругах русского зарубежья, — повсюду, где жили изгнанники из России, любовь к поэзии Туроверова

* Летом 2007 года гроб с прахом Н.Туроверова был перевезен на родину — в станицу Старочеркасскую.

была необыкновенна. На творческих вечерах, когда он читал стихи, люди в зале слушали его, затаив дыхание и не пряча своих слез. Ему удалось в скупых неброских образах отразить всю глубину чувств, владевших сердцами русских людей, оказавшихся на чужой земле:

*И слез невольно сердце просит,
И я рыдать во сне готов,
Когда услышу в спелом просе
Вечерний крик перепелов...*

Другой поэт русского Парижа Владимир Смоленский вспоминал об этом: «...совершенно незнакомые люди, видевшие впервые Туроверова, шли к нему, жали руку, со слезами на глазах целовали его. Крепкая любовь казака к своему родному краю, так легко совмещавшаяся со служением России, не всегда и не всем, неказакам, понятная, казалось, была понята всеми, заразила своей силой, объединила всех».

Казачий быт, степь, станичная вольница, родной курень, храп коней, «казачий престол Покрова», Дикое поле, казачья любовь, казачья песня и, конечно, война — жуткая, братоубийственная, Сиваш, Перекоп, Крым, Бахчисарай, «блеск холодной стали», русская кровь... — всё это с природной страстью и высоким мастерством отражено в стихах донского поэта. В слове его чувствуется энергия и упругость всадника, слившегося с полетом коня.

*Нас было мало, слишком мало.
От вражьих толп темнела даль.
Но твердым блеском засверкала
Из ножен вынутая сталь.
Последних пламенных порывов
Была исполнена душа,
В железном грохоте разрывов
Вскипали воды Сиваша.
И ждали все, внимая знаку,
И подан был знакомый знак...
Полк шел в последнюю атаку,
Венчая путь своих атак.*

Ни с чем не сравнимая трагедия Гражданской войны и до конца еще нами не осознанная катастрофа Белого дела явились причиной всех тех несчастий, которые переживает Россия теперь.

Невосполнимые потери русского народа в начале XX века — в первую очередь, качественно невосполнимые — аукнулись нам по самому высшему счету. Нет, не случайно мы стали свидетелями моральной деградации нашего населения и крайнего дефицита высокопатриотических личностей в армейской «элите», способных на подвиг или на жертву во имя спасения Родины, не говоря уже о многочисленных партийных лидерах. И лидеры обмельчали, и «элита» выродилась. Не для того ли весь прошлый век сталкивали враги России самых сильных, самых смелых, самых мужественных русских между собой, чтобы пришли мы к нынешнему итогу?

Изгнанные на чужбину белогвардейские офицеры (а оставшиеся были физически уничтожены), несмотря ни на что, в большинстве своем не озлобились и до последних своих дней сохранили в душе любовь к России и сыновнюю верность великой Родине, которая уже имела другое имя. Наиболее ярко это выразил поэт Войска Донского:

*Всё иссякнет — и нежность, и злоба,
Всё забудем, что помнить должны,
И останется с нами до гроба
Только имя забытой страны.*

По Высшей воле наша страна вернула себе прежнее имя. В наших силах вернуть России забытые имена певцов ее судьбы и выразителей ее духовного величия.

До чего же понятна и близка по духу поэзия Белого движения нынешнему времени! К 1917 году народ России по Конституции уже был уравнен в правах, а деление людей на «непримиримые классы» было навязано, искусственно внедрено в сознание обывателей социал-демократической пропагандой того времени. И обильно оплаченные враги русских, воспользовавшись войной, которую вела страна, и предательством масонского Временного правительства (как тут не провести аналогию с «перестроечным» временем?) путем обмана рабочих и солдат сумели перехватить власть в «отпавшей» столице.

Моральное состояние лучших людей России после Октябрьского переворота легко себе представить, вспомнив наши душевные переживания в августе 1991-го и в октябре 1993 годов. С той лишь разницей, что они, патриоты начала XX века, с ору-

жием в руках поднялись на борьбу с безбожным, безжалостным, русофобским врагом. Ими так же, как и нами, была потеряна великая тысячелетняя Родина. И разве не те же мысли и чувства, выраженные при обороне Кремля 90 лет назад белым офицером Арсением Несмеловым, владели нами, когда на глазах у всего мира и, главное, на глазах всей сидящей у телевизора России расстреливали защитников Дома Советов?

*...Отважной горсти юнкеров
Ты не помог, огромный город,
Из запертых своих домов,
Из-за окон в тяжелых шторах.
Ты лишь исхода ждал борьбы
И каменел в поту от страха.
И вырвала из рук судьбы
Победу красная папаха.
Всего мгновение, момент
Упущен был — упал со стоном.
И тащится интеллигент
К совдепу с просьбой и поклоном...*

Так исторически сложилось, что лучшие (во всех смыслах) люди России большей частью находились тогда среди военных, тем более во время Германской войны. И потому в рядах русских боевых офицеров были Николай Гумилев и Арсений Несмелов. «Золотое сердце России // Мерно бьется в груди моей» — сказал первый из них, и был расстрелян в 1921 году. «Тебя добудем мы в бою, // Первопрестольная столица!» — выкрикнул второй и вынужден был через всю Сибирь с боями и армией Каппеля отойти к Владивостоку. А смертный приговор, вынесенный ему в 1924 году, был приведен в исполнение с опозданием на 21 год. Но поэзия Н.Гумилева давно уже вернулась к русскому читателю и обрела свое место на литературном Олимпе. В то время как стихов Арсения Несмелова до сих пор у нас почти никто не знает, а имя это так и остается малоизвестным — потому что он до конца Гражданской войны противостоял врагам исторической России. Ну, как же, разве можно было допустить к российскому читателю такие строки?

*...В этот день страна себя ломала,
Не взглянув на то, что впереди,
В этот день царица прижимала
Руки к холодеющей груди.*

*В этот день в посольствах шифровали
Первой сводки беглые кроки.
В этот день отменно ликовали
Явные и тайные враги.
В этот день... Довольно, Бога ради!
Знаем, знаем, — надломилась ось:
В этот день в отпавшем Петрограде
Мощного героя не нашлось.
Этот день возник, кроваво вспенен,
Этим днем начался русский гон —
В этот день садился где-то Ленин
В свой запломбированный вагон...*

Арсений Иванович Несмелов (Митропольский) родился 8 июня (по ст. стилю) 1889 года в Москве в дворянской семье, прошел обучение во Втором Московском и Нижегородском Аракчеевском кадетских корпусах. Первый его сборник стихов и прозы «Военные странички» вышел в 1915 году.

В звании поручика А. Несмелов участвовал в боях Первой мировой войны. Получил ранение. За исключительное бесстрашие был награжден четырьмя орденами.

Осенью 1917 года он принимал участие в московском антибольшевистском восстании юнкеров, жестоко подавленном, которое позже описал в поэме «Восстание». Затем воевал в рядах Белой гвардии — в войсках адмирала Колчака и генерала Каппеля. Участвовал в Сибирском Ледяном походе — одном из наиболее трагических и суровых испытаний Гражданской войны (до сих пор малоизвестных большинству наших современников).

В документах Белой гвардии этот поход назван Великим Сибирским (Ледяным) походом. Возглавил его главнокомандующий Восточным фронтом генерал-лейтенант В.О. Каппель, который в ноябре 1919 года, оставив Омск, двинул 30-тысячную пехо-конную армию на Иркутск — на освобождение предательски арестованного чехословацким корпусом Верховного Правителя России адмирала А.В. Колчака и выданного большевикам. Продвигались с постоянными боями от города к городу: Омск — Ново-Николаевск (Новосибирск) — Барнаул — Красноярск... Однако освободить адмирала не удалось, не успели, он был расстрелян большевиками по прямому приказу Ленина. Тогда каппелевцы двумя колоннами обогнули Иркутск и вышли к Байкалу. В феврале 1920 года армия генерала Каппеля перешла Байкал по льду и вышла к станции Мысовая, где их ждали войска атамана Семенова и санитарные поезда. Это была самая тя-

желая часть пути Великого Сибирского (Ледяного) похода. Что такое зима в Сибири — никому объяснять не надо. На станции Мысовая раненые и больные каппелевцы были погружены в эшелоны, а остальные продолжили этот беспримерный поход до Читы. Всего было преодолено более тысячи километров*. По его окончании был учрежден Знак отличия военного ордена «За Великий Сибирский поход», который ставился в один ряд с орденом Святого Георгия.

Находясь в Приморье, в Дальневосточной республике (ДВР), А.Несмелов всецело посвятил себя литературному творчеству. Во Владивостоке им были изданы сборники стихотворений «Стихи» (1921) и «Уступы» (1924), а также поэма «Тихвин» (1922). Здесь он взял себе псевдонимом фамилию погибшего в бою товарища (Несмелов).

После установления советской власти на Дальнем Востоке А.Несмелов почти два года продолжал оставаться во Владивостоке под надзором ОГПУ без права выезда. Но в 1924 году, заблаговременно узнав о готовившихся новой властью расправах над бывшими белогвардейцами, покинул Родину и через глухую тайгу, через советско-китайскую границу и гаоляновые джунгли сумел добраться до Харбина — главного дальневосточного центра русской эмиграции.

В Харбине поэтический талант Несмелова раскрылся во всей своей силе. По признанию эмигрантских литературных кругов, А.Несмелов стал одним из лучших русских дальневосточных поэтов. Особую популярность имела его крайне необычная и оттого захватывающая «Баллада о даурском бароне», которая переписывалась и передавалась из рук в руки, как когда-то лермонтовское «На смерть поэта». И хотя в ней с холодной отстраненностью описаны бередящие душу зверства полусумасшедшего барона Унгерна, все же художественное своеобразие и поэтически мастерская форма этой баллады заставляют любого читателя запомнить ее навсегда.

*...Я слышал:
В монгольских унылых улусах,
Ребенка качая при дымном огне,
Раскосая женщина в кольцах и бусах
Поет о бароне на черном коне...
И будто бы в дни,*

* Генерал В.О Каппель во время похода обморозил ноги и умер от воспаления легких.

*Когда в яростной злобе
Шевелится буря в горячем песке, —
огромный,
Он мчит над пустынею Гоби,
И ворон сидит у него на плече.*

Стихи Несмелова публиковались не только в изданиях русской эмиграции в Китае, но и в Европе, и даже (в 1927—1929 годах) в советском журнале «Сибирские огни». В Китае вышли его поэтические книги «Кровавый отблеск» (Харбин, 1929), «Без России» (Харбин, 1931), «Через океан» (Шанхай, 1934), «Только такие!» (Харбин, 1936), «Полустанок» (Харбин, 1938), «Белая Флотилия» (Харбин, 1942), а также сборник новелл «Рассказы о войне» (Шанхай, 1936). В Берне отдельным изданием увидела свет его поэма «Георгий Семена» (1936). Творчество Арсения Несмелова высоко оценивали Борис Пастернак, Марина Цветаева, Николай Асеев, Леонид Мартынов и другие советские поэты.

Однако вынесенный большевистским режимом приговор все же настиг поэта. После вступления советских войск в Харбин в августе 1945 г. Несмелов был арестован и переправлен в Советский Союз. Жизнь его оборвалась в том же году в тюремной камере НКВД.

Если нынешнее русское сопротивление заключено в основном в печатном слове, в песне, в митинге, то сопротивление большевистской диктатуре требовало борьбы подлинной, героической, сопряженной с личной гибелью. Воины из Белого стана, сопротивляясь насилию, сознательно шли на смерть. И потому их поэты были выразителями подлинного, героического патриотизма. В их сердцах жила Родина, великая и прекрасная, их патриотизм был глубоко искренним и национально-волевым.

*Пели добровольцы, Пыльные теплушки
Ринулись на запад в стуко́те колес.
С бронзовой платформы выглянули пушки.
Натиск и победа! или — под откос.*

Трагедия, пережитая ими, была ничуть не меньшей, чем та, какую переживаем ныне мы. И разве не о нашем времени сказаны эти слова? Ведь это к нам, нынешним, сквозь годы забвения обращается героический, пронзительно русский поэт Арсений Несмелов:

*Воля к победе.
Воля к жизни.
Четкое сердце.
Верный глаз.
Только такие нужны Отчизне,
Только таких выкликает час.
Через засеки
И волчьи ямы,
Спешенным строем
Иль на коне.
Прямы, напористы и упрямы —
Только такие нужны стране.*

Именно такая, жизнеутверждающая, волевая поэзия дает мощный толчок современному направлению русского поэтического сопротивления.

Судьба русской литературы беспрецедентно уникальна. Ведь она до сих пор до конца не изучена и даже полностью не познана. Разорванная 1917 годом, она все еще таит в себе массу потерянных или вычеркнутых из жизни имен, которые придется кропотливо и долго заново открывать нынешним и будущим ее исследователям. Более того, им, будущим исследователям, неизбежно придется пересматривать многие утвердившиеся ценности и целые пласты российской литературы XX века.

Давайте посмотрим: кто из советских стихотворцев воспел Гражданскую войну как нечто романтическое и необходимое? Ну разве что интернациональные «граждане мира», многие из которых в реальности не столько воевали на Гражданской, сколько создавали миф о своем участии в ней. Русские же национальные поэты каким-то шестым чувством ощущали сермяжную истину, что воспевать тут особенно нечего, стараясь держаться подальше от этой братоубийственной бойни и любыми путями сторонясь ее и в жизни, и в творчестве. Вот когда началась Отечественная война — тогда наши поэты проявили себя во всем блеске. Один только Твардовский чего стоит, не говоря о десятках других. Но для воинов Белой гвардии та Гражданская была на деле Отечественной. Ведь у них отнимали Родину. Потому-то и дала она столько русских витязей, одинаково владевших оружием и поэтическим словом. Среди них был офицер-кавалергард и проникновенный поэт Сергей Бехтеев.

Повторяю еще раз, потому что это очень важно: сейчас, в наше жестокое и лицемерное время, стихи белогвардейских офицеров читаются и воспринимаются крайне современно. Как будто и не разделяет нас почти целый век со времени их написания. Достаточно прочитать такие строки стихотворения «Русская Голгофа», написанного Сергеем Бехтеевым в 1920 году:

*Ликует Антихрист-Иуда,
Довольный успехом побед:
Свершилось вселенское чудо,
И царства христианского — нет!
Гремит сатана батогами
И в пляске над грудой гробов
Кровавой звездой и рогами
Своих награждает рабов.
И воинство с красной звездой,
Приняв роковую печать,
К кресту пригвозждает с хулою
Несчастную Родину-Мать!*

Всё повторилось в России с какой-то дьявольской закономерностью, лишь только с большей подлостью и с большим коварством.

Вот уже почти двадцать лет русская патриотическая пресса пишет о закабалении России «пятой колонной», превратившейся на деле уже в «шестую колонну» бесчисленных предателей и грабителей нашего национального достояния. И все эти годы мы говорим о безразличии населения к бедам страны, все эти годы мы безуспешно призываем русских к объединению перед личиной всемирного, циничного Хама, нагло попирающего наши традиции и нашу культуру. Современный бесстрашный поэт мог бы слово в слово повторить все то, что в 1921 году Сергей Бехтеев выплеснул из своего сердца в стихотворении «Мать», которое абсолютно актуально и для нынешних дней:

*Во имя безумной идеи «свобод»
В крови задыхается русский народ,
Бессильный сорвать свои путы,
Бессильный злодеев из царства изгнать,
Бессильный за правое дело восстать
В години невиданной смуты.
...О, люди! О, братья! Забудем раздор!
Ведь тризна злодеев — наш русский позор,*

*Глумленья над трупом любимым.
Пора помириться! Довольно молчать!
Ведь это же нашу несчастную Мать
Насилуют в доме родимом!*

Теперь, когда атеистический XX век остался у нас за спиной, мы можем спросить самих себя: что было превыше всего для Российской империи как государства в прежние времена? Что являлось гарантом ее неколебимой державной стойкости перед любым врагом и любым несчастьем? И ответ может быть только один: Бог и Царь. Когда в сердце народа был Царь, а в душе — Бог, тогда никакая беда нам была не страшна и никакой враг не мог нас осилить. Но как только народ наш отрекся от Царя и от Бога, — беды, трагедии и катастрофы обрушились на Россию бесконечным потоком. (Тут необходимо сказать, что отречение Царя от власти было невозможно без отречения от Него народа. К тому же Николай II не отрекался ни от монархии, ни от Державы, он лишь после отказа от престола брата Михаила передал царство сыну Алексею. Но масонское окружение воспрепятствовало сохранению монархии.)

Без Бога и без Царя нет правды, нет высшей Истины и нет справедливости на земле. Поэт и беззаветный патриот Сергей Бехтеев настолько остро чувствовал и понимал это, что, начиная с 1917 года, уже ни о чем другом не мог говорить в своих стихах. Его лира, точно вечевой колокол, изо всех сил пыталась пробудить оглохший в распрях и заблудший народ, заставить очнуться Россию и осознать свое гибельное сиротство. Его так и называли при жизни — «Царский звонарь». Но зов этой набатной лиры уже почти никто не слышал в народной среде:

*Гулко несется заутренний звон,
Будит упрямо заспавшихся он,
Но, погруженный в тревоги забот,
Спит непробудно плененный народ.
Спит наша Русь, отгоняя сквозь сон
В двери стучащийся радостный звон,
Вновь неспособная сердцем принять
Мира и веры былой благодать.*

Но даже сквозь кровь и муки Гражданской войны и сквозь тягостные годы эмиграции Сергей Бехтеев пронес веру в воскрешение богоносного народа и Российской империи, веру в неизбежное признание нашей Родины святости Царя. Да, удивляет,

но не поражает дар предвидения поэта, поскольку подлинный поэт никогда не сомневается в том, что свет Истины и дух справедливости рано или поздно, хоть через века, но побеждают любое зло и всякую ложь. Он знал — русский Царь воскреснет и вместе со своей замученной семьей обретет святость. Все случилось гораздо раньше и в точности с прозрением поэта:

*Пройдут века, ночные тени
Разгонит светлая заря,
И мы склонимся на колени
К ногам Державного Царя.
Забудет Русь свои печали,
Кровавых распрей времена;
Но сохранят веков скрижали
Святых Страдальцев Имена.
На месте том, где люди злые
Сжигали Тех, Кто святы нам,
Поднимет главы золотые
Победоносный Божий Храм.
И, Русь с небес благословляя,
Восстанет Образ неземной
Царя-Страдальца Николая
С Его замученной Семей.*

Сергей Сергеевич Бехтеев родился 7 апреля (по ст. стилю) 1879 года в с. Липовка Елецкого уезда Орловской губернии* в родовитой дворянской семье, в которой глубоко были заложены основы православного видения мира. Учился и воспитывался в Императорском Александровском (Царскосельском) лицее, где в свое время учился А.С. Пушкин. Там же он впитал и любовь к поэтическому слову. Три родные сестры С. Бехтеева состояли фрейлинами царского двора, и потому с юности он близко соприкасался с придворной жизнью и ее атмосферой. В дальнейшем верность императорской семье и приверженность монархии он сохранит в душе до конца своих дней. По окончании Лицея он поступил на службу в подшефный ее императорскому величеству Кавалергардский полк, где получил чин корнета.

Свой первый сборник стихов он издал в 1903 году. Книга эта вышла с посвящением матери Царя Николая II императрице Марии Федоровне.

* Ныне это Задонский район Липецкой области.

С началом Мировой войны С. Бехтеев служит в действующей армии и после ранения попадает в Дворцовый лазарет, где удостоивается посещения государыней Александрой Федоровной с великими княжнами. Закончив лечение, вновь отправляется на фронт и снова получает ранение. После пребывания в госпитале едет на родину, где узнает, что от него ушла любимая женщина. Горечь измены уже тогда коснулась его стихотворного творчества.

Для продолжения лечения в начале 1917 года он уезжает на Кавказ — в Кисловодск и Пятигорск. Там и застаёт его известие об отречении Николая. В его творчестве происходит резкий перелом — от личной драмы к высокопатриотическому осознанию событий, происходящих в стране. Здесь С. Бехтеев создает свой первый цикл гражданской лирики.

В октябре 1917 года поэт возвращается на родину, живет в Ельце и Орле. Видя хаос беззакония и разгром прежней жизни, он пишет пять стихотворений — «Россия», «Боже, Царя сохрани», «Верноподданным», «Святая ночь» и легендарную «Молитву», ставшую затем широко известной в Советской России. Через графиню А.В. Гендрикову эти стихи удалось передать в Тобольск царской семье, для которой они стали большой моральной поддержкой.

Со стихотворением «Молитва», была связана удивительная мистическая история. Дело в том, что во время расследования комиссией Н.А. Соколова преступления в Екатеринбурге автограф «Молитвы», сделанный рукой великой княжны Ольги, был обнаружен в книге, подаренной ей матерью — императрицей Александрой Федоровной (на книге сохранилась надпись: «В. К. Ольге. 1917. Мама. Тобольск»). По этой причине долгое время авторство «Молитвы» приписывалось царевне Ольге и в советское время «Молитва» даже публиковалась под ее именем. Эта история и впрямь выглядела очень правдоподобно: царевны при их кротости перед своей гибелью действительно могли молить Господа о прощении их мучителей.

*Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.*

*Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.*

*И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья,
Христос, Спаситель, помоги!*

*Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, смертный час.*

*И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов!*

Сознавая свой офицерский долг служить гибнущей Отчизне, Сергей Бехтеев вступает в Добровольческую армию. В ней он воюет с 1918-го по 1920 год.

Свой долг Сергей Бехтеев исполняет до конца, разделив все тяготы и скорби с Белым воинством. В рядах Белой армии поэт отступает в Крым. В ноябре 1920 года он навсегда покидает Россию, со множеством русских изгнанников отплыв из Керчи на пароходе «Самара». Прощаясь с Родиной, он пишет стихотворение «Прости», проникнутое горькой тоской и покаянием:

*В глазах раскинулся широко
Простор безбрежного пути,
И шепчем мы с тоской глубокой:
«Отчизна милая, — прости!»*

Найдя прибежище в сербской Воеводине неподалеку от г. Нови Сад, С.С. Бехтеев становится активным участником общественной жизни русской диаспоры, пишет статьи, редактирует издававшуюся в Белграде монархическую газету «Русский стяг». Свою гражданскую лирику он объединяет в сборник «Песни русской скорби и слез», который выходит в свет в Мюнхене в 1923 году. В 1925 году выходит его автобиографический роман «Два письма»; в нем он с болью говорит о причинах поражения Добровольческой армии. Любовная лирика Бехтеева вошла в книгу «Песни сердца», изданную в Белграде в 1927 году. Главный мотив поэзии Бехтеева — это, конечно, трагедия России, измена Царю ближнего окружения, предательство интеллиген-

цией и русским дворянством белой идеи и надежда на воскрешение великой Империи.

В конце 1929 года С.С. Бехтеев переехал во Францию и поселился в Ницце, где и провел все свои оставшиеся годы. Здесь он тоже вошел в круг русских единомышленников, так как в Ницце находился один из монархических центров, служит старостой храма во имя Державной иконы Божией Матери. В 1934 году здесь же был издан его сборник стихов «Царский гуслиар». В 1949, 1950, 1951 и 1952 гг. вышли в свет четыре его книги, объединенные одним названием «Святая Русь» и ставшие полным собранием стихотворений.

Надо сказать, что идея «За Веру, Царя и Отечество» настолько глубоко проникла в сознание поэта-монархиста Сергея Бехтеева, что никакие другие идеи, захватившие в то время Европу, и никакие другие события, происходившие в мире, уже не волновали его сознание. Даже Вторая мировая война никак не отразилась в его стихах, в которых он продолжал воспевать Россию, запечатленную его душой до революционной смуты. Все творчество Бехтеева — это неустанная, самозабвенная молитва за Святую Русь.

*Довольно насмешек, довольно обид,
Предательской лжи и обмана!
Проснись, всенародный запятнанный стыд!
Пусть Божия правда опять озарит
Потемки земного тумана!*

*Крамольная сила, рассейся, уйди!
Смирись, окаянное племя!
Надежда проснулась в усталой груди,
И очи мои лицезрят впереди
Грядущее, светлое время.*

*Безумство уляжется, горе пройдет,
Рассеются скорби и муки,
И вновь возрожденный, счастливый народ,
Увидев желанного Солнца восход,
Протянет к Нему свои руки.*

*Тогда, о, тогда мне не жаль умереть.
Жила бы лишь правда в народе.
На песни мои вам оков не надеть.
Я буду и мертвый восторженно петь
О Боге, Царе и свободе!..*

Скончался С.С. Бехтеев 4 мая 1954 года. Похоронен на русском кладбище в Ницце. На могильной плите сделана надпись: «Сергей Сергеевич Бехтеев. Лицеист 59 выпуска Имп. Александровского лицея. Царский поэт. Офицер Белой Армии».

До сих пор в России мало кому известно творчество и даже имя необыкновенно талантливого автора, обладавшего на редкость проникновенным поэтическим даром, — Ивана Савина. Россия, наверное, единственная в мире страна, которая всё еще не собрала воедино и не удостоила заслуженной памяти своих гениальных певцов, запечатлевших в слове ее ни с чем не сравнимую судьбу.

При жизни его называли белым витязем, поэтом белой мечты... К.В. Деникина писала в нью-йоркской газете «Новое русское слово» в 1957 году: «Савин, однолесток Лермонтова, скончался на 28-м году жизни... Его не знают широко. Жестокая судьба послала его в русскую жизнь в самые роковые годы лихолетья, в красную завихруху, которая снесла все устои нашей культуры; и надо сказать, что на его долю выпали все муки».

Широко его не знают в России до сих пор.

Поэт Иван Иванович Савин родился 29 августа (по ст. стилю) 1899 года в Одессе. Детство и юность провел в маленьком уездном городе Зеньково Полтавской губернии. В 19-летнем возрасте ушел добровольцем в Белую армию, поступив в эскадрон белгородских улан Сводного полка генерала Каледина. А после гибели А.М. Каледина и Л.Г. Корнилова воевал в армии Деникина. В огне Гражданской погибли четыре его брата и две сестры. Перед эвакуацией белых из Крыма он заболел тифом и, не успев эвакуироваться, попал в плен к красным. Пройдя ад пересыльных тюрем ЧК, оказался в Петрограде, где жил его отец Иван Саволайнен, финн по национальности. С помощью отца в 1922 году ему удалось освободиться из тюрьмы и вырваться в Финляндию, в г. Гельсингфорс.

Здесь, в Финляндии, раскрылся яркий, самобытный талант поэта, прозаика и публициста Ивана Савина, произведения которого невозможно читать без искреннего сочувствия и душевного волнения. Работая грузчиком в порту и чернорабочим на заводе, он в свободное от работы время писал обжигающие своей правдивой остротой стихи и прозу, основанные на воспоминаниях о дорогой сердцу России и пережитой личной трагедии. Там, в эмиграции, возник потрясающий поэт Белой идеи, которому было всего двадцать с лишним лет.

*Кто украл мою молодость, даже
Не оставил следов у дверей.
Я рассказывал Богу о краже,
Я рассказывал людям о ней.*

*Я на паперти бился о камни.
Правды скоро не выскажет Бог.
А людская неправда дала мне
Перекопский полон и острог.*

*И хожу я по черному снегу,
Никогда не бывав молодым.
Небывалую молодость эту
По следам догоняя чужим.*

Стихи, рассказы и статьи Ивана Савина публиковались в русских изданиях Финляндии, Латвии, Эстонии, Берлина и Парижа. Судьбой Ивану Савину было отпущено пять лет творческой жизни. Но за эти годы им были созданы поистине поэтические шедевры, о которых остались восторженные отзывы современников поэта. В 1926 году в Белграде тиражом 200 экземпляров вышел его единственный прижизненный сборник стихов «Ладонка», в предисловии к которому профессор В.Х. Давате писал об этих стихах: «...в них нет ни патриотического шума, ни сентиментальной слащавости. И главное — в них нет нигде *стихотворной прозы*. Словами, которые падают в душу огненными каплями, выражает он *внеполитическую* природу белых борцов». А через тридцать лет Глеб Струве в работе «Русская литература в изгнании» так отзывался о первом издании «Ладонки»: «Религиозность, любовь к России и вера в нее, и верность «белой мечте», звучавшие как основные мотивы в этой скромной книжечке, стяжали Савину популярность в кругах, все еще преданных Белой идее. Но в стихах Савина не было ничего надуманно-тенденциозного, никакой пропаганды. У него был свой, приглушенный, но подлинно-поэтический голос» (Нью-Йорк, 1956 г.).

Летом 1927 года Иван Савин скончался от заражения крови после неудачной операции аппендицита, когда ему еще не было 28-ми. По свидетельству его жены, перед смертью, после нескольких недель мучений, он записал слабеющей рукой последние строки: «Произведенный смертью в подпоручики // Лейб-гвардии Господнего полка». Похоронен на русском кладбище в Хельсинки.

И.А. Бунин, откликнувшись на смерть Ивана Савина, написал в парижской газете «Возрождение»: «То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу в русской литературе; во-первых, по причине полной своеобразности стихов и их пафоса; во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон, некоторые же вещи и строфы — особенно».

Такие строфы присутствуют, по сути, в каждом стихотворении Ивана Савина:

*Никакие метели не в силах
Опрокинуть трехцветных лампад,
Что зажег я на дальних могилах,
Совершая прощальный обряд.
Не заставят бичи никакие,
Никакая бездонная мгла
Ни сказать, ни шепнуть, что Россия
В пытках вражьих сгорела дотла.*

Поэт Милостью Божьей, Иван Савин — наше культурное достояние. Остается верить, что его творчество, являющее пример высокого таланта и верности России, будет наконец востребовано мыслящим русским обществом.

«Что имеем — не храним...», — справедливо сказано о российской всевозможной расточительности. Вот и эта русская поэтесса до недавнего времени была совершенно забыта и незнама в России. Хотя в 20—30 годы прошлого века она считалась самой любимой поэтессой у эмигрантов Харбина. На ее могиле, находящейся в Чили, — эпитафия из ее же стихов:

*Смертны и ты и я.
Сомкнем усталые веки.
Но Россия жива моя —
И теперь, и потом, и навеки.*

Ее литературное имя — Марианна Колосова. Вряд ли она сама в конце жизни надеялась вернуться своими стихами на Родину. Однако, как известно, пути Господни неисповедимы. Открытие нами ее замечательного творчества — яркий, свершившийся факт.

Главная черта поэзии Марианны Колосовой удивительное своеобразие, непохожесть на всё то, что было в русском (и

прежде всего женском) стихотворчестве до нее. Обладая глубокой природной талантливостью и культурой, она сумела соединить в своих стихах страсть, мужество, пронизательный ум и женскую неповторимую нежность. Не случайно эти ее строки стали крылатыми у белогвардейцев Сибири:

*Пристальнее в душу посмотрите-ка:
Отдает свою по капле кровь...
Самая мудрейшая политика —
Искренняя к Родине любовь!*

Не приняв ложь и безнравственность большевистской власти, пережив в молодости всю жестокость Гражданской войны, Марианна Колосова посвятила свою жизнь борьбе с поработителями России. Вся ее поэзия излучает страстную веру в высшую справедливость и надежду на воссоздание погубленной Родины:

*Россия? Ты еще жива?
В цвету черемуховом ты ли?..
Зимой, наверно, на дрова
Мою черемуху срубили...*

*Неправда! Ты не умерла,
Хоть и подрублена под корень,
С душой Двуглавого Орла,
Который грозам непокорен!*

*Ты — вся в огне и вся в цвету,
И ты ни в чем не виновата.
Лелеешь новую мечту —
И громового ждешь раската.*

Марианна Колосова (Римма Ивановна Виноградова, в замужестве Покровская) родилась 19 (26) мая 1903 года на Алтае. Происходила из древнего и крепкого рода кубанских казаков. Ее отцом был священник, убитый воинствующими безбожниками, а ее жених, белогвардейский офицер, был расстрелян чуть ли не на ее глазах. До Гражданской войны жила в Барнауле.

Весь 1919 год и начало 1920-го Марианна Колосова провела в районе Семиречья — последнем оплоте белых сил на юго-восточном направлении. Эту территорию удерживали остатки 2-го Степного сибирского корпуса под командованием генерал-май-

ора Анненкова. После разгрома белых она навсегда покинула Россию, перебравшись вместе с анненковцами в Китай, сначала в Джунгарию, а затем в Харбин.

Там, в китайском Харбине, ее стихи стали публиковаться в русском журнале «Рубеж», а в 1929 году вышел первый ее сборник «Армия песен». В дальнейшем в Харбине увидели свет ее книги стихов «Господи, спаси Россию!», «Не покорюсь!», «На звон мечей». Творчество Марианны Колосовой высоко ценили русские поэты Харбина — А. Несмелов, А. Ачаир, В. Перелешин и многие другие. Современники называли ее «бардом Белой армии» и харбинской Мариной Цветаевой.

После оккупации Харбина японцами она в 1934 г. вместе с мужем, бывшим офицером Белой армии А.Н. Покровским переехала в Шанхай, где ее стихи стали публиковаться в журнале «Парус» и где вышли две ее последние книги: «На боевом посту» и «Медный гул». В 1949 году Китай стал коммунистическим, и семья Покровских уехала сначала на Филиппины, затем в Бразилию. В конце 50-х они окончательно осели в Чили. Скончалась Марианна Колосова 6 октября 1964 года. Похоронена в Пуэнте-Альто, пригороде Сантьяго. На табличке, прикрепленной к могильному кресту, имеется надпись: «Русская национальная поэтесса».

Время все расставляет по своим местам. Шелуха отпадает и превращается в прах. Но живое слово, за которым стоят честь и достоинство, как зеленая ветвь, пробивается сквозь любые нагромождения лжи и клеветы. Поэты Белой гвардии возвращаются на Родину своим блистательным творчеством. Они возвращаются к нам на века и уже никогда не уйдут из наших сердец.

Валерий ХАТЮШИН

Николай
ТУРОВЕРОВ

ПЕРЕКОП**1**

Сильней в стремёнах стыли ноги,
И мерзла с поводом рука.
Всю ночь шли рысью без дороги
С душой травимого волка.
Искрился лед отсветом блеска
Коротких вспышек батарей,
И от Днепра до Геническа
Стояло зарево огней.
Кто завтра жребий смертный вынет,
Чей будет труп в снегу лежать?
Молись, молись о дальнем сыне
Перед святой иконой, мать!

2

Нас было мало, слишком мало.
От вражьих толп темнела даль;
Но твердым блеском засверкала
Из ножен вынутая сталь.
Последних пламенных порывов
Была исполнена душа,
В железном грохоте разрывов
Вскипали воды Сиваша.
И ждали все, внимая знаку,
И подан был знакомый знак...
Полк шел в последнюю атаку,
Венчая путь своих атак.

3

Забывать ли, как на снеге сбитом
В последний раз рубил казак,
Как под размашистым копытом
Звенел промерзлый солончак,

И как минутная победа
Швырнула нас через окоп,
И храп коней, и крик соседа,
И кровью залитый сугроб?
Но нас ли помнила Европа,
И кто в нас верил, кто нас знал,
Когда над валом Перекопа
Орды вставал девятый вал?

4

О милом крае, о родимом
Звенела песня казака,
И гнал, и рвал над белым Крымом
Морозный ветер облака.
Спеши, мой конь, долиной Качи,
Свершай последний переход.
Нет, не один из нас заплачет,
Грузясь на ждущий пароход,
Когда с прощальным поцелуем
Освободим ремни подпруг,
И, злым предчувствием волнуем,
Заржет печально верный друг.

* * *

В эту ночь мы ушли от погони,
Расседлали своих лошадей;
Я лежал на шершавой попоне
Среди спящих усталых людей.
И запомнил, и помню доньше
Наш последний российский ночлег,
Эти звезды приморской пустыни,
Этот синий мерцающий снег.
Стергло нас последнее горе
После снежных татарских полей —
Ледяное Понтийское море,
Ледяная душа кораблей.
Все иссякнет — и нежность, и злоба,
Все забудем, что помнить должны,
И останется с нами до гроба
Только имя забытой страны.

* * *

Не выдаст моя кобылица,
Не лопнет подпруга седла.
Дымится в Задонье, курится
Седая февральская мгла.
Встает за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь,
И где-то правее — Корнилов,
В метелях идущий на смерть.
Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,
Тоску безысходного гона,
Тревоги в морозных ночах,
Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.
Мы отдали всё, что имели,
Тебе, восемнадцатый год,
Твоей азиатской метели,
Степной — за Россию — поход.

КРЫМ

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня,
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За высокою кормой,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Ожидали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,
Покраснела чуть вода...
Уходящий берег Крыма
Я запомнил навсегда.

ПОХОД

Как в страшное время Батяя,
Опять породнимся с огнем,
Но, войско, тебе не впервые
Прощаться с родным куренем!
Не дрогнув, станицы разрушить,
Разрушить станицы и сжечь.
Нам надо лишь вольные души,
Лишь сердце казачье сберечь!
Еще уцелевшие силы —
Живых казаков сохранять,
Не дрогнув, родные могилы
С родною землею сровнять.
Не здесь — на станичном погосте,
Под мирною сенью крестов
Лежат драгоценные кости
Погибших в боях казаков;
Не здесь сохранялись святыни,
Святыни хранились вдали:
Пучок ковыля да полыни,
Щепотка казачьей земли.
Все бросить, лишь взять молодаек.
Идем в азиатский пустырь —
За Волгу, за Волгу — на Яик,
И дальше, потом — на Сибирь.
Нет седел, садитесь охлюпкой —
Дорогою седла найдем.
Тебе ли, родная голубка,
Впервые справляться с конем?
Тебе ли, казачка, тебе ли
Душою смущаться в огне?
Качала дитя в колыбели,
Теперь покачай на коне!

За Волгу, за Волгу — к просторам
Почти не открытых земель.
Горами, пустынями, бором,
Сквозь бури, и зной, и метель
Дойдем, не считая потери,
На третий ли, пятый ли год,
Не будем мы временем мерить
Последний казачий исход.
Дойдем! Семиречье, Трехречье —
Истоки неведомых рек...
Расправя широкие плечи,
Берись за топор, дровосек;
За плуг и за косы беритесь —
Кохайте и ширьте поля;
С молитвой трудитесь, крепитесь,
Не даром дается земля —
Высокая милость Господня,
Казачий престол Покрова;
Заступник Никола-Угодник
Услышит казачьи слова.
Не даром то время настанет,
Когда, соберясь у реки,
На новом станичном майдане
Опять зашумят казаки.
И мельницы встанут над яром,
И лодки в реке заснут...
Не даром дается, не даром,
Привычный станичный уют.
Растите, мужайте, станицы,
Старинною песней звеня;
Веди казаку, молодица,
Для новых походов коня,
Для новых набегов в пустыне,
В глухой азиатской дали...

О горечь задонской полыни,
Щепотка казачьей земли!
Иль сердце мое расколосось?
Нет — сердце стучит и стучит.
Отчизна, не твой ли я голос
Услышал в парижской ночи?

АЗОВ

Эту землю снова и снова
Поливала горячая кровь.
Ты стояла на башне Азова
Меж встречающих смерть казаков.
И на ранней заре, среди тумана,
Как молитва звучали слова:
За Христа, за святого Ивана,
За казачий престол Покрова,
За свободу родную, как ветер,
За простую степную любовь,
И за всех православных на свете,
И за свой прародительский кров.
Не смолкало церковное пенье;
Бушевал за спиною пожар;
Со стены ты кидала каменья
В недалеких уже янычар
И хлестала кипящей смолою,
Обжигаясь сама и крича...
Дикий ветер гулял над тобою
И по-братски касался плеча:
За святого Ивана, за волю,
За казачью любовь навсегда!..
Отступала, бежала по полю
И тонула на взморье орда.
Точно пьяная, ты оглянулась —
Твой сосед был уродлив и груб;
Но ты смело губами коснулась
Его черных, запекшихся губ.

НОВОЧЕРКАССК*(Поэма)*

Меня с тобой связали узы
Моих прадедов и дедов.
Не мне ль теперь просить у музы
И нужных рифм, и нужных слов?
Воспоминаний кубок пенный
Среди скитаний и невзгод
Не мне ль душою неизменной
Испить указан был черед?
Но мыслить не могу иначе:
Ты город прошлых тихих дней,
И новый вихрь судьбы казачьей
Тебе был смерти холодней.

1

Жизнь шла размеренно, не скоро,
Не трудно, но и не легко,
И купол золотой собора
Кругом был виден далеко.
Зимой снега, разлив весной,
А летом ветер, зной и пыль,
Но не мечтал никто иною
Сменить сегодняшнюю быль.
Служилый город и чиновный
Один порядок жизни знал,
И даже мостовой неровной
Вид никого не оскорблял.
По воскресеньям привозили
К базару уголь и каймак,
И на восток глядел среди пыли
В кольчуге бронзовый Ермак.

2

Зимою молодежь гранила
Московской улицы панель,
А летом в сад гулять ходила,
Где старой башни цитадель,
И где в киоске продавщица,
Блестя огнем задорных глаз,
Глядела, как меняет лица,
Стреляя в нос, холодный квас.
И отставные офицеры
В воспоминаньях прошлых дней
Венчали путь своей карьеры
Прогулкой чинной вдоль аллей.

3

Балы не редкостью бывали,
На них полковник и кадет,
Не уставая, танцевали,
Топча безжалостно паркет,
И иногда мелькал средь танца
Мечтою институтских лет
Лейб-казака иль атаманца
Мундир, пленяющий лорнет.
В театре с лихостью играли
В антрактах долгих трубачи,
И у подъезда ожидали
Извозчики и лихачи.

4

Был атаман главою края,
Слугой России и Царей,
И, облачением сияя,
Служил в соборе архиерей.
О Думе спорили дворяне
И об охоте невзначай,
Купцы — о дегте и тарани,
В прохладных лавках сев за чай.
Блюли закон, моляся Богу,
Хулили злобу, блуд и месть.
Все казаки ходили в ногу
И отдавали лихо честь.

5

Учили те, кто побогаче,
Своих детей, поря за лень,
И реалист носил казачий
Лампас и с кантами чекмень.
Дул ветер зимний или жаркий —
Спал город мирно до зари.
Сквозил пролет к вокзалу арки,
Где проезжали все Цари.
Черед часов был тих и плавен,
Крепка была родная лепь.
Давно забыли, что Булавин
Дымил пожаром эту степь.

6

Степная быль дышала сонно,
Был тверд загар казачьих лиц,
Как воды медленного Дона,
Текла простая жизнь станиц.
Весну встречали в поле, сея,
Скотину выгнав из базов.
Под Пасху ждали иерея
К лампадам темных образов.
Косили в зной, возили кони
Снопы на шумное гумно,
Желтей червонца на попоне
Лежало новое зерно.
Зимой же спали. Песни пели.
Дедь, хваля минувший век,
Хлебали взвар и с хлебом ели
Арбузный мед, густой нардек.

7

Не к жизни бранной и беспечной
Взывал, спокойствием маня,
Средь вишняка дымок кизечный
Над мирным кровом куреня.
Страны померкнул образ древний.
Средь электрических зарниц
Никто не отличал деревни
От вольных некогда станиц.

Покоюм грезили левады,
И стал казак с былым не схож,
Неся на чубе лоск помады,
Под скрип резиновых калош.

8

Февраль принес с собой начало.
Ты знал и ждал теперь конца.
Хмельная Русь себя венчала
Без Мономахова венца.
Тебе ль стоять на Диком поле,
Когда средь вздыбленных огней
Воскресший Разин вновь на воле
Сзовет испытанных друзей?
Ты знал — с тобой одним расплата
За тишь романовского дня.
Теперь не вскочит пылкий Платов,
Тебя спасая, на коня.

9

Давно оплеванным призывом
Серели мокрые листки,
С тоской кричали и надрывом
Внизу вокзальные свистки.
В тумане сумрачно темнели
Бульваров мокрых тополя,
А партизаны шли и пели:
«Увидим стены мы Кремля».
Гудели пушки недалёко,
И за грехи своих отцов
Шли дети к смерти одиноко,
И впереди них — Чернецов.

10

Кружились вихри снеговые
Над свежей глиною могил.
Знал Каледин, кого впервые
Он на кладбище проводил.
Мела метель. Покорно ждали
Неотвратимого конца,
Но эти дни зачаровали
Снегами юные сердца.

И стало тесно и немило
В глухих родительских домах,
Когда свой знак нашил Корнилов
На партизанских рукавах.

11

Зарю казачьего рассвета
Вещал речами мудро Круг,
Цвело надеждой это лето,
И тополей кружился пух.
Несли к собору из музея
Знамена, стяги, бунчуки,
И, дикой мезью пламеня,
Восстав, дрались казаки.
А там, где раньше были дачи,
Полков младых ковалась крепь.
Блестел собор с горы иначе —
Иной теперь вставала степь.

12

И над дворцом зареял гордо,
Плеща по ветру, новый флаг.
Звучало радостно и твердо
И «danke schön», и «guten Tag».
Открылись снова магазины,
Забыв недавнее давно,
В подвалах налили грузины
Гостям кавказское вино.
И всё собою увенчала
Герба трехвековая сень,
Где был казак нагой сначала,
Потом — с стрелой в боку олень.

13

О, эти дни кровавых оргий! —
Ты для себя сам стал чужим.
Побед минутные восторги
Летели прочь, как легкий дым.
И был уверен ты заранее —
Не властны в эти дни вожди,
И пламя буйное восстаний
Зальют осенние дожди.

14

Но вновь за мертвенной зимою,
В последний раз хмельна, красна,
Играла полою водою
Твоя последняя весна.
Молниеносные победы
Благословлял весенний дух,
И расцветали вновь обеды,
Молебны и речистый Круг.

15

Британцы, танки и французы...
Как дань восторгов и похвал
Надели английские блузы
И гимназист, и генерал.
Кто не был бодр, кто не был весел,
Когда на карте за стеклом
Осваг победный шнур повесил
Между Одессой и Орлом?
И все надежды были правы —
На север мчались поезда.
Была тускла средь белой славы
Пятиконечная звезда.

16

Как был прекрасен и возвышен
Высокий строй газетных слов!
Казалось всем, что был уж слышен
Кремлевский звон колоколов.
Блестели радостные взоры;
Под громы дальних канонад,
Как порох, вспыхивали споры —
Кому в Москве принять парад,
Кто устранил теперь препоны,
Когда еще повсюду мгла, —
Орел двуглавый без короны
Или корона без орла?

17

Дымилась Русь, горели сёла,
Пылали скирды и стога,
И я в те дни с тоской веселой
Топтал бегущего врага,

Скача в рядах казачьей славы,
Дыша простором диких лет.
Нас озарял забытой славы,
Казачьей славы пьяный свет.
И сердце всё запоминало,
Легко рубил казал с плеча,
И кровь на шашке засыхала
Зловещим светом сургуча.

18

Тамбов. Орел. Познал обмана
Ты весь чарующий расцвет,
Когда смерч древнего бурана
Сметал следы имперских лет.
И над могилою столетий
Сплелися дикою гульбой
Измена, подвиги и плети,
И честь, и слезы, и разбой.

19

Колокола могильно пели.
В домах прощались. Во дворе
Венок плели, кружась, метели
Тебе, мой город, на горе.
Теперь один снесешь ты муки
Под сень соборного креста.
Я помню, помню день разлуки
В канун Рождения Христа.
И не забуду звон унылый
Среди снегов декабрьских вьюг
И бешеный галоп кобылы,
Меня бросающей на юг.

* * *

На солнце, в мартовских садах,
Еще сырых и обнаженных,
Сидят на постланных коврах
Принарядившиеся жены.
Последний лед в реке идет,
И солнце греет плечи жарко;
Старшинским женам мед несет
Ясырка — пленная татарка.
Весь город ждет и жены ждут,
Когда с раската грянет пушка,
Но в ожиданье там и тут
Гуляет пенистая кружка.
А старики всё у реки
Глядят толпой на половодье —
Из-под Азова казаки
С добычей приплывут сегодня.
Моя река, мой край родной,
Моих прабабок эта сказка,
И этот ветер голубой
Средневекового Черкаска.

* * *

Эти дни не могут повторяться,
Юность не вернется никогда.
И туманнее и реже снятся
Нам чудесные, жестокие года.
С каждым годом меньше очевидцев
Этих страшных, легендарных дней.
Наше сердце приучилось биться
И спокойнее, и глуше, и ровней.
Что теперь мы можем и что смеем?
Полюбив спокойную страну,
Незаметно медленно стареем
В европейском ласковом плену.
И растет и ждет ли наша смена,
Чтобы вновь в февральскую пургу
Дети шли в сугробах по колена
Умирать на розовом снегу?
И над одинокими на свете,
С песнями идущими на смерть,
Веял тот же сумасшедший ветер
И темнела сумрачная твердь.

* * *

Жизнь не проста и не легка.
За спицею мелькает спица.
Уйти б на юг, и в казака
По-настоящему влюбиться.
Довольно ждать, довольно лгать,
Играть самой с собою в прятки.
Нет, не уйти, а убежать
Без сожалений и оглядки
Туда, где весело живут,
Туда, где вольные станицы,
И где не вяжут и не ткут
Своих нарядов молодежи;
Где все умеют пить и петь,
Где муж с женой пируют вместе,
Но туго скрученная плеть
Висит на самом видном месте.
Ах, Дон, Кубань, Тмутаракань!
А я в снегах здесь погибаю.
Вот Лермонтов воспел Тамань.
А я читаю и мечтаю.
И никуда не убегу...
Твердя стихи о Диком поле.
Что знаю я и что могу,
Живя с рождения в неволе?
И мой недолгий век пройдет
В напрасном ожиданье чуда,
Московский снег, московский лед
Меня не выпустят отсюда.

1914 ГОД

Кзаков казачки проводили,
Кзаки протились с Тихим Доном.
Разве мы, их дети, позабыли,
Как гудел набат тревожным звоном?
Кзаки скакали, тесно стремя
Прижимая к стремени соседа.
Разве не казалась в это время
Неизбежной близкая победа?
О, незабываемое лето!
Разве не тюрьмой была станица
Для меня и бедных малолеток,
Опоздавших вовремя родиться?

* * *

Мы шли в сухой и пыльной мгле
По раскаленной крымской глине,
Бахчисарай, как хан в седле,
Дремал в глубокой котловине.
И в этот день в Чуфут-Кале,
Сорвав бессмертники сухие,
Я выцарапал на скале:
«Двадцатый год. Прощай, Россия».

* * *

Как когда-то над сгубленной Сечью
Горевал в своих песнях Тарас, —
Призываю любовь человечью:
Кто теперь погорюет о нас?
Но в разлуке с тобой не прощаюсь,
Мой далекий отеческий дом, —
Перед Господом не постесняюсь
Называться донским казаком.

МАЙДАН

Они сойдутся в первый раз
На обетованной долине,
Когда трубы звенящий глас
В раю повтóрит крик павлиний,
Зовя всех мертвых и живых
На суд у Божьего Престола,
И станут парой часовых
У врат Егорий и Никола.
И сам архангел Михаил,
Спустившись в степь, в лесные чащи,
Разрубит плен донских могил,
Подняв высоко меч горящий.
И Ермака увидит Бог
Разрез очей упрямо смелый,
Носки загнутые сапог,
Шишак и панцырь заржавелый.
В тоске несбывшихся надежд,
От страшной казни безобразен,
Пройдет с своей ватагой Разин,
Не опустив пред Богом вежд.
Булавин промелькнет Кондратий;
Открыв кровавые рубцы,
За ним — заплатата на заплате —
Пройдут зипунные бойцы,
Кто Русь стерег во тьме столетий,
Пока не грянула пора
И низко их склонились дети
К ботфортам грозного Петра.
В походном синем чекмене,
Как будто только из похода,
Проедет Платов на коне
С полками памятного года.

За ним, средь кликов боевых,
Взметая пыль дороги райской,
Проскачут с множеством других
Бакланов, Греков, Иловайский —
Все те, кто славу казака
Сплетя со славою имперской,
Донского гнали маштака
В отваге пламенной и дерзкой
Туда, где в грохоте войны
Мужала юная Россия, —
Степей наездники лихие,
Отцов достойные сыны.
Но вот дыханье страшных лет
Повеет в светлых рощах рая
И Каледин, в руках сжимая,
Пробивший сердце пистолет,
Пройдет средь крови и отрепий
Донских последних казаков.
И скажет Бог: «Я создал степи
Не для того, чтоб видеть кровь».
«Был тяжкий крест им в жизни дан, —
Заступник вымолвит Никола. —
Всегда просил казачий стан
Меня молиться у Престола».
«Они сыны моей земли! —
Воскликнет пламенный Егорий. —
Моих волков они блюли
Среди своих степных приморий».
И Бог, в любви изнемогая,
Ладонью скроет влагу вежд.
И будет ветер гнуть, играя,
Тяжелый шелк Его одежд.

* * *

«В скитаньях весел будь и волен,
Терпи и жди грядущих встреч.
Тот не со Мной, кто духом болен,
Тому не встать, кто хочет лечь.
Простор морей, деревьев пуши
И зреющий на ниве злак
Откроют бодрым и идущим
Благословляющий Мой знак.
В лицо пусть веет ветер встречный —
Иди и помни: Я велел».
Так говорил Господь, и Млечный
На темном небе путь белел.

ТОВАРИЩ

Перегорит костер и перетлеет,
Земле нужна холодная зола.
Уже никто напомнить не посмеет
О страшных днях бессмысленного зла.
Нет, не мученьями, страданиями и кровью —
Утратою горчайшей из утрат —
Мы расплатились братскою любовью
С тобой, с тобой, мой незнакомый брат.
С тобой, мой враг, под кличку «товарищ»,
Встречались мы, наверное, не раз.
Меня Господь спасал среди пожарищ,
Да и тебя Господь не там ли спас?
Обоих нас блюла рука Господня,
Когда, почуяв смертную тоску,
Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты, в крови, склонялся на луку.
Тогда с тобой мы что-то проглядели,
Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
Не для того ль мы оба уцелели,
Чтоб вместе за Отчизну умереть?

* * *

За легкомысленный язык;
За склонность к ветреной забаве,
За то, что я уже привык
К незатруднительной отраве,
За все, за все, чем грешен я,
Ты ниспошли мне наказанье,
Но не лишай меня огня,
Оставь широкое дыханье,
Любви и песен не лишай
И не клади во гроб живого.
Ты видишь: льется через край
Еще взволнованное слово.

* * *

Глубокий снег лежал в горах.
Был лунный свет мутнее дыма.
Попутчик мой сказал: «Аллах
Хранит в дороге пилигрима».
Кто он, откуда? Для меня
Не всё ль равно? На горном склоне
Он своего поил коня,
И вместе пили наши кони.
Теперь нас ждет в горах ночлег.
И знаю я, дрожа от стужи,
Он для меня расчистит снег,
Постелет рваный плащ верблюжий
И, вынув свой кремень и трут,
Зажжет подобранные сучья.
Счастлив Аллах, царящий тут,
Слуги ему не надо лучше.

* * *

Я скрылся от дождя, от ночи и от бури
В пастушьем шалаше. Пастух был нелюдим.
Но он мне место дал у очага на шкуре
И круглый хлеб, надъеденный самим.
В горах случайны и безмолвны встречи.
Что он мне мог сказать, что мог ответить я,
Когда нас крепче слов сближает мех овечий
И скудное тепло дымящего огня?..

* * *

Не плыву — улетаю в Америку.
Кто поймет беспросветную грусть?
Это значит: к заветному берегу
Никогда, никогда не вернусь.
Это значит: благополучию
Жизнь свою навсегда уступил,
Полунищую, самую лучшую,
О которой я Бога просил.

* * *

На простом, без украшений, троне
Восседает всемогущий Бог.
Был всегда ко мне Он благосклонен,
По-отечески и милостив, и строг.
Рядом Ангел и весы, и гири —
Вот он, долгожданный суд!
Все так просто в этом райском мире,
Будто здесь родители живут.
На весы кладется жизнь земная,
Все мои деянья и грехи,
И любовь к тебе, моя родная,
И мои нетрудные стихи.

* * *

И снилось мне, как будто я
Познал все тайны бытия,
И сразу стал мне свет не мил,
И все на свете я забыл,
И ничего уже не жду,
И в небе каждую звезду
Теперь я вижу не такой,
Как видел раньше, золотой,
А бледным ликом мертвеца.
И мертвым слухом мудреца
Не слышу музыки светил.
Я все на свете разлюбил,
И нет в груди моей огня,
И нет людей вокруг меня...
И я проснулся на заре,
Увидел церковь на горе,
И над станицей легкий дым,
И пар над Доном золотым,
Услышал звонких петухов,
И в этом лучшем из миров
Счастливей не было людей
Меня, в безопасности своей.

ЗНАМЯ

Мне снилось казачье знамя,
Мне снилось — я стал молодым.
Пылали пожары за нами,
Клубился пепел и дым.
Сгорала последняя крыша,
И ветер веял вольней,
Такой же — с времен Тохтамыша,
А, может быть, даже древней.
И знамя средь черного дыма
Сияло своею парчой,
Единственной, неопалимой,
Нетленной в огне купиной.
Звенела новая слава,
Еще неслыханный звон...
И снилась мне переправа
С конями, вплавь, через Дон.
И воды прощальные Дона
Несли по течению нас,
Над нами на стяге иконы,
Иконы — иконостас.
И горький ветер усобиц,
От гари став горячей,
Лики всех Богородиц
Качал на казачьей парче.

* * *

Было их с урядником тринадцать
Молодых безусых казаков.
Полк ушел. Куда теперь деваться
Средь оледенелых берегов?
Стынут люди, кони тоже стынут,
Веет смертью из морских пучин...
Но шепнул Господь на ухо Сыну:
Что глядишь, Мой Милосердный Сын?
Сын тогда простер над ними ризу,
А под ризой белоснежный мех,
И все гуще, все крупнее книзу
Закружился над разъездом снег.
Ветер стих. Повеяло покоем.
И, доверясь голубым снегам,
Весь разъезд добрался конным строем
Без потери к райским берегам.

* * *

Мороз крепчал. Стоял такой мороз,
Что бронепоезд наш застыл над яром,
Где ждал нас враг, и бедный паровоз
Стоял в дыму и задыхался паром.
Но и в селе, раскинутом в яру,
Никто не выходил из хат дымящих —
Мороз пресек жестокую игру,
Как самодержец настоящий.
Был лед и в пулеметных кожухах;
Но вот в душе, как будто, потеплело:
Сочельник был. И снег лежал в степях.
И не было ни красных и ни белых.

* * *

Всегда найдется, чем помочь, —
И словом, и делами.
И пусть опять приходит ночь
С бессонными глазами.
Она другим еще темней,
Настолько мир им тесен,
Как будто нет живых людей,
И нет чудесных песен.
Ведь только у слепых в ночи
Нет близкого рассвета.
И, ради Бога, не молчи:
Он не простит нам это!

ОДНОЛЕТОК

Подумать только: это мы
Последние, кто знали
И переметные сумы,
И блеск холодной стали
Клинков, и лучших из друзей
Погони и похода,
В боях израненных коней
Нам памятного года
В Крыму, когда на рубеже
Кончалась конница уже.
Подумать только: это мы
В погибельной метели,
Среди тмутараканской тьмы
Случайно уцелели.
И в мировом своем плену
До гроба всё считаем
Нас породившую страну
Неповторимым раем.

* * *

Помню горечь соленого ветра,
Перегруженный крен корабля;
Полосою синего фетра
Уходила в тумане земля.

Но ни криков, ни стонов, ни жалоб,
Ни протянутых к берегу рук —
Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук,

Напряглась и такую осталась
Тетива наших душ навсегда.
Черной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода.

И прощаясь с Россией навеки,
Я постиг, я запомнил навек
Неподвижность толпы на спардеке,
Эти слезы у дрогнувших век.

* * *

Брату А. Туроверову

1

Ты говоришь: «Смотри на снег,
Когда синей он станет к ночи.
Тяжелый путь за прошлый грех
Одним длинней, другим короче.
Но всех роднят напевы вьюг,
Кто в дальних странствиях обижен.
Зимой острее взор и слух
И Русь роднее нам и ближе».
И я смотрю... Темнеет твердь.
Меня с тобой метель сдружила,
Когда на подвиг и на смерть
Нас увлекал в снега Корнилов.
Те дни прошли. Дней новых бег
Из года в год неинтересней.
Мы той зиме отдали смех,
Отдали молодость и песни.
Но в час глухой я выйду в ночь,
В родную снежную безбрежность —
Разлуку сможет превозмочь
Лишь познающий безнадежность.

2

Нежданной дорогой с тобою мы двое
Идем неразлучно, мой спутник и брат,
Мы помним мучительно время былое
И родины страшный, кровавый закат.
Я знаю: тоской и работой остужен,
Ты числишь устало пустынные дни.
Наш путь и далек, и уныл, и окружен,
Но будет порыв наш стремительно нужен,

Когда мы увидим огни.
Услышим звенящие трубы возврата
И, близко видавшие смерть,
Мы круто свернем на восток от заката,
И будет ничтожна былая утрата
Для вновь обретающих твердь.

* * *

В огне все было и в дыму —
Мы уходили от погони.
Увы, не в пушкинском Крыму
Теперь скакали наши кони.

В дыму войны был этот край,
Спешил наш полк долиной Качи,
И покидал Бахчисарай
Последний мой разъезд казачий.

На юг, на юг. Всему конец.
В незабываемом волненье
Я посетил тогда дворец
В его печальном запустенье.

И увидел я ветхий зал,
Мерцала тускло позолота,
С трудом стихи я вспоминал,
В пустом дворце искал кого-то.

Нетерпеливо вестовой
Водил коней вокруг гарема.
Когда и где мне голос твой
Опять почудился, Зарема?

Прощай, фонтан холодных слез.
Мне сердце жгла слеза иная.
И роз тебе я не принес,
Тебя навеки покидая.

ВЕТЕР

Дуй, ветер, дуй! Сметай года,
Как листьев мертвых легкий ворох.
Я не забуду никогда
Твой начинающийся шорох,
Твоих порывов злую крепь
Не разлюблю я, вспоминая
Далекую родную степь
Мою от края и до края.
И сладко знать: без перемен
Ты был и будешь одинаков —
Взметай же прах Азовских стен,
Играй листвою буераков,
Кудрявь размах донской волны,
Кружи над нею чаек в плаче,
Сзывай вновь свистом табуны
На пустырях земель казачьих.
И, каменных целуя баб
В свирепой страсти урагана,
Ковыльную седую хлябь
Гони к кургану от кургана!

* * *

Мы ничего ни у кого не просим.
Живем одни — быть может, потому,
Что помним добровольческую осень
И наше одиночество в Крыму.
Тогда закат раскрыл над нами веер,
Звездой вечерней засияла высь.
С утра мы бились с конницей — на север,
Потом — на юг — с пехотой дрались.
Мы тесно шли, дорогу пробивая.
Так бьет в утес девятая волна.
Последний бой! Идет не так ли стая
Волков, когда она окружена?
И мы прошли. Прошла и эта осень,
Как бег ночной измученных коней, —
Еще не знали, что с рассветом бросим
На пристани единственных друзей.

* * *

Никто нас не вспомнит, о нас не потужит.
Неспешной водой протекают года.
И было нам плохо, и станет нам хуже,
Покоя не будет нигде, никогда.

Да мы и не ищем спокойного года,
Да нам и нисколько не нужен покой:
Свобода еще с Ледяного похода
Для нас навсегда неразлучна с бедой.

* * *

Мы уходили налегке.
Мы уплывали торопливо
На взятом с боя челноке,
В волнах осеннего разлива,
И быстроводная река
В крутых кругах водоворотов
Несла нас, пенясь и кипя...
Как хорошо! Но жаль кого-то.
Кого? Но только не себя!

МАРТ

За облысевшими буграми
Закаты ярче и длинней,
И ниже виснут вечерами
Густые дымы куреней.
В степи туманы да бурьяны,
Последний грязный, талый снег,
И рьяно правит ветер пьяный
Коней казачьих резвый бег.
Сильней, сильней стяни подпруги,
Вскачи в седло, не зная стремян;
Скачи на выгон, за муругий
На зиму сложенный саман.
Свищи, кричи в лихой отваге
О том, что ты донской казак;
Гони коня через овраги,
За самый дальний буерак.
Пусть в потной пене возвратится
Твой конь и станет у крыльца;
Пусть у ворот ждет молодца
С улыбкой ясной молодца.
Отдай коня. Раздольно длинный
Путь утомил. И будешь рад
Вдохнуть в сенях ты запах блинный,
Повисший густо сизый чад.
Как раньше предки пили, пели,
Так пей и ты и песни пой.
Все дни на масляной неделе
Ходи с хмельною головой.
Но час придет. И вечер синий
Постелет медленную тень,
И в запоздалых криках минет
Последний день, прощенный день.

Сияй лампадами, божница,
В венке сухого ковыля.
Молиться будет и трудиться
Весь пост казачья земля.

1942

Тебе не страшны голод и пожар.
Тебе всего уже пришлось отведать.
И новому ль нашествию татар
Торжествовать конечную победу?
О, сколько раз борьба была невмочь,
Когда врывались и насильники и воры!
Ты их вела в свою глухую ночь,
В свои широкие звериные просторы.
Ты их звала, доверчивых собак,
В свои трущобы, лютая волчица.
И было так, и снова будет так,
И никогда тебе не измениться.

СОЧЕЛЬНИК

Темнее стал за речкой ельник,
Весь в серебре синее сад,
И над селом зажег сочельник
Зеленый медленный закат.
Лиловым дымом дышат хаты,
Морозна праздничная тишь.
Снега, как комья чистой ваты,
Легли на грудь убогих крыш.
Ах, Русь, Московия, Россия,
Простор безбрежно снеговой,
Какие звезды золотые
Сейчас зажгутся над тобой!
И все равно, какой бы жребий
Тебе ни бросили года,
Не догорит на этом небе
Волхвов приведшая звезда.
И будут знать и будут верить,
Что в эту ночь, в мороз, в метель
Младенец был в простой пещере
В стране за тридевять земель.

ПУТЬ

Твой отец в далекой ссылке,
Мать его не дождалась;
Поклонись ее могилке,
Истово перекрестясь.
Уцелевшего соседа
Ты под вечер наведи —
Потаенная беседа
И прощальное «прости».
Ты не мальчик! Все пятнадцать
На плечах твоих годов.
В эти годы нужно драться,
Надо знать своих врагов.
Говорят — и правда это —
У какой-то там реки,
В чужедальнем крае где-то
Проживают казаки.
Уходи, пока не поздно,
Взять землицы не забудь,
И по солнцу, и по звездам
Ты найдешь свой верный путь.

ШЛЯХ

Всё те же курганы
И гетманский шлях,
Седые бурьяны
На снежных полях.
А вечером поздно
Уже наверху
Знакомые звезды
На Млечном шляху.
В морозной полуде
Родное окно —
Какие-то люди
Живут здесь давно.
И дом мой им тоже
Такой же родной,
Как будет он позже
Для смены другой.
Приходят, уходят
И снова придут.
Но старые песни
Уже не поют.
Никто и не знает
О песне такой:
«За Доном гуляет
Казак молодой!..»

* * *

Под утро на *вечере* этом
Стояла жемчужная мгла,
И был я подростком кадетом,
А ты институткой была.
И жизнь начиналась сначала
Под утро на этом балу;
Всю ночь ты со мной танцевала
Кружилась на скользком полу.
И музыка, музыка! Снова
Казалось нам прошлое сном,
И жизнь прожитая в оковах,
Лежала в снегах за окном.
И как над безвестной могилой,
Над прахом, над снегом — над ней
Бессмертно сияли светила
Твоих изумленных очей.

ВОЛЬНИЦА

Минуя грозных стен Азова,
Подняв косые паруса,
В который раз смотрели снова
Вы на чужие небеса.
Который раз в открытом море,
С уключин смыв чужую кровь,
Несли вы дальше смерть и горе
В туман турецких берегов.
Но и средь вас не видел многих
В пути обратном атаман,
Когда меж берегов пологих
Ваш возвращался караван.
Ковры Царьграда и Дамаска
В Дону купали каюки;
На низкой пристани Черкаска
Вас ожидали старики.
Но прежде чем делить добычу,
Вы лучший камень и ковер,
Блюда прадедовский обычай,
Несли торжественно в собор.
И прибавляли вновь к оправе
Икон сверкающий алмаз,
Чтоб сохранить казачьей славе
Благую ласку Божьих глаз.

СЕРЬГИ*Моей жене***1**

Где их родина? В Смирне ль, в Тивризе?
Кто их сделал, кому и когда?
Ах, никто к нам теперь не приблизит
Отлетевшие в вечность года.
Может быть, их впервые надела
Смуглолицая ханская дочь,
Ожидая супруга несмело
В свою первую брачную ночь.
Иль позор искупить, чтобы девичью
Побороть горечь жалоб и слез,
Их влюбленный персидский царевич
Своей милой в подарок принес.
И она, о стыде забывая,
Ослепленная блеском серег,
Азиатского душного рая
Преступила заветный порог.
Сколько раз, видно, женские уши
Суждено было им проколоть,
Озаряя гаремные души,
Украшая горячую плоть.
Сколько раз госпожа на верблюде
Колыхала их в зное пустынь,
Глядя сверху на смуглые груди
Опаленных ветрами рабынь.
Но на север, когда каравану
Путь казачий разбой преградил,
Госпожу привели к атаману.
Атаман госпожи не щадил —
Надругался над ней, опорочил,
На горячий швырнув солончак,

И с серьгами к седлу приторочил,
Привязал за высокий арчак.
Или, может быть, прежде чем кинул
Свою жертву под гребень волны,
Разин пьяной рукою их вынул
Из ушей закаспийской княжны,
Чтоб потом, средь награбленной груди,
Забывая родную страну,
Засветились их изумруды
На разбойном, на вольном Дону.
Эх, приволье широких раздолий,
Голубая, полынная лепь!
Разлилась, расплескалась на воле
Ковылями просторная степь.
И когда эту свадьбу справляли
Во весь буйный казачий размах,
Не они ль над узорами шали
У Маланьи сверкали в ушах?
Не казачью ли женскую долю
Разделяли покорно они,
Видя только бурьяны по полю,
Да черкасских старшин курени?
Но станичная глушь миновала,
Среди новых блистательных встреч
Отразили лучисто зеркала
Их над матовым мрамором плеч.
Промелькнули за лицами лица
И кануном смертельных утрат
Распростерла над ними столица
Золотой свой веселый закат.

2

Что ж мне делать коль прошлым так пьяно
Захмелела внезапно душа?
И в полночных огнях ресторана,
По-старинному так хороша,
Ты сидишь средь испытанных пьяниц,
Дочь далеких придонских станиц,
И пылает твой смуглый румянец
Под коричневой тенью ресниц.
Колыхаются серьги-подвески,
Расцветают в зеленом огне

И трепещут короткие блески
В золотистом анжуйском вине.
Что на речи твои я отвечу?
Помню окрик казачьих погонь,
Вижу близко, как весело мечут
Эти камни разбойный огонь.

ПАРИЖ

Опять в бистро за чашкой кофе
Услышу я в который раз
О добровольческой Голгофе
Твой увлекательный рассказ.
Мой дорогой однополчанин,
Войною нареченный брат,
В снегах корниловской Кубани
Ты, как и все мы, выпил яд —
Пленительный и неминуемый
Напиток рухнувших эпох,
И всех земных благополучий
Стал для тебя далек порог.
Всё в той же бесшабашной воле
Порывы сердца сохраняя,
Ты мнишь себя в задонском поле
Средь пулеметного огня.
И, сквозь седую муть тумана
Увидя людные бугры,
Сталь неразлучного нагана
Рвешь на ходу из кобуры.

Что можем мы и что мы знаем
В плену обыкновенных дней,
Упрямо грезя грозным раем
Жестокой юности своей?
С настойчивостью очевидца
Своей страны шальной судьбы
Мы заставляем сердце биться
Биеньем бешеной борьбы.
Что ж, может быть, в твоей отраве,
Париж, смешон теперь наш бред,
Но затереть никто не вправе
Тех дней неизгладимый след.

Пока нам дорог хмель сражений,
Походов выюги и дожди,
Еще не знают поражений
Не победившие вожди.

Как счастлив я, когда приснится
Мне ласка нежная отца,
Моя далекая станица
У быстроводного Донца,
На гумнах новая солома,
В лугах душистые стога,
Знакомый кров родного дома,
Реки родные берега.
И слёз невольно сердце просит,
И я рыдать во сне готов,
Когда услышу в спелом просе
Вечерний крик перепелов,
Увижу розовые рощи,
В пожаре дымном облака
И эти воды, где полощет
Заря веселые шелка.

Мой милый край, в угаре брани
Тебе я вымолвил: «Прости».
Но и цветам воспоминаний
Не много лет дано цвести.
Какие пламенные строфы
Напомнят мне мои поля
И эту степь, где бродят дрофы
В сухом разливе ковыля?
Кто дали мгlistые раздвинет —
Унылых лет глухую сень?
И снова горечью полыни
Дохнет в лицо горячий день:
Набат станиц, орудий гулы,
Крещение первого огня,
Когда судьба меня швырнула
От парты прямо на коня.

Нам всем один достался жребий,
Нас озарил один закат,
Не мы ль теперь в насущном хлебе
Вкусили горечь всех утрат?

Неискупимые потери
Укором совести встают,
Когда, стучась в чужие двери,
Мы просим временный приют —
Своих страданий пилигримы,
Скитальцы не своей вины.
Твои ль, Париж, закроют дýмы
Лицо покинутой страны
И беспокойный дух кочевий?
Неповторимые года
Сгорят в твоём железном чреве
И навсегда, и без следа.

...Как далека от нас природа,
Как жалок с нею наш союз!
Чугунным факелом свобода
Благословляет наших муз.
И, слава несветящий факел,
Земли не слыша древний зов,
Идем мы ошупью во мраке
На зовы райских голосов.
И жадно ищем вещих знаков
Несовершившихся чудес,
И ждем, когда для нас Иаков
Опустит лестницу с небес.
И мы восторженной толпою
В горячей солнечной пыли
Уйдем небесною тропою
От неопознанной земли.

ВЕРСАЛЬ

Зеленой трава не может быть,
Быть не могут зори золотистой,
Первые потерянные листья
Будут долго по каналу плыть.
Будут долго воды розоветь,
С каждым мигом глубже и чудесней.
Неужели радостные песни
Разучились слушать мы и петь?
Знаю, знаю, ты уже устал,
Знаю власть твоих воспоминаний.
Но, смотри, каких очарований
Преисполнен розовый канал!
Ах, не надо горечью утрат
Отравлять восторженные речи —
Лишь бы дольше длился этот вечер,
Не померк сияющий закат...

ПРАБАБКА

Мы плохо предков своих знали,
Жизнь на Дону была глуха,
Когда прабабка в лучшей шали,
Невозмутима и строга,
Надев жемчужные подвески,
Уселась в кресло напоказ —
И зрел ее в достойном блеске
Старочеркасский богомаз.
О, как старательно и чисто
Писал он смуглое лицо,
И цареградские мониста,
И с аметистами кольцо.
И шали блеклые розаны
Под кистью ярко расцвели,
Забыв полуденные страны
Для этой северной земли.
...А ветер в поле гнал туманы,
К дождю кричали петухи,
Росли на улице бурьяны
И лебеда и лопухи.
Паслись на площади телята,
И к Дону шумною гурьбой
Шли босоногие ребята,
Ведя коней на водопой.
На берегу сушились сети;
Качал баркасы темный Дон;
Нес по низовью влажный ветер
Собора скудный перезвон.
Кружились по ветру вороны,
Садясь на мокрые плетни;
Кизечный дым под перезвоны
Кадили щедро курени.

Казак, чекмень в грязи запачкав,
Гнал через лужи жеребца,
И чернбровая казачка
Глядела вслед ему с крыльца.

* * *

Всё те же убогие хаты,
И так же не станет иным
Легко уходящий в закаты
Над хатами розовый дым.
Как раньше — при нашем отъезде,
Всё так же в российской ночи
Мерцают полярных созвездий
В снегах голубые лучи.
И с детства знакомые ёлки
Темнеют в промерзлом окне,
И детям мерещатся волки,
Как раньше мерещились мне...

НАТАШЕ ТУРОВЕРОВОЙ

Выходи со мной на воздух,
За сугробы у ворот.
В золотых дрожащих звездах
Темно-синий небосвод.
Мы с тобой увидим чудо:
Через снежные поля
Проезжают на верблюдах
Три заморских короля.
Все они в одеждах ярких,
На расшитых чепраках
Драгоценные подарки
Держат в бережных руках.
Мы тайком пойдем за ними
По верблюжьему следу,
В голубом морозном дыме
На хвостатую звезду.
И с тобой увидим после
Этот маленький вертеп,
Где стоит у яслей ослик
И лежит на камне хлеб.
Мы увидим Матерь Божью,
Доброту Ее чела —
По степям, по бездорожью
К нам с Иосифом пришла.
И сюда, в снега глухие
Из полуденной земли
К замороженной России
Приезжают короли —
Преклонить свои колени
Там, где благостно светя,
На донском душистом сене
Спит небесное Дитя.

СУВОРОВ

Всё ветер да ветер. Все ветры на свете
Трепали твою седину.
Всё те же солдаты — любимые дети,
Пришедшие в эту страну.
Остались сзади и бездны и кручи,
Дожди и снега непогод.
Последний твой, самый тяжелый и лучший,
Альпийский окончен поход.
Награды тебе не найдет император,
Да ты и не жаждешь наград.
Для дряхлого сердца триумфы возврата —
Уже сокрушительный яд.
Ах, Русь — Византия и Рим и Пальмира!
Стал мир для тебя невелик.
Глумились австрийцы: и шут, и задира,
Совсем сумасшедший старик.
Ты понял, быть может, не веря и плача,
Что с жизнью прощаться пора.
Скакала по фронту соловая кляча,
Солдаты кричали «ура».
Кричали войска в исступленном восторге,
Увидя в солдатском раю
Распахнутый ворот, на шее Георгий —
Воздушную немощь твою.

* * *

Над весенней водой, над затонами,
Над простором казачьей земли,
Точно войско Донское, — колоннами
Пролетали вчера журавли.
Пролетая, печально курлыкали,
Был далек их подоблачный шлях.
Горемыками горе размыкали
Казачи в чужедальних краях...

ГОГОЛЬ

Поднимал всё выше ты и выше
Свой бунчук, зовя ко мне мальчат,
Однолеток — уличных мальчишек,
Жажущих сражений казачат.
И в наш сад за низкую ограду
Уводил меня ты и гостей
На кровопролитную осаду
Неприступных польских крепостей.
Снежный прах летел в саду над нами,
Мы дралися из последних сил.
Детскими моими снами
Ты легко потом руководил.
По ночам внезапно страшный запах
Гари наполнял наш дом,
И меня — наследника Остапа —
Распинали ляхи над костром.
Но еще не мог в страданье диком,
Как Остап, терпеть я до конца
И будил своим постыдным криком
Безмятежно спящего отца.
Кончились мальчишеские драки.
Ты подвел, немедля, мне коня:
С казаками в конные атаки
Бросил, не задумавшись, меня.
Полюбить заставил бездорожье,
Полюбить заставил навсегда
Новое донское Запорожье,
Юность опалившие года —
Мне до смерти памятные грозы.
Позже, в Севастопольском порту,
Ты сурово вытер мои слезы
И со мной простился на борту

Корабля, плывущего в изгнанье,
Корабля плывущего на юг.
Ты мне подарил воспоминанье,
С детства неразлучный друг.
Память подарил такую,
Без которой невозможно жить.
По тебе я все еще тоскую,
Не могу тоску свою запить.
Не могу никак утомниться
И поверить просто, без обид,
Что любая маленькая птица
Через Днепр легко перелетит.

СИРКО

Як помру, одрижьте мою руку,
то буде вам защита.

Сирко

По над Сечью, по над Запорожьем,
Будто лебедь, ангел пролетал.
Он искал Сирко на свете Божьем,
Атамана мертвого искал.
С давних пор его похоронили,
Отрубивши руку, казаки.
Триста лет уже лежит в могиле
Запорожский батько без руки.
И с его отрубленной рукою
Казаки идут из боя в бой,
Дорожат, как силою живою,
Трехсотлетней высохшей рукой.
Райских врат Сирку земля дороже,
И лежать ему под ней легко.
Мертвецы на суд уходят Божий,
Не является один Сирко.
Бог все ждал, терпенье расточая,
Но апостол Петр уже не ждал,
И, тайком от Господа, из рая
Он на поиск ангела послал.
Пролетел тот ангел над Полтавой,
За Днепром свернул на Рог Кривой,
Видит — все казачество за славой
Собралось на беспощадный бой.
В поднебесье слышится их пенье —
Песня подголоска высока.
Все на смерть идут без сожаленья,
Впереди них — мертвая рука!
Где им тут до ангельской заботы:

От родных домов одна зола!
В чистом небе реют самолеты,
Над землей — пороховая мгла.
Ангел сразу повернул на ветер,
К Чортомлыку быстро долетел,
На погосте при вечернем свете
У кургана отдохнуть присел.
Вдруг глядит — курган могильный дышит,
Колыхается высокая трава,
И, ушам своим не веря, слышит
Из кургана громкие слова:
«Вижу я все горести и муки
От врагов в моем родном краю.
Нужен ли я Господу, безрукий
Богомолец, в праведном раю?
Как смогу я там перекреститься,
Если нет давно моей руки,
Если с ней уже привыкли биться,
Не боясь смерти, казаки?
Сколько к Богу их уйдет сегодня —
Целыми полками на конях!
Я ж прошу лишь милости Господней:
Полежать подольше мне в степях».
Взвился ангел. По дороге к раю
Над Украиной пролетает вновь,
Среди звезд вечерних обгоняя
Души убиенных казаков.
Путь далек. Увидел ангел снова
Божьи врата только поутру.
Что слышал — от слова и до слова —
Передал апостолу Петру.
Петр видал и не такие виды,
Ключарем недаром послужил.
Накануне общей панихиды
О Сирке он Богу доложил.
Бог в ответ слегка развел руками,
Приказал зажечь еще свечей:
«Что ты будешь делать с казаками,
С непокорной вольницей Моей!»

СЕЧЬ

Трещат жидовские шинки.
Гуляет Сечь. Держитесь ляхи!
Сегодня-завтра казаки
Пропьют последние рубахи.
Кто на Сечи теперь не пьян?
Но кто посмеет пьяных трогать?
Свой лучший выпачкал жупан
Сам атаман в колесный деготь.
Хмельней вино для казака,
Когда близка его дорога,
И смерть для каждого легка
Во имя вольности и Бога.
В поход, в поход! Гуляет голь,
Гуляют старые старшины.
В поход — за слезы и за боль
Порабощенной Украины.
За честь поруганной страны
Любой казак умрет как витязь.
Ясновельможные паны
Готовьтесь к бою — и держитесь!

РОДИНА**1**

Она придет — жестокая расплата
За праздность наших европейских лет.
И не проси пощады у возврата —
Забывшим родину пощады нет!
Пощады нет тому, кто для забавы
Иль мести собирается туда,
Где призрак возрождающейся славы
Потребуется и крови, и труда,
Потребуется любви, самозабвения
Для родины и смерти для врага.
Не для прогулки, не для наслаждения
Нас ждут к себе родные берега.
Прощайся же с Европою, прощайся!
Похорони бесплодные года.
Но к русской нежности вернуться не пытайся,
Боясь смерти, крови и труда.

2

О, этот вид родительского крова!
Заросший двор. Поваленный плетень.
Но помогать я никого чужого
Не позову в разрушенный курень.
Не перед кем не стану на колени
Для блага мимолетных дней —
Боюсь суда грядущих поколений,
Боюсь суда и совести моей.
Над нами Бог. Ему подвластно время.
Мою тоску, и веру, и любовь
Еще припомнит молодое племя
Немногих уцелевших казаков.

3

Пусть жизнь у каждого своя,
Но нас роднит одна дорога.
В твои края, в мои края
Она ведет во имя Бога,
Во имя дедов и отцов
И нашей юности во имя.
Мы повторяем вновь и вновь
Сияющее, как любовь,
Незабываемое имя
Страны, вскормившей нас с тобой,
Страны, навеки нам родной.
В холодном сумраке Европы
Мы жадно ищем наши тропы
Возврата к ней — и только к ней —
Единственной в чужом нам мире:
К родным полям твоей Сибири,
К родным ветрам моих степей.

4

Так кто же я? Счастливый странник,
Хранимый Господом певец,
Иль чернью проклятый изгнанник,
Свой край покинувший беглец?
И почему мне нет иного
Пути средь множества путей,
И нет на свете лучше слова,
Чем имя родины моей?
Так что же мне? Почет иль плаха,
И чей-то запоздалый плач,
Когда в толпу швырнет с размаха
Вот эту голову палач?
Ах, все равно! Над новой кровью
Кружиться станет воронье.
Но с прежней верой и любовью
Приду я в Царствие Твое.

5

Не всё, не всё проходит в жизни мимо.
Окончилась беспечная пора.
Опять в степи вдыхаю запах дыма,
Ночуя у случайного костра.

Не в сновиденьях, нет, — теперь воочью,
В родном краю курганов и ветров,
Наедине с моей осенней ночью
Я все приял, и я на все готов.
Но голос прошлого на родине невнятен,
Родимый край от многого отвык,
И собеседнику обидно непонятен
Мой слишком русский, правильный язык.
Чужой, чужой — почти что иностранец,
Мечтающий о благодном конце.
И от костра пылающий румянец
Не возвратит румянца на лице.

6

Мне приснилось побережье,
Лед и снег на берегу,
Одинокий след медвежий
На нетронutom снегу,
Неживое колыханье
Ледяных тяжелых вод,
И полярного сиянья
Разноцветный небосвод.
О, как холодно сияла
Надо мною вышина,
О, как сердце мне сжимала
Ледяная тишина.
И, лишенный дара речи,
На снегу я начертал:
Здесь искал с тобою встречи
Тот, кто встречу обещал.

7

Который день печальный снег кружится,
Уже не дни, а, кажется, года
Погребены в снегу — и никогда
Над нами этот снег не прекратится.
Века, века погребены в снегах,
Столетние сугробы на пороге,
В курной избе Владимир Мономах
Все ждет на юг накатанной дороги,
И вместе с ним потомки Калиты
Конца зимы веками ожидают.

А снег идет. Морозные цветы
Пышнее на окошках расцветают.
А снег идет. Мороз звенит, как медь.
Какие там удобные дороги!
Столетиями Россия, как медведь,
Лежит в своей нетронутой берлоге.

8

Я только зовам сердца внемлю
И не кляню свою судьбу.
Господь пошлет — родную землю
Еще почувствую в гробу.
Из камня дикого ограда
И всем ветрам доступный крест —
Какой еще награды надо
Для уроженца здешних мест?
Тому, кто с юных лет по миру
Пошел бродить, все пережил,
Все отдал жизни, только лиру
Свою до гроба сохранил.
Ее загробный звук, быть может,
Встревожит чьи-нибудь сердца,
И у креста пастух положит
Пучок сухого чабреца.

ПОГОСТ*Марии Волковой***1**

Своей судьбе всегда покорный,
Я даже в дни жестоких бед
Не мог в стихах прославить черный,
Любимый твой — печальный цвет.
В часы бессмысленных крушений
Моих стремительных надежд,
Меня не раз пугали тени
И шорох траурных одежд.
Я ждал визита черной гостьи,
Сгущалась тьма вокруг меня,
Во тьме мерцали чьи-то кости
Мерцаньем адского огня.
Но снова музы голос милый
Меня из мрака вызывал,
Провал зияющей могилы
Травую снова зарастал.
И, зову нежному подвластный,
Я славил вновь сиянье звезд,
И светлый день, и вечер ясный,
И зеленеющий погост.

2

Ужели у края могилы
Познаю в предсмертной тиши
Всю немощь растроченной силы,
Холодную праздность души?
Ужели у самого гроба
Расплатою прожитых дней
Мне будет унылая злоба
На этих живущих людей,

На краткое счастье земное,
На это, когда-то мое,
Веселое и молодое,
Чужое теперь, бытие?
О, нет! И в последние годы
Развею кошунственный страх
Пред вечным сияньем природы,
Меня обращающей в прах.

3

Нет, никто еще так не любил,
Никому еще так не казалась
Жизнерадостна зелень могил,
Мимолетна земная усталость.
Ты вернулась опять, и опять
Засияла звезда у предела.
Я не знаю, куда мне девать
Это счастье и что мне с ним делать.

ДОБЫЧА**1**

Средь скуки холодных приличий,
Назло благосклонной судьбе
Я жадно мечтал о добыче,
Как варвар, мечтал о тебе.
Шатер да звериные шкуры,
На шкурах с плодами поднос,
Сиянье твоих белокурых
Тяжелых и длинных волос,
Покорно упавших на плечи,
Упавших на руки мои.
Умолкнут невнятные речи,
Ненужные речи твои.
Но завтра, кляня эту долю,
Кого ты из нас проклянешь?
В кого, вырываясь на волю,
Вонзишь подвернувшийся нож?

2

Нам этой ночи было мало.
И с каждым часом все жадней
Меня ты снова целовала,
Искала жадности моей.
Едва на миг во мраке душном
Мы забывались полусном,
Как вновь, я был твоим послушным
И верноподданным рабом.
И только утром, на прощанье,
Я, как прозревший, в первый раз
Увидел синее сиянье
Твоих всегда невинных глаз.

3

Ты мне дана, как Божий дар,
Ты мне дана, как вдохновенье,
Как ворожба, как наслажденья
Испепеляющий пожар.
И я опять легко пою
И не ищу в плену обьятий,
Благословений и проклятий
На долю светлую свою.

* * *

Стихом размеренным и словом ледяным...
Лермонтов

Ты пришла к моей избушке,
Постучалась у дверей,
Увела меня с пирушки,
Отняла моих друзей.
Простодушный нрав молодки
Больше знать мне не дано —
Поднесла ты вместо водки
Иноземное вино.
И я выпил это зелье,
Осушил стакан до дна,
Мне досталась на похмелье
Гробовая тишина...
Но твое не властно пенье
Отогнать земные сны,
Голубое дуновенье
Расцветающей весны.
И средь мрака гробового
Не внушает больше страх
Заклинающее слово
В этих ангельских устах.

* * *

С каждым годом все лучше и лучше
Эти ночи весною без сна,
С каждым годом настойчивей учит
Непонятному счастью весна.
Все скупее, вернее и проще
Нахожу для стихов я слова.
Веселее зеленые рощи,
Зеленее за ними трава.
Голубее высокое небо —
Все короче положенный срок.
О, как вкусен насущного хлеба
С каждым годом все худший кусок!

* * *

Благословен час, когда мы встречаем поэта.

Пушкин

Брат дервиша и пророка,
Да хранит тебя Аллах,
К нам пришедший одиноко,
С вещим словом на устах.
Одинок в своем ты счастье
И в несчастье ты один,
Целый мир тебе подвластен,
Одинокий властелин.
Целый мир твое жилище,
Но влечет тебя Кавказ —
Сердце знает, сердце ищет,
Сердце любит только раз.
Жизнь все лучше, все короче.
Для неожиданного конца
Бережет судьба кусочек
Смертоносного свинца.
Но сегодня в дымной сакле
Беззаботен твой привал.
Ночевать в горах не так ли
Ты на севере мечтал?
Мы простимся на рассвете,
Поклонюсь тебе я вслед.
Счастлив тот, кого ты встретил,
Кто узнал тебя, поэт.

БОЖИЙ МИР

1

Еще твой мир и мудр, и прост,
Еще легко его дыханье;
Вечерних зорь, полнощных звезд
Еще незыблемо сиянье;
Еще сменяет ночь рассвет,
Полдневный свет еще ликует,
И слово краткое «поэт»
Тебя по-старому волнует.
А ты, как Божий мир, проста,
А ты ясна, как песни эти.
Ах, без любви, как без креста,
Нельзя прожить на этом свете.

2

Каждый раз, в один и тот же час,
На мосту, среди моей дороги
Я встречаю траурные дроги.
Спотыкаясь, конь едва бредет
И никто за гробом не идет.
Над рекой туманится рассвет.
Я спешу... Мне тоже дела нет
До того, кто в нищенском гробу
Без креста, без венчика на лбу
Одиноко едет на погост.
Божий мир и благостен, и прост.
И без нас Господь благословил
Свежий прах безыменных могил.

ПИЛИГРИМ**1**

Постучится в эти двери нищета,
С нищетою постучится доброта,
Две сестры — два Божьих близнеца
Будут ждать тебя у этого крыльца.
Все, что было раньше, — позабудь!
Собирайся же в последний путь,
Выходи, не опасаясь, на крыльцо:
Знают две сестры тебя в лицо.
Даст тебе свой посох доброта,
И суму наденет нищета,
Выведут к просторам всех дорог
И, прощаясь, скажут: «Ты убог,
Но теперь ты Господом храним,
Лишь Ему подвластный пилигрим».

2

Мне сам Господь налил чернила
И приказал стихи писать.
Я славил все, что сердцу мило,
Я не боялся умирать,
Любить и верить не боялся
И все настойчивей влюблялся
В свое земное бытие.
О, счастье верное мое!
Равно мне дорог пир и тризна,
Весь Божий мир — моя отчизна!
Но просветленная любовь
К земле досталась мне не даром.—
Господь разрушил отчий кров,
Испепелил мой край пожаром,
Увел на смерть отца и мать,
Не указав мне их могилы,

Заставил всё перестрадать,
И вот, мои проверив силы,
Сказал: «Иди сквозь гарь и дым,
Сквозь кровь, сквозь муки и страданья,
Навек бездомный пилигрим,
В свои далекие скитанья,
Иди, мой верный раб, и пой
О Божьей власти над тобой».

ЧЕЧЕНСКАЯ ПЕСНЯ*Александр Туроверову*

Просохнет земля на могиле моей,
И слезы у матери станут скупей,
А горе твое, престарелый отец,
Заглушит над гробом растущий чабрец.
Как вешнего снега, недолга пора
Печали твоей, дорогая сестра.
Но ты не забудешь чеченскую честь,
Мой старший возлюбленный брат,
Меня не забудешь — кровавую мечь
Тебе завещает адат.
Меня не забудет и братец второй,
Пока сам не ляжет со мной.
Горячая пуля меня уведет,
Но пулям своим потерял я учет.
Земля мой последний покроет привал,
Но вволю ее я конем истоптал.
Холодная смерть, породнюсь я с тобой,
Но в жизни была ты моею рабой.

* * *

И придет внезапно срок
(Слишком рано, слишком рано),
Ты получишь от султана
Тонкий шелковый шнурок.
Вещи проще, чем слова.
Ах, как жизни будет жалко!
Эрзерумская гадалка
Оказалась права:
Вещий дар не обманул,
Зря над ним ты поглумился,
Прискакать поторопился
С вестью радостной в Стамбул.
Оказалась ложной весть,
Поражением — победа.
Должен был ты все разведать,
Все узнать и все учесть.
Твой судья теперь Аллах.
И без робости, без страха
Посмотри на падишаха,
Встав на звонких стременах.
Посмотри в последний раз
На окно Ильдиз-киоска,
На лицо желтее воска,
На печаль усталых глаз.

АМУЛЕТ*Д.И. Ознобишину*

Во сто крат дороже злата,
Драгоценней, чем алмаз,
Мне подаренный когда-то,
Мной испытанный не раз
В дни тяжелого сомненья
Этот маленький, с вершок,
Трехсотлетнего женьшеня
Желтоватый корешок.
Тайной властью талисмана,
Колдовством подземных сил
От измены и обмана
Не меня ли оградил?
Заменил мне все богатства,
Указал в ночи порог,
От притворства, от коварства
И от злобы оберег.
На путях моих скитаний,
В жизни мирной и в боях,
Он подсказывал заранее
Кто мне друг и кто мне враг.
И, ведя в объятия к другу
На пирушку у огня,
Мимолетную подругу
Делал музой для меня.

ПРОВАНС**1**

Calo-te, moun cog, calo-te!

Mistral

Успокойся, сердце, успокойся!
В авиньонской католической ночи
Русскою тоской не беспокойся,
Не стучи так громко, не стучи!
Я живу среди солдат без дела,
Ошалев от скуки и вина.
Вот уже и третья отшумела
Для меня несчастная война.
Все мы люди, все мы человеки:
Смерть придет — спеши иль не спеши.
Но зачем-то мне дано навеки
Это странное волнение души,
Это непонятное волнение
На прохладных ронских берегах —
Все еще прерывистое пенье
В только что написанных стихах.

2

La terro maire, la Naturo,
Nourris toujours sa pourtaduro
Dou mem la

Mistral

Меня с тобой земля вскормила
Одним и тем же молоком,
И мне близка твоя могила,
Твой мирный провансальский дом.

Шумят оливковые рощи,
И Рона быстрая шумит.
Учись писать как можно проще, —
Твоя земля мне говорит.
И ветер твой — рукой поэта —
Так нежно гладит по лицу.
Вот и мое подходит лето
Уже к законному концу.
Не все еще вокруг угасло
Для жизни бурной, но пора
Твое оливковое масло
Собрать для Божьего двора.

ЛЕГИОН*(Фрагменты поэмы)*

Ты получишь обломок браслета.
Не грусти о жестокой судьбе.
Ты получишь подарок поэта,
Мой последний подарок тебе.
Дней на десять я стану всем ближе.
Моего не припомнив лица,
Кто-то скажет в далеком Париже,
Что не ждал он такого конца.
Ты ж, в вещах моих скомканных роясь,
Сохрани, как несбывшийся сон,
Мой кавказский серебряный пояс
И в боях потемневший погон.

Конским потом пропахла попона.
О, как крепок под нею мой сон!
Говорят, что теперь вне закона
Иностраннный наш легион.
На земле, на песке, как собака,
Я случайному отдыху рад.
В лиловатом дыму бивуака
Африканский оливковый сад.
А за садом, в шатре, трехбунчужный,
С детских лет никуда не спеша,
Весь в шелках, бирюзовый, жемчужный,
Изучает Шанфара паша.
Что ему европейские сроки
И мой дважды потерянный кров?
Только строки, арабские строки
Тысячелетних стихов.

Она стояла у колодца,
Смотрела молча на меня,

Ждала, пока мой конь напьется,
Потом погладила коня,
Дала ему каких-то зерен
(Я видел только блеск колец),
И стал послушен и покорен
Мой варварийский жеребец.
Что мне до этой бедуинки,
Ее пустынной красоты?
Она дала мне из корзинки
Понюхать смятые цветы.
О, этот жест простой и ловкий!
Я помню горечь на устах,
Да синеву татуировки
На темно-бронзовых ногах.

Не в разукрашенных шатрах
Меня привел к тебе Аллах,
Не с изумрудами поднос
Тебе в подарок я принес,
И не ковры, и не шелка
Твоя погладила рука,
Когда в пустыне, на ветру,
Ты предо мной сняла чадру.
На свете не было людей
Меня бездомней и бедней.
Солдатский плащ — вот все, что смог
Я положить тебе у ног.

Над полумесяцем сияла
Магометанская звезда.
Ты этим вечером плясала,
Как не плясала никогда;
Красою дикою блистая,
Моими бусами звеня,
Кружилась ты полунагая
И не глядела на меня.
А я все ждал. Пустая фляга
Давно валялась у костра.
Смотри, испытанный бродяга,
Не затянулась ли игра?
Смотри, поэт, пока есть время,
Не жди бесславного конца.

Араб покорно держит стремя —
Садись скорей на жеребца.

Снова приступ желтой лихорадки,
Снова паруса моей палатки,
Белые, как лебедь, паруса
Уплывают прямо в небеса.
И опять в неизъяснимом счастье
Я держусь за парусные снасти
И плыву под парусом туда,
Где горит Полярная звезда.
Там шумят прохладные дубравы,
Там росой обрызганные травы,
И по озеру студеных вод
Ковшик, колыхаяся, плывет.
Наконец-то я смогу напиться!
Стоит лишь немного наклониться
И схватить дрожащею рукой
Этот самый ковшик расписной.
Но веселый ковшик не дается...
Снова парус надо мною рвется...
Строевое сёдло в головах
И песок летучий на зубах.

Умирал марокканский сирокко,
Насыпая последний бархан,
Загоралась звезда одиноко,
На восток уходил караван.
А мы пили и больше молчали
У костра при неверном огне,
Нам казалось, что нас вспоминали
И жалели в далекой стране.
Нам казалось: звенели мониста
За палаткой, где было темно...
И мы звали тогда гармониста
И полней наливали вино.
Он играл нам — простой итальянец —
Что теперь мы забыты судьбой,
И что каждый из нас иностранец,
Но навеки друг другу родной,
И никто нас уже не жалеет,
И родная страна далека,

И тоску нашу ветер развеет,
Как развеял вчера облака,
И у каждого путь одинаков
В этом выжженном Богом краю:
Беззаботная жизнь бивуаков,
Бесшабашная гибель в бою.
И мы с жизнью прощались заране,
И Господь все грехи нам прощал...
Так играть, как играл Фабиани,
В Легионе никто не играл...

Вечерело. Убирали трапы.
Затихали провожавших голоса.
Пароход наш уходил на Запад,
Прямо в золотые небеса.
Грохотали якорные цепи.
Чайки пролетали, белизной
Мне напоминающие кепи
Всадников, простившихся со мной.
Закипала за кормою пена.
Нарастала медленная грусть.
Африка! К причалам Карфагена
Никогда я больше не вернусь.
Африка — неведомые тропы —
Никогда не возвращусь к тебе!
Снова стану пленником Европы
В общечеловеческой судьбе.
Над золою Золушка хлопочет,
Чахнет над богатствами Кашей,
И никто из них еще не хочет
Поменяться участью своей.

1940—1945

* * *

Прислушайся, ладони положив
Ко мне на грудь. Прислушайся в смущеньи.
В прерывистом сердцебиеньи
Какой тебе почудится мотив?
Уловишь ли потусторонний зов,
Господню власть почувствуешь над нами?
Иль только ощутишь холодными руками
Мою горячую взволнованную кровь.

* * *

Можно жить еще на свете,
Если видишь небеса,
Если слышишь на рассвете
Птиц веселых голоса,
Если все дороги правы,
И зовет тебя земля
Под тенистые дубравы,
На просторные поля.
Можешь ждать в тревоге тайной
Что к тебе вернется вновь
Гость желанный, гость случайный —
Беззаботная любовь.
Если снова за стаканом
Ты в кругу своих друзей
Веришь весело и пьяно
Прошлой юности своей.
Можно смерти не бояться
Под губительным огнем,
Если можешь управляться
С необъезженным конем,
Если Бог с тобою вместе
Был и будет впереди,
Если цел нательный крестик
На простреленной груди.

ЭЛЛАДА**1**

Не противься неравному браку,
Покидая родительский кров.
Ты не знаешь, что слышал оракул
В грозном шуме священных дубов,
Что ему предсказало журчанье
Протекавшего рядом ручья.
Не кляни эту жизнь на прощанье,
При отъезде сквозь слезы крича,
Что в позоре твоём был свободен
Одержимый богами отец,
И за борт у откинутых сходен
Не бросай материнских колец.
Уплывала в тумане Эллада.
Одинокое горе твоё
Проводила Афина-Паллада,
Приподняв золотое копье.

2

Расцветали персидские розы,
И шумели фонтаны в садах,
Скоро высохли девичьи слезы
На твоих потемневших глазах.
Ты лежала в объятиях Ксеркса,
Целовала его не любя...
О, как билось царское сердце!
Но не билось оно у тебя.
Ржали кони, ревели верблюды,
И трубили победно слоны.
У богов не просила ты чуда
Для своей обреченной страны.

И ночами на брачной постели
Не просила царя ни о чем,
А развалины Аттики тлели,
Догорали последним огнем.
Но пожарищ пугающий запах
Ты не слышала в душных шатрах;
Ты лежала в объятьях сатрапа
На коврах, на шелках, в жемчугах.
О, как ты в эти дни хорошела,
Ты была, как Лилит, хороша,
И покинула хладное тело
Для скитаний по миру душа.

* * *

С рождения — ни веры, ни креста.
С рождения — вся жизнь была пуста,
Как этот колос, легкий и пустой,
Поднявшийся над праздной бороздой.
И не пора ль его теперь сорвать,
И бросить в прах, и в прахе растоптать,
Растущий без единого зерна,
Когда о хлебе молится страна.

КИНЖАЛ

Лемносский бог тебя сковал.

Пушкин

1

Откуда он, в простой оправе
Тебе доставшийся кинжал?
В какой воинственной забаве
Он ослепительно сверкал?
Кому в часы кровавой мести
Своим возмездием служил
И с кем потом, во имя чести,
Он неразлучно подружил?
Что видел он под облаками
Кавказских гор, и почему
Своими нежными руками
Теперь привыкла ты к нему?
И отчего тебя тревожит
Кинжал, отведавший крови,
И веришь ты, что он поможет
Тебе отбиться от любви.

2

И страшной смертью ты умрешь,
Умрешь не телом, а душою.
С тобою будет этот нож,
Тебе завещанный судьбою
На память о моей любви
И о расплате неминуемой,
Моей расплате самой лучшей —
Ценою собственной крови.
И блеск холодный лезвия,
Как смертоносная змея,

Тебя отравит, заворбжит.
Заворожив, заставит жить,
Но уж никто, никто не сможет
Тебя заставить полюбить.

ДИАЛОГ

«Что ты найдешь в стране печальной,
Твоей стране среди снегов?
Зачем ее холодной тайной
Твоя отравлена любовь?
Зачем ты ждешь ее ответа,
Когда ты должен быть ничей,
Как этот ветер, иль как этот
Незамерзающий ручей?
Что надо жизни человеческой?
Что ищешь ты? Тебя здесь ждет
Мое вино и сыр овечий,
Домашний хлеб и дикий мед.
Живи со мною на свободе
И пей из кубка моего
За жизнь, в которой все проходит
И не проходит ничего».

«...Я внял тебе. Внимай мне тоже
О дальней родине моей
И знай, что нет страны моложе,
И человечней, и нежней.
Что труден путь ее извечный,
Но ей нельзя с него свернуть,
Когда над ней сияет Млечный,
Единственный на свете путь;
Когда ведет к всемирной лире,
Сквозь кровь, сквозь муки и гроба,
Ее чудеснейшая в мире —
Неповторимая судьба».

* * *

Влюбленный в бой жалеть не станет
Погибших рядом с ним в бою,
Он сожаленьем не обманет
Любовь суровую свою.
В загробные не веря силы,
Стоит он, вновь готовый в бой,
У свежерытой могилы
С ненаклоненной головой.

СТИХИ К ДОЧЕРИ

Над ковыльной степью веет
Жаркий ветер-суховей,
И донская степь синееет
С каждым часом горячей.
И опять в полдневной сини,
Как в минувшие века,
В горьком запахе полыни
Вековечная тоска.
Знаешь ты, о чем тоскует
Эта горькая полынь,
Почему тебя волнует
Эта выжженная синь.
И тебе, рожденной где-то
В европейском далеке,
Так знакомо это лето
В суховейном ветерке.
Почему счастливым звоном
Вся душа твоя полна,
Как полна широким Доном
Эта легкая волна.
Почему у перевоза
И песчаных берегов
Ты почувствуешь сквозь слезы
Дочериную любовь
И поймешь, моя родная,
Возвращаясь домой,
Что нет в мире лучше края
Чем казачий край степной.

ВДОВА

Ты пошли, Боже, тучу грозную,
Тучу грозную, Громову стрелу,
Ты разбей, разбей гробову доску,
Ты раскрой, раскрой золоту парчу:
Подыми моего друга милого.

Казачья песня

И вышел я — безумный тать —
В грозой кипевшее ненастье,
Чтоб силой взять, уворовать
Недосягаемое счастье.
Шумел в дожде весенний сад,
Вела знакомая дорожка
Туда, где брезжил свет лампад
За ставней низкого окошка.
И ветхой ставни сняв запор,
Увидел я перед собою
Свою добычу, дерзкий вор,
Легко играющий судьбою.
Лежала юная вдова,
Перед иконами рыдая,
И слышал я ее слова,
Окно тихонько раскрывая.
«Бушуй, гроза, сильнее, чтоб
Раскрылась свежая могила
И виден стал сосновый гроб,
В котором спит теперь мой милый.
Буди его, гроза, буди!
Он сам уже проснуться хочет,
Дыханье дай его груди,
Открой ему уста и очи.
Я четверговую свечу
Зажгла у образа Христова, —

Ударь же, гром! Сорви парчу
Потустороннего покрыва!..»
И грянул гром. И я упал,
Как бы пронизанный стрелою,
И рухнул дом, и запылал,
И смерч пронесся надо мною...

* * *

Я шел к тебе среди руин,
Среди дымящихся развалин.
Я шел к тебе. Я был один.
И был мой путь как ночь печален.
Я знал, что ты еще жива,
Я звал тебя бессильным криком,
И эхо вторило едва
Моим словам во мраке диком.
Нет ничего — но сердце есть.
Нет никого — но ты со мною.
О, как я был охвачен весь
Ночною черной тишиною!..

КОНЬ

Конь казаку всего дороже,
И ты, мой сын, им дорожи.

А.В. Тuroверов (1854)

«Что, мой верный друг, не весел,
Что грустишь, моя краса?
Я в торбе тебе навесил
Золотистого овса.
Что не ешь его проворно,
А, мотая головой,
Вкусно пахнувшие зерна
Рассыпаешь пред собой?
Иль меня ты, друг, не слышишь?
И заветный сахарок
Не берешь, а только дышишь
На протянутый кусок.
Не кусаешь в шутку руки,
Не балуешься со мной.
Иль почуял день разлуки,
Мой товарищ дорогой?»
«Нет, хозяин, я не болен,
Рад служить я казаку,
Но рассеять ты не волен
Лошадиную тоску.
Для меня давно не тайна,
Что сегодня ты принес
Лишь с похмелья и случайно
Этот сахар и овес.
Обо мне ты забываешь.
Подъезжая к кабаку,
Одного меня бросаешь,
Кинув повод на луку.

Долго жду тебя на выюге
У заснеженных перил —
Сколько раз мои подпруги
Отпустить ты позабыл?
А потом, хвативши водки
И вихляясь на бока,
Ты меня к чужой молодке
Гонишь вскачь от кабака.
Запотелый круп дымится
В непогоде ледяной,
И смеется вся станица
Над тобой и надо мной».

* * *

Что мы, братцы, по-пустому спорим
И все делим тесные поля?
А на юге, за Каспийским морем,
Зря лежит просторная земля.
Кровь застыла в нас, иль обветшала
Наша переметная сума?
Здравствуй, Персия! Здорово ночевала,
Полусонная богатая кума!
Запрягай тяжелые мажары,
Провожай соседей дорогих.
Серебром украшены Каджары,
А уздечки в золоте у них.

СУМАРОКОВ

О, вы — по нас идущие потомки!
Тредьяковский

Долги одолели. Описаны книги.
Демидов грозит их продать.
А Двор глухонем. В Петербурге интриги.
Не хочет никто выручать.
Без шляпы, в сугробах, не ведая стужи,
Идет он, известный для всех.
На бархат камзола, на золото кружев
Слетает нетающий снег.
Подальше от дома, поближе к народу —
В любой простолюдный кабаk,
Где можно почувствовать сразу свободу
Среди незнакомых гуляк.
Где можно забыться, душой молодея,
Не веря в жестокий обман...
И, медленно, верно и сладко пьянея,
Он пьет за стаканом стакан.
Кто может быть близок ему или равен
На склоне дряхлеющих лет?
Какой-то Капнист и какой-то Державин
Едва появились на свет.
Полвека отдал он российскому слову —
На лаврах пора почивать.
Он оду вчера написал Пугачеву
И — больше не будет писать.
Поэт трех цариц не боится доносов —
Ему ли испытывать страх?
Он с музой сдружился, когда Ломоносов
Еще пребывал в мужиках.
Кто тайну открыл хореической оды?
И вот, с табакеркой в руке,

Встает он, роня скамью, и на своды,
Моргая, глядит в кабаке.
Не знает поэт человеческих сроков,
Он видит немеркнущий свет:
За партией стоит Александр Сумароков,
Семнадцатилетний кадет.
И внемлет ему молодая Россия,
Наследье Петровых годов,
Услыша внезапно, услыша впервые
Всю музыку русских стихов:

О, премудро Божество!
От начала перва века
Такового человека
Не видало естество.
Цесарь страшен был во брани,
Август покорил весь свет,
К Александру носят дани,
Где лишь меч его сверкнет.
Петр — природу пременяет,
Новы души в нас влагает,
Строит войско, входит в Понт,
И во дни такой премены
Мешет пламень, рушит стены,
Рвет и движет горизонт.

На впалых щеках розовеет румянец —
Забвенья поэзии нет.
И первым в Москве среди признанных пьяниц
Становится первый поэт.

* * *

Уже никто чудес не просит,
И больше нет на свете слез.
А смерть все так же мерно косит
Свой нескончаемый покос.
И вот за звонкою косою
Почти в беспамятстве, в бреду
Дотла сожженной полосой
Я, зачарованный, иду.
Гляжу на грозное движенье
Косы в испытанной руке,
На странный взмах и на паденье
Людей совсем невдалеке.
Но нет в душе тоски и страха,
И вижу я: из пустоты,
Из кровью залитого праха
Растет трава, цветут цветы.
И лес весенний зеленеет,
И льется дождик на поля,
И с каждым часом хорошеет
Испепеленная земля.
И смерти нет... А за косою
Идет мой пращур и поет,
И загорелою рукою
Меня манит, меня зовет.

БАБЬЕ ЛЕТО

Стали дни прозрачнее и суше,
Осыпаться начинает сад,
Пожелтели розовые груши,
Золотые яблоки висят.
От плодов, от солнечного света,
На душе спокойней и ясней,
И сюда теперь приходит лето
Из своих пустеющих полей.
Там летят по ветру паутины,
Все хлеба уже давно в снопах.
Бабье лето! Первые морщины,
Первые седины на висках.

ПЕЧАЛЬНОЕ ВИНО**1**

Не с животворящим и веселым,
Дружным с нежностью, с любовью, со стихом,
А с тяжелым, непробудным, новым,
Уводящим к гибели вином.
Без раскаяний, без веры, без возврата,
Без тебя — наедине с собой,
Я уже не вспомню, чем когда-то
Был мне этот перстень золотой.
Все как есть на свете забываю,
Сам себя не узнаю в лицо.
Если крест нательный пропиваю,
Что мне обручальное кольцо!
И напрасно ты в своей тревоге,
В жалости, в смятении, в тоске
Встанешь предо мною на пороге
Призрачным виденьем в кабаке.

2

Жалей других, но не жалей себя!
И вот, с ненужными, случайными, чужими
Я пью вино, безжалостно губя
Твое неповторяемое имя,
Моя неразрешенная любовь.
Уже без вдохновений, по привычке,
В нестройном хоре праздных голосов
Участвую в унылой переключке.
А ты молчишь. А я опять в бреду
Стремлюсь к тебе вслепую, как лунатик,
Как акробат испытанный иду,
Качаясь на протянутом канате.

А ты все ждешь — ужели не сорвусь
Я с этой проволоки железной.
Какой простор, какой простор и грусть
В моей свободе бесполезной!

* * *

За твое тревожное молчанье,
За биенье сердца моего,
За внезапное короткое свиданье,
На котором не случилось ничего,
За подсказанное вновь стихотворенье
(В нем тебя опять не назову),
За такую нежность сновиденья,
О которой не расскажешь наяву,
За печаль, за тайное участие,
За любовь — ответу я потом.
Но сегодня сокровенно счастье,
Как ручей, еще сокрытый льдом.

* * *

О чем грустить, по ком скучать!
В рассветной мгле стоят опушки,
О многолетии кричат
Неугомонные кукушки,
И вторит им весенний хор,
Разноголосый щебет птичий.
Ах, мне весна с недавних пор
Нужна, как поцелуй девичий.
И вот мы с ней идем вдвоем,
Куда — еще не знаем сами,
Я — с подорожным костылем,
Она — с апрельскими цветами.
Плывут над нами облака,
К плечу припал попутный ветер,
Светла дорога и легка,
И жить легко на этом свете.
А ночью мир по-Божьи прост,
Деревня молится о хлебе...
В моем окне так много звезд,
Как будто я уже на небе.

* * *

И будет дождь — веселый, молодой,
В листву дерев ударивший, как в бубен,
Широкий дождь, прошедший полосой
От Маныча до самых Лубен
И опочивший там последнею слезой...
Вот так бы мне, весь мир благословляя,
Погибнуть где-то там, где над землей
В дожде поднялась арка золотая.

ОКТАБРЬ

Был поздний час. И ты уже спала,
А я все медлил у твоей калитки.
Стоял октябрь. И ночь длинна была,
И лунный свет — стеклянный, полужидкий —
Стекал по кровле и струился по шоссе.
Оно теперь казалось мне рекою,
И плыл весь мир, и люди плыли все
К безмолвию, к забвению, к покою.
Все глубже сон. Все холоднее кровь.
Не знаю, что теперь тебе приснится.
А мир плывет, и с ним моя любовь,
Чтоб больше никогда не повториться.

* * *

И снится мне: тропой опасной
Идем с тобою мы в горах.
И ночь вокруг, но месяц ясный
Сияет в темных небесах.
Над нами горный снег белеет,
А ночь все глуше и синей,
И полуночный ветер веет
Над первой юностью твоей.
И снится мне: я стал моложе
И про любовь тебе пою,
Как никогда не пел и позже
Уж никогда не запою.

* * *

Посмотри: над присмирившей степью,
Над грозой отшумевшей, над тобой
Радуга изогнутою цепью
Поднялась средь пыли дождевой.
Посмотри, не пропусти мгновенье,
Как сияет радужная цепь.
Это с небом ищет примиренья
Бурей растревоженная степь.

* * *

Ты жаждешь ясности. Откуда
Мне взять ее в холодной мгле?
Ты ищешь ясности, как чуда,
На затуманенной земле.
Ты мнишь ее посланцем тайным,
Во тьме сияющим мечом,
Все озарившим, но случайным
Из туч прорвавшимся лучом.
Господним голосом из рая,
Поэтом, славящим любовь,
Когда среди мертвых слов живая
Звучит строка его стихов.
Блистаньем звезд в полночном небе,
Теплом спасительных огней,
Молитвой о насущном хлебе
Всех обездоленных людей...
Ты жаждешь ясности. Откуда
Мне взять ее в холодной мгле?
Я сам ее ишу, как чуда
На затуманенной земле.

* * *

Лед вокруг давным-давно не сколот,
От морозов затуманился восток,
Но страшнее, чем полярный холод
Сердца равнодушный холодок.
Никого, подруга дорогая,
Никого, умеющих помочь.
Только муза! Музыка такая,
Без которой жить уже невмочь.

* * *

О годах медленного ига,
О днях бездомной пустоты
Твердит пророческая книга,
Но ветер вещие листы,
Как листья легкие, листает.
(О, что ему века веков!)
И ясный вечер догорает
Над морем зреющих хлебов.
Не из кладбищенской пустыни,
Загробной местию дыша,
Идет сюда в вечерней сини
Твоя нетленная душа.
И за туманными чертами
Тебя нетрудно угадать:
Всегда, всегда была ты с нами
Неумирающая мать.
Мы слышим твой знакомый голос,
Ты нас опять зовешь в тоске
И мирный знак, созревший колос,
Несешь в протянутой руке.

* * *

Священнику Николаю Иванову

Не георгиевский, а нательный крест,
Медный, на простом гайтане,
Памятью знакомых мест
Никогда напоминать не перестанет.
Но и крест, полученный в бою,
Точно друг, и беспокойный, и горячий,
Все твердит, что молодость свою
Я не мог бы начинать иначе.

КАЗАК

Ты такой ли, как и прежде, богомольный
В чужедальной басурманской стороне?
Так ли дышишь весело и вольно,
Как дышал когда-то на войне?
Не боишься голода и стужи,
Дружишь с нищетою золотой,
С каждым человеком дружишь,
Оказавшимся поблизости с тобой.
Отдаешь последнюю рубаху,
Крест нательный даришь бедняку,
Не колеблясь, не жалея — с маху,
Как и подобает казаку.
Так ли ты пируешь до рассвета,
И в любви такой же озорной,
Разорительный, разбойный, но при этом
Нераздельный, целомудренно скупой.

* * *

Умей же, брат мой, без разбора
Все изумительно ценить,
Простить разбойника и вора,
Обиду горькую забыть.
Без опасений, без оглядки
Встречать грядущие года
И не играть с судьбою в прятки,
А быть ей вызовом всегда.

ГУРДА

Гурда по-чеченски: держись!

1

На клинке блестящем у эфеса
Полумесяц рваный и звезда.
Нет на свете лучшего отвеса,
Чем отвес твой, драгоценная гурда.
В мире нет тебе подобной стали —
Невесомой, гибкой и сухой,
За тебя мюриды умирали,
Чтобы только обладать тобой.
Ты в руке испытанной у бека
Без зазубрин разрубала гвоздь,
Рассекала с маху человека
От плеча до паха наискось.
Говорят — и повторяют это, —
Что тебя, с заклиньем на устах,
Выковал по просьбе Магомета
В поднебесной кузнице Аллах.
Для твоей неукротимой славы
Украшенья были не нужны:
Костяная рукоятка без оправы,
В темной коже — легкие ножны.

2

Мечь за сына, за отца, за брата,
За семью поруганную — мечь!
Нет войны священной газавата,
Но враги безжалостнее — есть.
Над имамом флаг зеленый реет:
Весь Кавказ привстал на стременах,
Над Баклановым по ветру веет
Черный, с черепами флаг.

Рассыпались всадники по полю,
С каждым смерть скакала на-обочь,
На чеченскую седую волю
Опускалась северная ночь.
Над страницами раскрытого Корана
Оседала поднятая пыль.
Казачи — в аулах Дагестана,
На Гугнибе — славшийся Шамиль.
Стала ты подругой у шайтана,
Породнилась с заколдованной рукой.
Черт Петрович, генерал Бакланов
Самовластно завладел тобой.

3

(Казачья песня)

«Вдоль по линии Кавказской
Млад-сизой орел летал.
Он летает перед войсками,
Наш походный атаман.
Он с походом нас поздравил,
Отдавал строгий приказ:
Чтоб у вас, ребята, были
Ружья новые Бердан,
Шашки острые в ножнах,
Пистолеты в кобурах...
Что ты, ворон, что ты, черный,
Что ты вьешься надо мной?
Ведь добыча-то плохая:
Я — казак — еще не твой!»

4

Черт не спит. Ему давно не спится.
Скучно в Петербурге одному.
Старый черт из Гугнинской станицы
Был роднёю деду моему.
И ему, предчувствуя кончину,
Он тебя на память передал.
В Петербурге умер от кручины
Сосланный казачий генерал.
Дед носил тебя, ценить умея,
И уча потом носить меня —

На кавказской узкой портупее
Из простого сыромятного ремня.

5

Ты одна со мною разделила
Юность бесшабашную мою,
Ты меня настойчиво учила
Нужному спокойствию в бою.
За тобой — баклановская слава,
А за мной — двадцатилетний пыл.
Подхватила нас казачья лава,
Сумасшедший ветер закружил.
Что тогда мне снилось и казалось?
Сколько раз рубил я сгоряча
Смерть свою, которая касалась
Ненароком моего плеча.
Помнишь вьюжный день на Перекопе?
Мертвый конь, разбитые ножны..
Много лет живя с тобой в Европе,
Ничего забыть мы не должны.

ЛЕРМОНТОВ

Через Пушкина и через Тютчева,
Опять возвращаясь к нему,
Казалось, не самому лучшему, —
Мы равных не видим ему.
Только парус белеет на взморье,
И ангел летит среди миров,
Но вот уже в Пятигорье
Отмерено десять шагов.
Не целясь, Мартынов стреляет,
Держа пистолет наискось,
И нас эта пуля пронзает
Сквозь душу и сердце — насквозь.

СТАМБУЛ

Нет — ничего не мину́ло!
Месяц встает молодой.
Медленно всплыл над Стамбулом
Легкий челнок золотой.
Снова по звездным дорогам,
Снова в райских садах
С нашим доверчивым Богом
Вместе гуляет Аллах.
В бедной кофейне Скутари
Предок мой песни поет.
Прошлое нас не состарит,
Прошлое к сердцу прижмет.
Голос гортанно поющий,
Город в ночи голубой...
Горечь кофейной гущи
Запью ледяною водой.

ИГРА

Игра сдана и начата.
Глухая ночь. Начало марта.
Любимый месяц; но не та
Опять ко мне приходит карта.
Опять, как будто бы на зло,
Я лишь фигуры прикупаю.
Мне никогда так не «везло»,
Но я играю и играю.
За ночь одну я поседел.
Бледней стены, в табачном дыме,
Я не сдаюсь. Ломая мел,
Твое нетронутое имя
Пишу на залитом сукне,
В чаду разгрома и попойки,
В залог всему. И снова мне
Дают валета к нищей двойке.
Иль я не создан для игры,
Иль я, действительно, не молод.
И вот в Тартар-тартарары
Лечу стремглав, вдыхая холод
Непоправимого конца,
Игры проигранной до праха,
И нет, как нет у мертвеца,
Во мне сомнения и страха.

* * *

Потерявши все, ты станешь чище,
Будешь милосердным и простым,
И придешь на старое кладбище
Посидеть под дубом вековым.
Без стремлений пылких, без обмана.
Жизнь как есть! Смиренье и покой.
Хорошо под сенью великана
Отдыхать смущенною душой,
Птицей петь в его зеленой чаше
И листочком каждым дорожить.
Жизнь как есть! Но жизнью настоящей
Только дуб еще умеет жить.
Грузно поднимаясь в поднебесье,
Он вершинами своих ветвей
Ничего уже почти не весит
В вознесенной вечности своей.
И, уйдя в подземный мир корнями,
Над безмолвием могильных плит,
Над еще живущими, над нами,
Как он снисходительно шумит!

* * *

Я шел по дороге и рядом со мной
Кружился листок золотой.
Летел он по ветру, потом отставал
И снова меня догонял.
Не это ль твоя золотая душа
Решила меня провожать,
Напомнить, что близок положенный срок,
Осенний дубовый листок?

* * *

Из всех мечтаний лучшая мечта
О бедности бездомной, о свободе,
О том, быть может, недалеком годе,
Когда вся жизнь окажется проста,
Как жизнь вот этого дубового куста.
Он крепче всех стоит в молодняке,
Вокруг него лепечет мелколесье,
А старый лес молчит невдалеке,
Как будто все он пережил и взвесил.
Дубовый куст дает тебе приют —
Ложись под ним и засыпай, бродяга.
Ты отдохнешь, ты будешь счастлив тут,
На склоне неглубокого оврага.
Ты будешь спать на шелковой траве,
Под вечер неожиданно проснешься
И над тобой склонившейся листве,
Как матери, спросонок улыбнешься.

СТЕПЬ*Памяти отца***1**

Был полон мир таинственных вещей,
А я был жаден, беспокоен, зорок.
В Донце ловил я голубых лещей,
И хищных щук, и сонных красноперок.
А в длинных буераках за Донцом,
Без промаха стреляя куропаток,
Я мог уже соперничать с отцом,
С охотниками быть запанибрата.
Я забывал, что надо пить и есть,
Собака верная со мной не разлучалась,
Ее в репьях всклокоченная шерсть
Руном мне драгоценнейшим казалась.
И не было подобных ей собак,
И не было страны подобно этой,
Где б можно было задышаться так
От счастья и от солнечного света.
Сияла степь все суше, горячей...
И нежностью уже нечеловечьей
Звучал мне голос... Только голос чей?
Наверно, твой, тоскующий кузнечик.

2

Опять в степи неугомонный ветер.
Свистит ковыль, качается бурьян.
Опять ирландец — годовалый сеттер,
От дикого простора полупьян,
Кружит, кружит широкими кругами,
А дичи нет — какая пустота!
В печальном небе высоко над нами
Летят, не опускаясь, стрепета.

Весь птичий мир готовится к отлету,
Пернатый мир давно настороже.
Сентябрь зовет на псовую охоту,
Не видя толку в дробовом ружье.
Но мы с тобой, мой рыжий пес, не верим,
Что нашей воле подошел конец, —
По малолетству за осенним зверем
Не пустит нас стареющий отец.
Кружим, кружим в степи, не отдыхая,
Авось еще нарвемся на дрофу
Иль диких уток обнаружим стаю
Под вечер в мочажинах на лугу.
Но степь мертва. За черными скирдами
Под ветром тлеет медленный закат,
И машет нам тревожными руками —
Зовет домой — полураздетый сад.
Отец сидит за бесконечным чаем,
Бушует ночь вслепую на дворе,
И мы с ирландцем рядом засыпаем
В отцовском кабинете на ковре.

3

Священный час еды! Благословенный час,
Ниспосланный голодным и усталым.
Кулеш, заправленный малороссийским салом,
Кипит, дымясь, в чугунном котелке.
Счастливым день, ниспосланный от Бога!
Возница мой увел коней к реке
На водопой, где мокрая дорога
Парома ждет. Но не спешит паром.
И мне уже не надо торопиться —
Куда спешить, когда уверен в том,
Что этот день не может повториться?
Дождь отшумел давно. Но солнца нет, как нет,
И длится час блаженного покоя.
И льется на поля такой чудесный свет,
Что кажется весь мир одетым в голубое.

* * *

Что из этой жизни унесу я,
Сохраню в аду или в раю?
Головокруженье поцелуя,
Нежность неповторную твою?
Или, с детских лет необоримый,
Этот дикий, древний, кочевой
Запах неразвешанного дыма
Над моей родною стороной.

* * *

Был влажный ветер — ветер низовой.
Был теплый дождь и золотая просинь,
И солнце было над моей рекой,
И я, весь вымокший, на глиняном откосе.
Сиял волнами полноводный Дон,
И радуга возвышенно сияла,
Такой простор сиял со всех сторон,
Что у меня дыханья не хватало.

* * *

Пролетели лебеди над Доном,
Тронулся последний лед.
Ветер голосом счастливым и влюбленным
Не шумит над степью, а поет.
Он поет: мне незнакома жалость,
Я не знаю, что такое грусть,
Все на свете мне легко досталось
И легко со всем я расстаюсь...

1917 ГОД

Казакам вчера прислали с Дона
Белый хлеб, сузьму и балыки,
А двенадцать ведер самогона
Сами наварили казаки.
Не страшит очередная пьянка,
Стал теперь я крепче и сильней,
И душа, как пленная турчанка,
Привыкает к участи своей.
Сколько раз она слыхала сряду
Эту песню про зеленый сад:
Рассыпались яблоки по саду,
А казак не возвращается назад...
Понависли по-над Доном тучи,
Разгулялся ветер низовой,
Не водою, а слезой горючей
Хлынет дождь из тучи грозовой...
И не пленницей душа моя отныне,
А любовницею станет у стихов
В этот синий вечер на Волыни,
Среди пьющих и поющих казаков.

* * *

Опять гроза! Какие грозы
У нас с тобою на пути!
И зацветающие розы
Не успевают расцвести.
Опять над нашим бедным садом,
Где должен встретиться с тобой,
Гроза кипит дождем и градом,
Гуляет ветер ледяной...

МОСКВА*Петру Кумшацкому*

Заносы. Сугробы. Замерзшие глыбы
Сползающих с кровель снегов.
Цепные медведи вставали на дыбы,
Ревели от холодов.
У Темных, у Грозных, у Окаянных
За шерстью не видно лица:
Иваны, Иваны и снова Иваны,
И нет тем Иванам конца.
До белого блеска сносила верига.
На улицах снежная муть.
Татарское иго, Московское иго:
Одна белоглазая чудь!
Что было однажды, повтóрится снова,
Но не повторна тоска.
На плаху, на плаху детей Годунова:
Москва ударяет с носка!
Пылает кострами Замоскворечье,
Раскинулся дым по базам,
Сожгли Аввакума, затеплили свечи:
Москва не поверит слезам!
Москва никому не поверит на слово,
Навек проклялá казаков,
И выпила черную кровь Пугачева
И Разина алую кровь.
Метели все злее. Завалены крыши.
Москва потонула в снегах.
Но чьи это души, все выше и выше
Плывут над Москвой в небесах?
В теплицах цветут басурманские розы,
На улицах — снежная муть.

Толстой — босиком, на машине Морозов
Свершили положенный путь.
Цыганские песни. Пожары на Пресне.
А вот — и семнадцатый год.
Все выше и выше, просторней, чудесней
Души обреченный полет.
По небу полуночи... Черное небо,
А хлеб еще неба черней.
И шепотом, шепотом: корочку хлеба
Для беспризорных детей.
Но как при Иванах, при Темных, при Грозных,
Молитвам не внимлет земля.
По небу полуночи... Красные звезды
Мерцают на башнях Кремля.

ТРЕББИЯ

Увозили раненых. Убитых
Зарывали наспех. Бивуак
Был в кострах. У придорожного корыта
Двух коней поил седой казак.
Кони пили жадно. Над полями
Свет стоял вечерний, золотой.
Дым стоял над русскими кострами,
Горький дым в долине голубой.
Треббия. Италия. Из чашки
Ши хлебал неспешно старичок,
В пропотевшей бязевой рубашке,
Бросив полотенце на плечо.
Треббия. Италия. А где-то
Есть Кончанское — родительский порог.
Ни конца, ни края нет у света
Для солдатских полусбитых ног.
Нет суровее солдатских разговоров
Об увечьях и о смерти, наконец.
— Александр Васильевич Суворов
Не фельдмаршал, а родной отец.

* * *

Ветер был такой ужасный,
Что, казалось, все деревья
Будут вырваны с корнями,
В поднебесье улетят,
Где дымился темно-красный
В тучах с медными краями,
Разгораясь постепенно,
Ужасающий закат.
И, казалось, что на свете
Никогда уже не будет
Ясных дней, ночей спокойных,
Жизни мирной и простой, —
Будет только этот ветер,
Тучи в огненной полуде,
Да осенний лес шумящий
С облетевшею листвою.

* * *

Казалось бы: пора и на покой, —
Кой-что забыть, со многим примириться,
По осени в дубраве золотой
С минувшим летом распроститься.
Дни холодней. И скоро первый снег
Слетит с небес, закружится по полю.
Но вот — древесный молодой побег
Еще упорно тянется на волю,
Еще трепещет свежеею листвою,
Когда вокруг давно все омертвело...
Моя душа, что делать мне с тобой,
Любовь моя, что мне с тобою делать?..

ВЕРТЕП

В самой темной, снежной, непробудной,
Бесконечно затянувшейся ночи
Вдруг почувствовать торжественно и чудно
Глазу недоступные лучи.
Вдруг увидеть голубые дверцы
В тот вертеп, где расступилась тьма,
И твое младенческое сердце,
Двухтысячелетняя зима.

ПЕРЕПРАВА

Музе

Стояла на башне Азова
И снова в боях постоишь,
Вручала мне вешее слово
И снова другому вручишь.
Одна ты на свете, родная!
Идут за годами года,
Летит стрепетинная стая,
Струится донская вода.
И где бы, и с кем бы я не был,
Меня ты повсюду найдешь,
Под это высокое небо
На берег степной приведешь —
В предсмертный туман, без возврата,
Где ждет меня черный паром:
Мой прадед стоит у каната,
Прабабка стоит за веслом.
И буду уверен, что близ ты
В тумане стоишь над рекой.
Направо — туман золотистый,
Налево — туман голубой...

РАЗЛУКА**1**

Смерть не страшна: из праха в прах —
Ты подождешь, друг милый,
Меня в молчанье и в цветах
Супружеской могилы.
Кому-то надо подождать:
Господь решает просто,
Кто должен раньше отдыхать
В земном раю погоста.
Мы все уходим налегке,
Видав на свете виды,
И щебет птиц в березняке
Поет нам панихиды.
А купол церкви голубой
Плывет воздушным шаром...
Какой покой! Друг дорогой,
Мы прожили недаром!

2

Хорошо, что ветер. И звезда такая,
Что уже на свете нет другой звезды.
Для меня одна ты светишь, золотая, —
На меня глядишь ты с черной высоты.
Никакого горя, никакого гроба —
Только бы до встречи поскорей дожить.
Хорошо, что вместе так прожили оба,
Как на этом свете никому не жить.

3

Еще весь лес такой сквозной,
Что виден издали подснежник;
Над прошлогоднею листвою
Он всех цветов белеет прежде.

Ему и дела нет, что здесь
Зимою не бывает снега, —
Весенний первенец, он весь
Свидетель зимнего побега.
Иду в блаженном полусне.
Вокруг все так легко и просто.
И не препятствует весне
Соседство русского погоста.

4

Нет воздушней этого тумана,
Призрачней нет голубизны —
Только надо выйти спозаранок
К перелескам Женевьевской стороны.
Город близок. Но весна поближе.
Мимолетная французская весна;
Даже к верноподданным Парижа
Благосклонна и внимательна она.
Жизнь еще не прожита-отпета.
Встреча будет, только погоди.
Впереди счастливейшее лето,
Много света будет впереди.

5

Не говорить и не писать, не думать,
А только сердцем чувствовать, что ты
Вот здесь, вдали от городского шума,
Со мной глядишь на деревенские цветы,
На это медленно стареющее лето,
Которое не хочет уходить
и ждет, Бог весть, какого-то ответа,
И до конца все хочет пережить...
На эти голубеющие склоны
Полей над безымянною рекой
И на дубок, такой еще зеленый,
Что нет сомнений — встретимся с тобой!

6

Глядеть, глядеть! И глаз не отрывать,
И знать, что никогда не наглядеться
На Божий мир. Какая благодать,
Какая радость для стареющего сердца!

И здесь, в чужом, и там, в родном краю,
В деревне под Парижем и в станице,
Где жег огнем я молодость свою,
Чтоб никогда потом не измениться,
Всё тот же воздух, солнце... О простом,
О самом главном: о свиданье с милой
Поет мне ветер над ее крестом,
Моей уже намеченной могилой.

Арсений
НЕСМЕЛОВ

В СОЧЕЛЬНИК

Нынче ветер — с востока на запад,
И по мерзлой маньчжурской земле
Начинает поземка царапать
И бежит, исчезая во мгле.

С этим ветром, холодным и колким,
Что в окно начинает стучать,
К зауральским серебряным елкам
Хорошо бы сегодня умчать.

Над российским простором промчатся,
Рассекая метельную высь,
Над какой-нибудь Вяткой иль Гжатском,
Над родною Москвой пронестись.

И в рождественский вечер послушать
Трепетание сердца страны,
Заглянуть в непокорную душу,
В роковые ее глубины.

Родников ее недруг не выскреб.
Не в глуши ли болот и лесов
Загораются первые искры
Затаенных до сроков скитов?

Как в татаршину, в годы глухие,
Как в те темные годы, когда
В дыме битв зачиналась Россия,
Собирала свои города.

Нелюдима она, невидима.
Темный бор замыкает кольцо.

Закрывает бесстрастная схи́ма
Молодое, худое лицо.

Но и ныне, как прежде когда-то,
Не осилить Россию беде.
И запавшие очи подняты
К золотой Вифлеемской звезде.

ТИХВИН

Городок уездный, сытый, сонный,
С тихою рекой, с монастырем,
Почему же с горечью бездонной
Я сегодня думаю о нем?

Домики с крылечками, калитки.
Девушки с парнями в картузах.
Золотые облачные свитки,
Голубые тени на снегах.

Иль разбойный посвист ночи выюжной,
Голос ветра, шалый и лихой,
И чуть слышно загудит поддужный
Бубенец на улице глухой.

Домики подслеповато щурят
Узких окон желтые глаза,
И рыдает снеговая буря.
И пылает белая гроза.

Чье лицо к стеклу сейчас прижато,
Кто глядит в оттаянный глазок?
А сугробы, точно медвежата,
Всё подкатываются под возок.

Или летом чары белой ночи,
Сонный садик, старое крыльцо,
Милой покоряющие очи
И уже покорное лицо.

Две зари сошлись на небе бледном,
Тает, тает призрачная тень,

И уж снова колоколом медным
Пробужден новорожденный день.

В зеркале реки замороженной
Монастырь старинный отражен...
Почему же, городок мой сонный,
Я вспоминаньем уязвлен?

Потому что чудища из стали
Поползли по улицам не зря,
Потому что ветхие упали
Стены старого монастыря.

И осталось только пепелище,
И река из древнего русла
Зверем, поднятым из логовища,
В Ладожское озеро ушла.

Тихвинская Божья Мать горько
Плачет на развалинах одна.
Холодно. Безлюдно. Гаснет зорька.
И вокруг могильна тишина.

ЦАРЕУБИЙЦЫ

Мы теперь панихиды правим,
С пышной щедростью ладан жжем,
Рядом с образом лики ставим,
На поминки Царя идем.
Бережем мы к убийцам злобу,
Чтобы собственный грех загас.
Но послали Царя в трущобу
Не при всех ли, увы, при нас?
Сколько было убийц? Двенадцать,
Восемнадцать иль тридцать пять?
Как же это могло так случиться —
Государя не отстоять?
Только горсточка — этот враг,
Как пыльцу бы, его смело.
Верноподданными — сто сорок
Миллионов себя звало.
Много лжи в нашем плаче позднем,
Лицемернейшей болтовни.
Не за всех ли отраву возлил
Некий яд, отравлявший дни?
И один ли, одно ли имя —
Жертва страшных нетопырей?
Нет, давно мы ночами злыми
Убивали своих Царей.
И над всеми легло проклятье,
Всем нам давит тревога грудь.
Замыкаешь ли, дом Ипатьев,
Некий давний кровавый путь?

БАЛЛАДА О ДАУРСКОМ БАРОНЕ

К оврагу,
Где травы рыжели от крови,
Где смерть опрокинула трупы на склон,
Папаху надвинув на самые брови,
На черном коне подъезжает барон.

Спускается шагом к изрубленным трупам,
И смотрит им в лица,
Склоняясь с седла, —
И прядает конь, оседающий крупом,
И в пене испуга его удила.

И яростью,
Бредом ее истомясь,
Кавказский клинок,
(Он уже обнажен)
В гниющее
Красноармейское мясо,
Повиснув к земле,
Погружает барон.

Скакун обезумел,
Не слушает шпор он,
Выносит на гребень,
Весь в лунном огне.
Испуганный шумом,
Проснувшийся ворон
Закаркает хрипло на черной сосне.

И каркает ворон,
И слушает всадник,
И льдисто светлеет худое лицо.

Чем возгласы птицы звучат безотрадной,
Тем,
Сжавшее сердце,
Слабеет кольцо.

Глаза засветились.
В тревожном их блеске —
Две крошечных искры,
Два тонких луча...
Но нынче,
Вернувшись из страшной поездки,
Барон приказал:
«Позовите врача!»

И лекарю,
Мутной тоскою оборон
(Шаги и бряцание шпор в тишине),
Отрывисто бросил:
«Хворает мой ворон:
Увидев меня,
Не закаркал он мне!

Ты будешь лечить его,
Если ж последней
Отрады лишусь — посчитаюсь с тобой!..»
Врач вышел безмолвно
И тут же в передней
руками развел и покончил с собой.

А в полдень,
В кровавом Особом Отделе,
Барону
(В сторонку дохнув перегар)
Сказали:
Вот эти... Они засиделись:
Она — партизанка, а он — комиссар.

И медленно,
В шепот тревожных известий
(Они напряженными стали опять)
Им брошено:
«На ночь сведите их вместе,
А ночью — под вороном — расстрелять!»

И утром начштаба барону прохаркал
О ночи и смерти казненных двоих...
«А ворон их видел?
А ворон закаркал?» —
Барон перебил...
И полковник затих.

«Случилось несчастье! —
Он выдавил
(Дабы
Удар отклонить —
Сокрушительный вздох). —
С испугу ли
Все-таки крикнула баба,
Иль гнили объевшись,
Но...
Ворон издох!»

«Каналья!
Ты — сдохнешь,
А ворон мой — умер!
Он,
Каркая,
Славил удел палача!.. —
От гнева и ужаса обезумев,
Хватаясь за шашку,
Барон закричал. —

Он был моим другом.
В кровавой неволе
Другого найти я уже не смогу!» —
И, весь содрогаясь от гнева и боли,
Он отдал приказ отступить на Ургу.

Стенали степные поджарые волки,
Шептались пески,
Умирал небосклон...
Как идол, сидел на косматой монголке,
Монголом одет,
Сумасшедший барон.

И шорохам ночи бессонной внимая,
Он призраку гибели выплюнул:
«Прочь!»
И каркала вороном
Глухонемая
Упавшая сзади
Даурская ночь.

Я слышал:
В монгольских унылых улусах,
Ребенка качая при дымном огне,
Раскосая женщина в кольцах и бусах
Поет о бароне на черном коне...

И будто бы в дни,
Когда в яростной злобе
Шевелится буря в горячем песке, —
Огромный,
Он мчит над пустынею Гоби,
И ворон сидит у него на плече.

НАСТУПЛЕНИЕ

Та страна, что могла быть раем,
Стала логовищем огня.
Мы четвертый день наступаем,
Мы не ели четыре дня.

Но не надо яства земного
В этот страшный и светлый час,
Оттого что Господне слово
Лучше хлеба питает нас.

И залигы кровью недели
Ослепительны и легки,
Надо мною рвутся шрапнели,
Птиц быстрее взлетают клинки.

Я кричу, и мой голос — дикий.
Это медь ударяет в медь.
Я, носитель мысли великой,
Не могу, не могу умереть.

Словно молоты громовые
Или воды гневных морей, —
Золотое сердце России
Мерно бьется в груди моей.*

И так сладко рядить победу,
Словно девушку, в жемчуга,
Проходя по дымному следу
Отступающего врага.

* Строки, набранные курсивом, принадлежат Н.Гумилеву.

РОДИНЕ

Россия! Из грозного бреда
Двухлетней борьбы роковой
Тебя золотая победа
Возводит на трон золотой...

Под знаком великой удачи
Проходят последние дни,
И снова былые задачи
Свои засветили огни.

Степей снеговые пространства,
Лесов голубая черта...
Намечен девиз Всеславянства
На звонком металле щита...

Россия! Десятки наречий
Восславят твое бытие.
Герои подъяли на плечи
Великое горе твое.

Но сила врагов — на закате,
Но мчатся, Святая Земля,
Твои лучезарные рати
К высоким твердыням Кремля!

ПЕРЕХОДЯ ГРАНИЦУ

Пусть дней не мало вместе пройдено,
Но вот не нужен я и чужд,
Ведь вы же женщина — о, Родина! —
И, следовательно, к чему ж
Все то, что сердцем в злобе брошено,
Что высказано сгоряча?
Мы расстаемся *по-хорошему*,
Чтоб никогда не докучать
Друг другу больше. Все, что нажито,
Оставляю вам, долги простив, —
Все эти пастбища и пажити.
А мне — просторы и пути.
Да ваш язык. Не знаю лучшего
Для сквернословий и молитв,
Он, изумительный, — от Тютчева
До Маяковского велик.
Но комплименты здесь уместны ли?
Лишь вежливость, лишь холодок
Усмешки — выдержка чудесная
Вот этих выверенных строк.
Иду. Над порослью — вечернее
Пустое небо цвета льда.
И вот со вздохом облегчения:
«Прощайте. Знаю. Навсегда».

СПУТНИЦЕ

Ты в темный сад звала меня из школы
Под тихий вяз. На старую скамью,
Ты приходила девушкой веселой
В студенческую комнату мою.
И злому непокорному мальчишке,
Копившему надменные стихи,
В ребячье сердце вкалывала вспышки
Тяжелой, темной музыки стихий.
И в эти дни тепло твоих ладоней
И свежий холод непокорных губ
Казался мне лазурней и бездонней
Венецианских голубых лагун...
И в старой Польше, вкапываясь в глину,
Прицелами обшаривая даль,
Под свист, напоминавший окарину,
Я в дѣмах боя видел не тебя ль?..
И находил, когда стальной кузнечик
Смолкал трещать, все ленты рассказав,
У девушки из польского местечка
Твою улыбку и твои глаза.
Когда ж страна в восстаньях обгорала,
Как обгорает карта на свече, —
Ты вывела меня из-за Урала
Рукой, лежащей на моем плече.
На всех путях моей беспутной жизни
Я слышал твой неторопливый шаг.
Твоих имен святой тысячелистник,
Как драгоценность, бережет душа.
И если пасть беззубую, пустую,
Разинет старость с хворью на горбе,
Стихом последним я отсалютую
Тебе, золотоглазая, тебе!

В ЭТОТ ДЕНЬ

В этот день встревоженный сановник
К телефону часто подходил,
В этот день испуганно, неровно
Телефон к сановнику звонил.
В этот день, в его мятежном шуме,
Было много гнева и тоски,
В этот день маршировали к Думе
Первые восставшие полки.
В этот день машины броневые
Поползли по улицам пустым,
В этот день... одни городовые
С чердаков вступились за режим.
В этот день страна себя ломала,
Не взглянув на то, что впереди,
В этот день царица прижимала
Руки к холодеющей груди.
В этот день в посольствах шифровали
Первой сводки беглые кроки,
В этот день отменно ликовали
Явные и тайные враги.
В этот день... Довольно, Бога ради!
Знаем, знаем, — надломилась ось:
В этот день в отпавшем Петрограде
Мощного героя не нашлось.
Этот день возник, кроваво вспенен,
Этим днем начался русский гон —
В этот день садился где-то Ленин
В свой запломбирóванный вагон.
Вопрошает совесть, как священник,
Обличает Мученика тень...
Неужели, Боже, нет прощенья
Нам за этот сумасшедший день?!

* * *

Пели добровольцы. Пыльные теплушки
Ринулись на запад в стуко́те колес.
С бронзовой платформы выглянули пушки.
Натиск и победа! или — под откос.
Вот и Камышово. Красных отогнали.
К Екатеринбург у нас помчит заря:
Там наш Император. Мы уже мечтали
Об освобожденье Русского Царя.
Сократились версты — меньше перегона
Оставалось мчаться до тебя, Урал.
На его предгорьях, на холмах зеленых
Молодой, успешный бой отгрохотал.
И опять победа. Загоняем туже
Красные отряды в тесное кольцо.
Почему ж нет песен, братья, почему же
У гонца из штаба мертвое лицо?
Почему рыдает седу́сый воин?
В каждом сердце — словно всех пожарищ гарь.
В Екатеринбурге, никни головою,
Мучеником умер кроткий Государь.
Замирают речи, замирает слово,
В ужасе бескрайнем поднялись глаза.
Это было, братья, как удар громовый,
Этого удара позабыть нельзя.
Вышел седу́сый офицер. Большие
Поднял руки к небу, обратился к нам:
— Да, Царя не стало, но жива Россия,
Родина Россия остается нам.
И к победам новым он призвал солдата.
За хребтом Уральским вздыбилась война.
С каждой годовщиной удаленной дата;
Чем она далече, тем страшней она.

СУВОРОВСКОЕ ЗНАМЯ

Отступить! — и замолчали пушки,
Барабанщик-пулемет умолк.
За черту пылавшей деревушки
Отошел Фанагорийский полк.
В это утро перебило лучших
Офицеров. Командир сражен.
И совсем молоденький поручик
Наш, четвертый, принял батальон.
А при батальоне было знамя,
И молил поручик в грозный час,
Чтобы Небо сжалилось над нами,
Чтобы Бог святыню нашу спас.
Но уж слева дрогнули и справа,
Враг наваливался, как медведь,
И защите знамени — со славой
Оставалось только умереть.
И тогда — клянусь, немало взоров
Тот навек запечатлело миг —
Сам генералиссимус Суворов
У святого знамени возник.
Был он худ, был с пудреной косицей,
Со звездой был его мундир.
Крикнул он: «За мной, фанагорийцы!
С Богом, батальонный командир!»
И обжег приказ его, как лава,
Все сердца: святая тень зовет!
Мчались слева, набегали справа,
Чтоб, столкнувшись, ринуться вперед!
Ярости удара штыкового
Враг не снес; мы ураганно шли.
Только командира молодого
Мертвым мы в деревню принесли...

И у гроба — это вспомнит каждый
Летописец жизни фронтовой —
Сам Суворов плакал: ночью дважды
Часовые видели его.

НАША ПАСХА

Метких капель перекличка,
Звонко, звонко бьющих в цель...
Солнце — красное яичко...
Жизнерадостный апрель!
Птицы с юга. Ветер с юга,
Шелк его прохладных струй.
Лапа друга. Сердце друга,
Троекратный поцелуй!
Ты ли беден, я ли нищий,
Не снижать же нам полет!
Юность в час тяжелый свищет,
Жизнерадостно поет!
Не наряден? Не обедал?
Разговеемся, дружок!
Для кого ж тогда победа,
Коль не к нам, на бережок?!
Для ленивца с толстым пузом,
С капиталом, с кадыком?
Господам с подобным грузом
Позади идти шажком!
Юность их опережает
Жизни тон она дает,
Волей сердце заряжает
Все атаки отражает,
И вперед!

КТО ПРОТИВ НАС?!

Ну, соратник, руку!
С новою весною,
С вербой, опушившей
Русские поля!..
Ветер новой жизни
Взвился над странюю
Вздригнула, проснулася
Русская земля.
Ну, соратник, в ногу!..
Сплóченные, строим
По дорогам русским
Отобьем мы шаг...
Мы идем к победе,
Мы ряды утроим,
Будет юной силой
Опрокинут враг...
Ну, соратник, к счастью!..
К Родине, России,
Ибо, верно, близок
Осиянный час!..
Милые, родные,
Русские, стальные,
Коль Россия с нами
Кто же против нас?!

В НИЖНЕУДИНСКЕ

День расцветал и был хрустальным,
В снегу скрипел протяжно шаг.
Висел над зданием вокзальным
Беспомощно нерусский флаг.
Я помню звенья эшелона,
Затихшего, как неживой.
Стоял у синего вагона
Румяный чешский часовой.
И было точно погребальным
Охраны хмурое кольцо.
Но вдруг, на миг, в стекле зеркальном
Мелькнуло строгое лицо.
Уста, уже без капли крови,
Сурово сжатые уста!..
Глаза, надломленные брови,
И между них — его черта,
Та складка боли, напряженья,
В которой роковое есть...
Рука сама пришла в движенье,
И, проходя, я отдал честь.
И этот жест в морозе лютном,
В той перламутровой тиши
Моим последним был салютом,
Салютом сердца и души!
И он ответил мне наклоном
Своей прекрасной головы...
И паровоз далеким стоном
Кого-то звал из синевы.
И было горько мне. И ковка
Перед вагоном скрипнул снег:
То с наклоненною винтовкой
Ко мне шагнул румяный чех.

И тормоза прогрохотали,
Лязг приближался, пролетел.
Умчали чехи Адмирала
В Иркутск — на пытку и расстрел!

БОРИСУ КОВЕРДЕ

Год глухой... Пора немая.
Самый воздух нем и сер.
Но отважно поднимает
Коверда свой револьвер!
Грозный миг, как вечность длится,
Он грозóво напряжен,
И упал цареубийца,
Русской пулею сражен...
Русский юноша Иуду
Грозным мщением разит.
Эхо выстрела повсюду
Прокатилось и гремит!
Не одна шумит Варшава,
Грома отзвуки везде!
И приносит подвиг славу
Вам, Борису Коверде...
Как сигнал национальный
Прогремел ваш револьвер,
Показал он путь печальный
Подав знак и дав пример...
И в потемки те глухие
Он сказал своим огнем,
Что жива еще Россия,
Живы мы и не умрем!..
Что идет к победе юность,
Каждый к подвигу готов,
В каждом сердце многострунность
Гордых русских голосов!..

ВОЛЯ К ПОБЕДЕ

Воля к победе.
Воля к жизни.
Чуткое сердце.
Верный глаз.
Только такие нужны Отчизне,
Только таких выкликает час.

Через засеки
И волчьи ямы,
Спешенным строем
Иль на коне,
Прямы, напористы и упрямы —
Только такие нужны стране.

Пусть поднимает, как оборочку,
Пенный мгновенный надменный вал.
Волю в одну устремляем точку,
Не выпускаем из рук штурвал.

В черной рубашке не страшны бури.
Разве не бурею мы рождены?
Только такие плывут в лазури
К милым просторам родной страны.

Только такие, только такие
Вырвут из двери тюрьмы засов.
К нам свои руки простерла Россия,
Нам ее голос, нам ее зов.

Каждый бесстрашен и каждый молод.
Ветры победы знамена рвут.
Каждое сердце гремит, как молот:
БОГ, НАЦИЯ, ТРУД!

БРОНЕВИК

У розового здания депо
С подпалинами копоти и грязи,
За самой дальней рельсовой тропой,
Куда и сцепщик с фонарем не лазит, —
Ободранный и загнанный в тупик,
Ржавеет Каппель, белый броневик.

Вдали перекликаются свистки
Локомотивов... Лязгают форкопы.
Кричат китайцы... И совсем близки
Веселой жизни путаные тропы.
Но жизнь невозвратно далека
От пушек ржавого броневика.

Они глядят из узких амбразур
Железных башен — безнадежным взглядом,
По корпусу углярок, чуть внизу,
Серее надпись: «Мы — до Петрограда!»
Но явственно стирает непогода
Надежды восемнадцатого года.

Тайфуны с Гоби шевелят пески,
О сталь щитов звенят, звенят песчинки...
И от бойниц протянуты мыски
Песка на опорожненные цинки;
Их исковеркал неудачный бой
С восставшими рабочими, с судьбой.

ВИНТОВКА № 5729671

Две пули след оставили на ложе,
Но крепок твой березовый приклад.
Лишь выстрел твой звучал как будто строже,
Лишь ты была милее для солдат.

В руках бойца, не думая о смене,
Гремела ты и накаляла ствол
У Осовца, у Львова, у Тюмени,
И вот теперь ты стережешь Tobol.

Мой старый друг, ты помнишь бой у Горок,
Ялуторовск, Шмаково и Ирбит?
Везде, везде наш враг, наш злобный враг
Был мощно смят, отброшен и разбит.

А там, в лесу? Царапнув по прикладу,
Шрапнелька в грудь ужалила меня...
Как тяжело пришлось тогда отряду!
Другой солдат владел тобой два дня...

Он был убит. Какой-то новый воин
Нашел тебя и заряжал в бою,
Но был ли он хранить тебя достоин,
И понял ли разительность твою?

Иль, может быть, визгливая граната
Разбила твой стальной горячий ствол...
...И вот нашел тебя в руках солдата,
Так случай нам увидеться привел.

Прощай опять. Блуждая в грозном круге,
Я встречи жду у новых берегов,
И знаю я, тебе, моей подруге,
Не быть в плену, не быть в руках врагов!

УБИЙСТВО

Штыки, блеснув, роняют дряблый звук,
А впереди затылок кротко, тупо
Качается и замирает... «Пли!» —
И вот лежит, дрожа, хрипя в пыли...
Монокль луны глядит на корчи трупа,
И тороплив курков поспешный стук.

* * *

Ловкий ты и хитрый ты,
Остроглазый черт.
Архалук твой вытертый
О коня истерт.
На плечах от споротых
Полосы погон.
Не осилил спора ты
Лишь на перегон.
И дичал всё более,
И несли враги
По степям Монголии
До степей Урги.
Гор песчаных рыжики,
Зноя каменок.
О колено ижевский
Поломал клинок.
Но его не выбили
Из беспутных рук.
По дорогам гибели
Мы гуляли, друг!
Раскаленный добела
Отзвенел песок.
Видно, время пробило
Раздробить висок.
Вольный ветер клонится
Замести тропу.
Отгуляла конница
В золотом степу.

ДВЕ ПРАВДЫ

Есть правда тыла, где стоят обозы
И кухни под навесами дымят;
Есть правда прозябания и прозы,
И редко освежающие грозы
Над мирным засыпанием гремят.
Но есть иная правда. Лишь герою
Ее глаза, ее зовущий знак.
Есть правда шашки, обнаженной к бою,
В самозабвенном: «На врага, за мною!»
Кавалерийских огненных атак.
Свободно каждым делается выбор...
Под небесами отгремевших гроз,
Где падал конь, от пули вставший дыбом, —
Безмолвный, сонный проползет обоз.
Но если юн ты и влюблен в победу
И жизнь твоя тебе не дорога,
Иным путем кратчайшим к цели следуй...
Персей, освобождая Андромеду,
Взлетел и пал на голову врага.

НА ВОДРАЗДЕЛЕ

Воет одинокая волчиха
На мерцанье нашего костра.
Серая, не сетуй, замолчи-ка, —
Мы пробудем только до утра.

Мы бежим, отбитые от стаи,
Горечь пьем из полного ковша,
И душа у нас совсем пустая,
Злая, беспощадная душа.

Всходит месяц колдовской иконой —
Красный факел тлеющей тайги.
Вне пощады мы и вне закона —
Злую силу дарят нам враги.

Ненавидеть нам не разучиться,
Не остыть от злобы огневой...
Воет одинокая волчица,
Слушает волчицу часовой.

Тошно сердцу от звериных жалоб,
Неизбывен горечи родник...
Не волчиха — Родина, пожалуй,
Плачет о детенышах своих.

НОЧЬЮ

Я сегодня молодость оплакал,
Спутнику ночному говоря:
«Если и становится на якорь
Юность, — как непрочны якоря
У нее! Не брать с собой посуду
И детей, завернутых в ватин...
Молодость уходит отовсюду,
Ничего с собой не захватив.
Верности насиженному месту,
Жалости к нажитому добру —
Нет у юных. Глупую невесту
Позабуду и слезу утру
По утру. И выгляну в окошко.
Станция. Решительный гудок.
Хобот водокачки. Будка. Кошка.
И сигнал прощания — платок.
Не тебе! Тебя никто не кличет.
Слез тебе вослед еще не льют.
Молодость уходит за добычей,
Покидая родину свою!..»
Спутник слушал, возражать готовый.
Рассветало. Колокол заныл.
И китайский ветер непутевый
По пустому городу бродил.

ВЕЛИКИМ ПОСТОМ

Как говорит внимательный анализ, —
За четверть века беженской судьбы
(Не без печали и не без борьбы)
От многого мы всё же отказались.
Но веру нашу свято мы храним,
Мы прадедовский бережем обычай
И мы потерь не сделали добычей
То, что считаем русским и святым.
Хотя бы взять начальные недели
Вот этого Великого поста:
Мы снова у подножия Креста,
Постимся мы, говеем, отговели.
Чем нам трудней, тем крепче вера в нас.
И в этом, думается, наша сила:
Как древних предков, нас благословила
Твоя рука, Нерукотворный Спас!
С какою бы гримасою суровой
Грядущий день ни выходил из тьмы,
Но русской вере не изменим мы
И не забудем языка родного!

ВОССТАНИЕ*(Главы из поэмы)*

Клубилось безликим слухом,
Росло, обещая мечь.
Ловило в предместьях ухо
За хмурю вестью весть.
Предгрозье, давя озоном,
Не так ли сердца томит?
Безмолвие гарнизона
Похоже на динамит.
И ждать невозможно было,
И нечего было ждать.
Кроваво луна всходила
Кровавые сны рождать.
И был бы тяжел покоя
Тот сон, что давил мертво.
Россия просила боя
И требовала его!
Россия звала к отваге,
Звала в орудийный гром,
И вот мы скрестили шпаги
С кровавым ее врагом.
Нас мало, но принят вызов.
Нас мало, но мы в бою!
Россия, отважный призван
Отдать тебе жизнь свою!
Толпа, как волна морская,
Взметнулась, ворвался шквал...
Обстреливается Тверская! —
И первый мертвец упал.
И первого залпа фраза —
Как челюсти волчьей шелк,
И вздрогнувший город сразу
Безлюдной пустыней смолк.

Мы — белые. Так впервые
Нас крестит московский люд.
Отважные и молодые
Винтовки сейчас берут.
И натиском первым давят
Испуганного врага,
И веги победы ставят,
И жизнь им не дорога.
К Никитской, на Сивцев Вражек!
Нельзя пересечь Арбат.
Вот юнкер стоит на страже,
Глаза у него горят.
А там, за решеткой сквера,
У чахлых осенних лип
Стреляют из револьвера,
И голос кричать охрип.
А выстрел во тьме — звездой
Из огненно-красных жил,
И кравшийся предо мною
Винтовку в плечо вложил.
И вот мы в бою неравном,
Но тверд наш победный шаг,
Ведь всюду бежит бесславно,
Везде отступает враг.
Боец напрягает нервы,
Восторг на лице юнца,
Но юнкерские резервы
Исчерпаны до конца!
— Вперед! Помоги, Создатель! —
И снова ружье в руках.
Но заперся обыватель,
Как крыса, сидит в домах.
Мы заняли Кремль, мы — всюду
Под влажным покровом тьмы.
И все-таки только чуду
Вверяем победу мы.
Ведь заперты мы во вражьем
Кольце, что замкнуло нас,
И с башни кремлевской — стражам
Бьет гулко полночный час.

Так наша началась борьба —
Налетом, вылазкою смелой.

Но воспротивилась судьба
Осуществленью цели белой.
Ах, что «судьба», «безликий рок»,
«Потусторонние веленья»...
Был органический порок
В безвольном нашем окруженье.
Отважной горсти юнкеров
Ты не помог, огромный город,
Из запертых своих домов,
Из-за окон в тяжелых шторах.
Ты лишь исхода ждал борьбы
И каменел в поту от страха.
И вырвала из рук судьбы
Победу красная папаха.
Всего мгновение, момент
Упущен был — упал со стоном.
И тащится интеллигент
К совдепу с просьбой и поклоном.
Службишка, хлебец, керосин,
Крупы какую-то для детской...
Так выю тянет гражданин
Под яростный ярем советский.
А те, кто выдержали брань,
В своем изодранном мундире
Спешат на Дон и на Кубань
И начинают бой в Сибири.
И до сих пор они в строю,
И потому — надеждам сбыться.
Тебя добудем мы в бою,
Первопрестольная столица!

МЫ

Голодному камень — привычная доля.
Во лжи родились мы. Смеемся от боли.
Глаза застывает гнилая короста.
Стоять на коленях удобно и просто.
Бессильные слезы у нас в горле комом.
И только для слабых нам правда знакома.
Течет вместо крови по жилам сивуха.
Дыша перегаром, мы сильные духом.
Голодному — хлеба, а вольному — воля!
Рожденные ползать — завидная доля!

СЛОВО И ДЕЛО

Не от голода — от скуки
Кровь сосут из сердца, суки!
Видеть русских на коленях
Очень любит это племя!
Душат Правду ложью злою!
В мозг ползут нечистой тлєю!
Порожденье тьмы и грязи!
Бесовского блуда князи!
Но придет и наше время!
Встанет Родина с коленей!
С глаз коросту! Нечисть — с тела!
Память. Слово. Долг.
И дело.

МОЕМУ НАРОДУ

Иль ты устал, могучий мой народ?
Иль тяготы борьбы хребет тебе сломили?
Упал на дно веков ли, потерявши брод,
И память о тебе развеется подобно горстке пыли?
Твой слышу ропот, но невнятен он.
Врагов твоих насмешки громче. Ликованье — злее.
Врагов, что сокрушал ты испокон...
Ужель сейчас они тебя сильнее?
Воспрянуть! Распрямитесь! Задышать!
Их раскидать, как псов смердящих свору!
Или рабом принижено дрожать,
Не внемля предков горькому укору?
О, мой народ, уставший от борьбы!
Ржавеет щит. И меч тебе не нужен?
Сон. Отдых. Смерть. В подарок от судьбы
Уставшему — быть Воином и Мужем!

ГРЕБНЫЕ ГОНКИ*

Руки вперед, до отказа —
Раз! — и пружиной назад.
По голубому алмазу
Легкие лодки скользят.

Раз! — Поупористей, туже,
Чтобы скачками несло.
Два! — Упирайте упруге
В глубь, молодое весло.

Смокла носатая кепка.
Пот у прищуренных глаз.
Резко, отрывисто, крепко —
Раз! и отчетливей — раз!

Крепостью, мужеством взрослым
Бега берем рубежи.
Раз! Не забрасывай весла.
Два! Направленье держи.

Раз! Напрягается стойко
Воля души и весла,
Чтобы летящая двойка
Первой к победе пришла.

Раз! До отказа, до цели.
Два! Разорвутся тела...
Три! И победно взлетели
Вверх все четыре весла!*

* Стихотворение посвящено гребным гонкам, проводившимся в рамках так называемой «Малой Олимпиады Российской Республики» (фактически — в отборочных соревнованиях на Олимпийские Игры 1936 г., в которых должна была участвовать спортивная делегация «Белой ДВР»). Поэт присутствовал на этих соревнованиях в качестве специального корреспондента газеты «Тихоокеанская звезда» (Хабаровск).

В ЛОМБАРДЕ

В ломбарде старого ростовщика,
Нажившего почет и миллионы,
Оповестили стуком молотка
Момент открытия аукциона.

Чего здесь нет! Чего рука нужды
Не собрала на этих полках пыльных!
От генеральской Анненской звезды
До риз икон и крестиков крестильных.

Былая жизнь, увы, осуждена
В осколках быта, потерявших имя...
Поблёскивают тускло ордена,
И в запылённой связки их — Владимир.

Дворянства знак. Рукой ростовщика
Он брошен на лоток аукциона,
Кусок металла в два золотника,
Тень прошлого и тема фельетона.

Потрескалась багряная эмаль —
След времени, его непостоянство.
Твоих отличий никому не жаль,
Бездарное, последнее дворянство.

Но как среди купеческих судов
Надменен тонкий очерк миноносца, —
Среди тупых чиновничьих крестов
Белеет грозный крест Победоносца.

Святой Георгий — белая эмаль,
Простой рисунок... Вспоминаешь кручи

Фортов, бросавших огненную сталь,
Бетон, звеневший в вихре пуль певучих,

И юношу, поднявшего клинок
Над пропастью бетонного колодца,
И белый окровавленный платок
На сабле коменданта — враг сдается!

Георгий, он — в руках ростовщика!
Но не залить зарю лавиной мрака,
Не осквернит негодная рука
Его неоскверняемого знака.

Пусть пошлости неодолимый клёв
Швыряет нас в трясучий жизни кузов, —
Твой знак носил прекрасный Гумилев,
И первым кавалером был Кутузов!

Ты гордость юных — доблесть и мятеж,
Ты гимн победы под удары пушек.
Среди тупых чиновничьих утех
Ты — браунинг, забытый меж игрушек.

Не алчность, робость чувствую в глазах
Тех, кто к тебе протягивает руки,
И уйду... И сердце всё в слезах
От злобы, одиночества и муки.

ПОТОМКУ

Иногда я думаю о том,
На сто лет вперед перелетая,
Как, раскрыв многоречивый том
«Наша эмиграция в Китае»,
О судьбе изгнанников печальной
Юноша задумается дальний.

На мгновение встретятся глаза
Сущего и бывшего, котомок,
Страннических посохов стезя...
Скажет, соболезнуя, потомок:

«Горек путь, подслеповат маяк,
Душно вашу постигать истому.
Почему ж упорствовали так,
Не вернулись к очагу родному?»

Где-то упомянут. Со страницы
Встану. Выжду. Подниму ресницы:

«Не суди. Из твоего окна
Не открыты канувшие дали,
Годы смыли их до волокна,
Их до сокровеннейшего дна
Трупами казненных закидали.

Лишь дотла наш корень истребя,
Грозные отцы твои и деды
Сами отказались от себя,
И тогда поднялся ты, последыш.

Вырос ты без тюрем и без стен,
Чей кирпич свинцом исковыряли.

В наше ж время не сдавались в плен,
Потому что в плен тогда не брали».

И не бывший в яростном бою,
Не ступавший той стезей неверной,
Он усмешкой встретит речь мою
Недоверчиво-высокомерной.

Не поняв друг в друге ни аза,
Холодно разъединим глаза.
И опять — года, года, года,
До трубы Последнего суда!

РОМАН НА АРБАТЕ

Проскучала надоедный день
В маленькой квартирке у Арбата.
Не читалось. Оковала лень.
И тоской душа была измята.

Щурилась, как кошка, на огонь,
Куталась в платок: «Откуда дует?»
И казалось, что твою ладонь
Тот, вчерашний, вкрадчиво целует.

А под вечер заворчала мать:
«Что весь день тоской себя калечишь?»
Если б мог хоть кто-нибудь сломать
Эти сладко ноющие плечи!

И читала, взор окаменя,
О в любви тоскующем аббате...
Ты влюбилась, нежная, в меня
В маленькой квартирке на Арбате.

ДАВНЕЕ

Мелькнул фонарь, и на стальном столбе
Он — словно факел. Резче стук вагона.
Гляжу на город с мыслью о тебе,
И зарево над ним как светлая корона.
Пусть наша встреча — в отдаленном дне,
Но в сердце всё же радостные глубины:
Ты думаешь и помнишь обо мне,
Ведь ты меня светло и нежно любишь.
В вагоне тесно. Сумрачен и мал,
Какой-то франт мое присвоил место,
И на вопрос: «А кто вас провожал?»
Он радостно ответил мне: «Невеста»...

ЗА*Анне*

За вечера в подвижнической схиме,
За тишину, прильнувшую к крыльцу...
За чистоту. За ласковое имя,
За вытканное пальцами твоими
Прикосновение к моему лицу.
За скупость слов. За клятвенную тяжесть
Их, поднимаемых с глубин души.
За щедрость глаз, которые, как чаши,
Как нежность подносящие ковши.
За слабость рук. За мужество. За мнимость
Неотвратимостей отвергнутых. И за
Неповторяемую неповторимость
Игры без декламаторства и грима
С финалом вдохновенным, как гроза.

ДО ЗАВТРА, ДРУГ!

«До завтра, друг!» — и без рукопожатья,
Одним кивком проститься до утра.
Еще живую руку мог пожать я,
Еще бы взгляду, слову был бы рад.
А нынче — храм. Высокий сумрак. Чтица,
Как белый мрамор. Серебрится гроб,
И в нем, в цветах, мерещится, таится
Знакомое лицо, высокий лоб.
Ушли друзья, ушли родные. Ясно
Луна над темной церковью плывет.
«Не ведаем ни дня ее, ни часа», —
Бормочет чтица, повторяет свод.
Блаженство безмятежного покоя.
Ушел — уйдем. К кресту усталых рук
Прижался нежный стебелек левкоя:
Привет с земли. Прости. До завтра, друг!

ПЯТЬ РУКОПОЖАТИЙ

Ты пришел ко мне проститься. Обнял.
Заглянул в глаза, сказал: «Пора!»
В наше время в возрасте подобном
Ехали кадеты в юнкера.
Но не в Константиновское, милый,
Едешь ты. Великий океан
Тысячами простирает мили
До лесов Канады, до полян
В тех лесах, до города большого,
Где — окончен университет.
Потеряем мальчика родного
В иностранце двадцати трех лет.
Кто осудит? Вологдам и Бийскам
Верность сердца стоит ли хранить?..
Даже думать станешь по-английски,
По-чужому плакать и любить.
Мы — не то! Куда б ни выгружала
Буря волчью костромскую рать,
Все же нас и Дурову, пожалуй,
В англичан не выдрессировать.
Пять рукопожатий за неделю.
Разлетится столько юных стай!..
Мы — умрем, а молодняк поделят
Франция, Америка, Китай.

ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Лбом мы прошибали океаны
Волн слепящих и слепой тайги.
В жребий отщепенства окаянный
Заковал нас Рок, а не враги.
Мы плечами поднимали подвиг,
Только сердце было наш домкрат,
Мы не знали, что такое отдых
В раззолбченном венце наград.
Много нас рассеяно по свету,
Отоснившихся уже врагу.
Мы — лишь тема, милая поэту,
Мы — лишь след на тающем снегу.
Победителя, конечно, судят,
Только побежденный не судим,
И в грядущем мы одеты будем
Ореолом славы золотым.
И кричу, строфу восторгом скомкав,
Зоркий, злой и цепкий, как репей:
Как торнадо, захлестнет потомков
Дерзкий ветер наших эпопей!

ВАСИЛИЙ КАЗАНЦЕВ

Василий Васильич Казанцев...
И огненно вспомнились мне:
Усищев протуберанцы,
Кожанка и цейс на ремне.

Ведь это же — бесповоротно,
И образ тот, время, не тронь!
Василий Васильевич — ротный:
«За мной! Перебежка! Огонь!»

«Василий Василича?. — Прямо.
Вот, видите, стол у окна...»
Над счетами согнут упрямо,
И лысина, точно луна.

Почтенный бухгалтер. Бессильно
Шагнул и мгновенно остыл...
Поручик Казанцев?.. Василий?..
Но где же твой цейс и усы?

Какая-то шутка, насмешка,
С ума посходили вы все!..
Казанцев под пулями мешкал
Со мной на ирбитском шоссе.

Нас дерзкие дни не скосили.
Забуду ли пули ожог!
И вдруг — шевиотовый, синий,
Наполненный скукой мешок.

Грознейшей из всех революций
Мы пулей ответили: нет!

И вдруг — этот куцый, кургузый,
Уже располневший субъект.

Года революции, где вы?
Кому ваш грядущий сигнал?
«Вам в счетный, так это налево...»
Он тоже меня не узнал!

Смешно! Постарели и вымрем
В безлюдье осеннем, нагом...
Но всё же, конторская мымра,
Сам Ленин был нашим врагом!

СПОКОЙНОЕ

Тлен и распад в кулачках зажаты.
В сердце безумная тяга к деньжатам.
Твой поцелуй — подражанье Иуде.
Варишь ты зелье свое в Голливуде.
Ненависть к русским. Презренье к России.
Помним, как шли на расстрел мы босые.
Пуля в затылок цвету народа.
Победа! Ликует гнилая порода!
Лживые речи — отравой в душу.
Слабость и смерть — своих недругов слушать!
Вырвать и выжечь, сжав зубы от боли!
Пусть Память пребудет, а с нею и Воля!

ЛЕОНИД ЕЩИН*

Ленька Ещин... Лишь под стихами
Громогласное — Леонид,
Под газетными пустяками,
От которых душа болит.

Да еще на кресте надгробном,
Да еще в тех строках кривых
На письме *от родной*, должно быть,
Не заставшей тебя в живых.

Был ты голым и был ты нищим,
Никогда не берег себя,
И о самое жизни днище
Колотила тобой судьба.

«Тында-рында» — не трын-трава ли
Сердца, ведающего, что вот
Отгуляли, отгоревали,
Отшумел Ледяной поход!

Позабыли Татарск и Ачинск —
Городишки одной межи —
Как от взятия и до сдачи
Проползала сквозь сутки жизнь.

Их домишкам — играть в молчанку.
Не расскажут уже они,
Как скакал генерала Молчанова
Мимо них адъютант Леонид.

* Ещин Л.Е. (1897—1930). Поэт, белогвардейский офицер, участник Сибирского Ледяного похода. После Гражданской войны эмигрировал в Харбин.

Как был шумен постой квартирный,
Как шумели, смеялись как,
Если сводку оперативную
Получал командир в стихах.

«Ай да Леня!» — и вот по глыбе
Безнадежности побежит
Легкой трещиной — улыбка,
И раскалывается гранит!

Так лучами цветок обрызган,
Так туманом шевелит луна...
«Тында-рында!» — и карта риска
В диспозиции вновь сдана.

Докатились. Верней — докápали
Единицами: рота, взвод...
И разбилась фаланга Каппеля
О бетон крепостных ворот.

Нет, не так! В тыловые топи
Увязили такую сталь!
Проиграли, продали, пропили,
У винтовок молчат уста.

День осенний — глухую хмару —
Вспоминаю: в порту пустом,
Где последний японский «мару» —
Леонид с вещевым мешком.

Оглянул голубые горы
Взором влажным, как водоем:
«Тында-рында! И этот город —
Удивительный — отдаем...»

Спи спокойно, кротчайший Леня,
Чья-то очередь за тобой!..
Пусть же снится тебе макленка,
Утро, цепи и легкий бой.

СТИХИ О ХАРБИНЕ**1**

Под асфальт, сухой и гладкий,
Наледь наших лет,
Изыскательной палатки
Канул давний след...

Флаг Российский. Коновязи.
Говор казаков.
Нет с былым и робкой связи, —
Русский дух таков.

Инженер. Расстегнут ворот.
Фляга. Карабин.
«Здесь построим русский город,
Назовем — Харбин».

Без тропы и без дороги
Шел, работе рад.
Ковылял за ним трехногий
Нивелир-снаряд.

Перед днем Российской встряски,
Через двести лет,
Не петровской ли закваски
Запоздалый след?

Не державное ли слово
Сквозь века: *приказ*.
Новый город зачат снова,
Но в последний раз.

2

Как чума, тревога бродит —
Гул лихих годин...

Рок черту свою проводит
Близ тебя, Харбин.

Взрывы дальние, глухие,
Алый взлет огня —
Вот и нет тебя, Россия,
Государыня!

Мало воздуха и света,
Думаем, молчим.
На осколке мы планеты
В будущее мчим!

Скоро ль кануть иль не скоро?..
Сумрак наш рассеет...
Про запас ты, видно, город
Выстроила сей.

Сколько ждать десятилетий?
Что, кому беречь?
Позабудут скоро дети
Отческую речь.

3

Милый город, горд и строен,
Будет день такой,
Что не вспомнят, что построен
Русской ты рукой.

Пусть удел подобный горек —
Не опустим глаз:
Вспомяни, старик-историк,
Вспомяни о нас.

Ты забытое отыщешь,
Впишешь в скорбный лист,
Да на русское кладбище
Забежит турист.

Он возьмет с собой словарик
Надписи читать...
Так погаснет наш фонарик,
Утомясь мерцать!

* * *

Женщины живут, как прежде, телом,
Комнатным натопленным теплом,
Шумным шелком или мехом белым,
Ловкой ложью и уютным злом.

Мы, поэты, думаем о Боге
И не знаем, где его дворцы.
И давно забытые дороги
Снова — вышарканные торцы.

Но, как прежде, радуются дети...
И давно мечтаю о себе —
О веселом маленьком кадете,
Ездившем в Лефортово на «Б».

Темная Немецкая. Унылый
Холм дворца и загудевший сад...
Полно, память, этот мальчик милый
Умер двадцать лет тому назад!

ПРИКОСНОВЕНИЯ

Была похожа на тяжелый гроб
Большая лодка, и китаец греб,
И весла мерно погружались в воду...
И ночь висела, и была она,
Беззвездная, безвыходно черна
И обещала дождь и непогоду.

Слепой фонарь качался на корме —
Живая точка в безысходной тьме,
Дрожащий свет, беспомощный и нищий...
Крутились волны и неслась река,
И слышал я, как мчались облака,
Как медленно поскрипывало днище.

И показалось мне, что не меня
В мерцании бессильного огня
На берег, на неведомую сушу —
Влечет гребец безмолвный, что уже
По этой шаткой водяной меже
Не человека он несет, а душу.

И, позабыв о злобе и борьбе,
Я нежно помнил только о тебе,
Оставленной, живущей в мире светлом.
И глаз касалась узкая ладонь,
И вспыхивал и вздрагивал огонь,
И пену с волн на борт бросало ветром...

Клинком звенящим сердце обнажив,
Я, вздрагивая, понял, что я жив.
И мига в жизни не было чудесней.
Фонарь кидал, шатаясь, в волны — медь...
Я взял весло, мне захотелось петь,
И я запел... И ветер вторил песне.

О РОССИИ

Россия отошла, как пароход
От берега, от пристани отходит.
Печаль, как расстояние, растет.
Уж лиц не различить на пароходе.

Лишь взмах платка и лишь ответный взмах.
Басовое взывание сирены.
И вот корма. И за кормой — тесьма
Клубящейся, всё уносящей пены.

Сегодня мили и десятки миль,
А завтра сотни, тысячи — завеса.
И я печаль свою переломил,
Как лезвие. У самого эфеса.

Пойдемте же! Не возвратится вспять
Тяжелая ревущая громада.
Зачем рыдать и руки простирать?
Ни призывать, ни проклинать — не надо.

Но по ночам заветную строфу
Боюсь начать, изгнанием подрублен.
Упорно прорубающий тайфун,
Ты близок мне, гигант четырехтрубный!

Скрипят борта. Ни искры впереди.
С горы и в пропасть!.. Но, обувший уши
В наушники, не думает радист
Бросать сигнал: «Спасайте наши души!»

Я, как спортсмен, люблюсь на тебя
(Что проиграю — дуться не причина)
И думаю, по-новому любя:
«Петровская закваска... Молодчина!»

ФЛЕЙТА И БАРАБАН

У губ твоих, у рук твоих... У глаз,
В их погребах, в решетчатом их вырезе —
Сияние, молчание и мгла,
И эту мглу — о светочи! — не выразить.

У глаз твоих, у рук твоих... У губ,
Как императорское нетерпение,
На пурпуре, сияющем в снегу, —
Закристаллизовавшееся пение!

У губ твоих, у глаз твоих... У рук —
Они не шевельнулись, и осилили,
И вылились в согласную игру:
О лебеде, о Лидии и лилии!

На лыжах звука, но без языка,
Но шепотом, горя и в смертный час почти
Рыдает сумасшедший музыкант
О Лидии, о лилии и ласточке!

И только медно-красный барабан
В скольжении согласных не участвует,
И им аккомпанирует судьба:
— У рук твоих!
— У губ твоих!
— У глаз твоих!

В ЗАТОНУВШЕЙ СУБМАРИНЕ

Облик рабский, низколобый
Отрыгнет поэт, отринет:
Несгибаемые души
Не снижают свой полет.
Но поэтом быть попробуй
В затонувшей субмарине,
Где ладонь свою удушье
На уста твои кладет.

Где за стенкою железной
Тишина подводной ночи,
Где во тьме, такой бесшумной, —
Ни надежд, ни слез, ни вер,
Где рыданья бесполезны,
Где дыханье всё короче,
Где товарищ твой безумный
Поднимает револьвер.

Но прекрасно сердце наше,
Человеческое сердце:
Не подобие ли Бога
Повторил собой Адам?
В этот бред, в удушный кашель
(Словно водный свод разверзся)
Кто-то с ласковостью строгой
Слово силы кинет нам.

И не молния ли это:
Из надводных, поднебесных,
Над охваченных рассудком
Озаряющих глубин! —

Вот рождение поэта,
И оно всегда чудесно,
И под солнцем, и во мраке
Затонувших субмарин.

В ЗАКАТНЫЙ ЧАС

Сияет вечер благостностью кроткой.
Седой тальник. Бугор. И на бугре
Костер, и перевернутая лодка,
И чайник закипает на костре.

От комаров обороняясь дымом, —
Речь русская слышна издалика, —
Здесь на просторе этом нелюдимом
Ночуют три веселых рыбака.

Разложены рыбацкие доспехи,
Плащи, котомки брошены в ковыль,
И воткнутые удочки, как вехи,
И круговая булькает бутылъ.

И кажется, опять былое с нами.
Где это мы в вечерний этот час?
Быть может, вновь на Иртыше, на Каме,
Опять на милой родине сейчас?

Иль эта многоводная река
Былинный Волхов, древняя Ока?

Краса чужбины, горы, степи, реки,
Нам не уйти от родины вовеки,
И как бы вам ни виться, ни блистать,
Мы край родной всё будем вспоминать!

Но сладок ваш простор, покой, уют,
Вам наша благодарность за приют!

* * *

Уезжающий в Африку или
Улетающий на Целебес
Позабудет беззлобно бессилье
Оставляемых бледных небес.

Для любви, для борьбы, для сражений
Берегущий запасы души,
Вас обходит он без раздраженья,
Пресмыкающиеся ужи!

И когда загудевший пропеллер
Распылит расставания час,
Он, к высоким стремящийся целям,
Не оглянется даже на вас.

Я же не путешественник-янки,
Нахлобучивший пробковый шлем, —
На китайском моем полустанке
Даже ветер бессилен и нем!

Ни крыла, ни руля, ни кабины,
Ни солдатского даже коня,
И в простор лучезарно-глубинный
Только мужество вносит меня.

ХУНХУЗ

О жене и матери забыл,
Маузер прикладистый добыл
И, тугие плечи оголя,
Вышел за околицу, в поля.

Те же джунгли этот гаолян,
Только без озер и без полян.
Здесь на свист хунхуза — за версту
Свистом отзывается хунхуз.

Было много пищи и добра,
Были добрые маузера,
Но под осень, кочки оголя,
Сняли косы пышный гаолян.

Далеко до сопок и тайги,
Наседали сильные враги,
И горнист с серебряной трубой
Правильно развертывает бой.

И хунхуза, сдавшегося в плен,
Чьи-то руки подняли с колен,
Связанного бросили в тюрьму,
Отрубили голову ему.

И на длинной жерди голова
Не жива была и не мертва,
И над ней кружилось воронье:
Птицы ссорились из-за нее.

НАША ВЕСНА

Еще с Хингана ветер свеж,
Но остро в падах пахнет прелью,
И жизнерадостный мятеж
Дрозды затеяли над елью.

Шуршит вода и, точно медь,
По вечерам заката космы,
По вечерам ревет медведь
И сонно сплетничают сосны.

А в деревнях у детворы
Раскосой, с ленточками в косах,
Вновь по-весеннему остры
Глаза — кусающие осы.

У пожилых степенных манз
Идет беседа о посеве,
И свиньи черные у фанз
Ложатся мордами на север.

Земля ворчит, ворчит зерно,
Набухшее в ее утробе.
Все по утрам озарено
Сухую синевою с Гоби.

И скоро бык, маньчжурский бык,
Сбирая воронье и галочь,
Опустит смоляной кадык
Над пашней, чавкающей алчно.

ЮЛИ-ЮЛИ

Мне душно от зоркой боли,
От злости и коньяку...
Ну, ходя, поедем, что ли,
К серебряному маяку!

Ты бронзовый с синевою,
Ты с резкою тенью слит,
И молодо кормовое
Весло у тебя юлит.

А мне направляет глухо
Скрипицу мою беда,
И сердце натянет туго
Ритмические провода.

Но не о ком петь мне нежно,
Ни девушки, ни друзей, —
Вот разве о пене снежной,
О снежной ее стезе,

О море, таком прозрачном,
О ветре, который стих,
О стороже о маячном,
О пьяных ночах моих,

О маленьком сне, что тает,
Цепляясь крылом в пыли...
Ну, бронзовый мой китаец,
Юли же, юли-юли!..

В ПОЛНОЧЬ

От фонаря до фонаря — верста.
Как вымершая, улица пуста.
И я по ней, не верящий в зарю,
Иду и сам с собою говорю.
Да, говорю, пожалуй, пустяки,
Но все же получают стихи.

И голос мой, пугающий собак,
Вокруг меня лишь уплотняет мрак.
Нехорошо идти мне одному,
Седеющую взламывая тьму, —
Зачем ей человеческая речь,
А я боюсь и избегаю встреч.

Любая встреча — робость и обман.
Прохожий руку опустил в карман,
Отходит дальше, сгорблен и смущен,
Меня, бродяги, испугался он.
Взглянул угрюмо, отвернулся — и
Расходимся, как в море корабли.

Не бойся, глупый, не грабитель я,
Быть может, сам давно ограблен я,
Я пуст, как это темное шоссе,
Как полночь бездыханная, — как все!
Бреду один, болтая пустяки,
Но все же получают стихи.

И кто-нибудь стихи мои прочтет,
И родственное в них себе найдет:
Немало нас, *плетущихся* во тьму.
Но, впрочем, лирика тут ни к чему...
Дойти бы, поскорее дошагать
Мне до дому и с книгою — в кровать!

КАК НА РОССИЮ НЕПОХОЖЕ

Объятый дымкою лиловой,
Гор убегает караван.
Над ним — серебряноголовый
Прекрасный витязь Фудзи-сан.

И дышит все вокруг покоем,
Прозрачен воздух, как слюда!
А рядом с грохотом и воем
Летят, грохочут поезда.

И в небесах гудит пропеллер,
Но нежно женщины страны
Поют теперь, как прежде пели,
Святые песни старины.

И опускают томно вежды,
И улыбаются легко,
И красочные их одежды
Благоухают далеко.

На мотыльков они похожи,
На экзотичные цветы,
И возле них так странно ожил
Певучий, сладкий мир мечты!

И как хорош поклон их чинный,
Привет улыбок золотых,
Когда спокойные мужчины
Проходят гордо мимо них.

Спокойствие и сила веет
Из глаз мужских, упорных глаз...
Значенья полный, тяжелеет
Насыщенный вечерний час.

И месяц встал над тучей хмурой,
Примчавшейся издалека,
И точно в лепестках сакуры, —
Вся в блесках близкая река...

И парк ночью жизнью ожил,
Полночный час легко вошел...
Как на Россию непохоже,
Но как чудесно хорошо!

МОИМ СУДЬЯМ

Часто снится: я в обширном зале...
Слыша поступь тяжкую свою,
Я пройду, куда мне указали,
Сяду на позорную скамью.

Сяду, встану — много раз поднимут
Господа в мундирах за столом.
Все они с меня покровы снимут,
Буду я стоять в стыде нагом.

Сколько раз они меня заставят
Жизнь мою тряхти-перетряхать.
И уйдут. И одного оставят,
А потом, как червяка, раздавят
Тысячепудовым: «Расстрелять!»

Заторопит конвоир: «Не мешкай!»
Кто-нибудь вдогонку крикнет: «Гад!»
С никому не нужною усмешкой
Подниму свой непокорный взгляд.

А потом — томительные ночи
Обступившей непроломной тьмы,
Что длиннее, но и что короче
Их, рожденных сумраком тюрьмы.

К надписям предшественников имя
Я прибавлю горькое свое.
Сладостное: «Боже, помяни мя»
Выскоблит тупое острие.

Всё земное отожду, оставлю,
Стану сердцем сумрачно-суров

И, как зверь, почувствовавший травлю,
Вздрогну на залязгавший засов.

И без жалоб, судорог, молений,
Не взглянув на злые ваши лбы,
Я умру, прошедший все ступени,
Все обвалы наших поражений,
Но не убежавший от борьбы!

Сергей
БЕХТЕЕВ

КОНЬ КРАСНЫЙ

Как зверь из клетки вековой,
Народ наш выпущен на волю
И, словно дикий конь по полю,
Летит, подхлестнутый молвой.

Неукротим безумный бег
Коня строптивного, лихого,
На нем нет всадника былого,
С ним разделявшего ночлег.

Плывет взор его огнем,
Он рвется в даль, неукротимый;
Ему в степи необозримой
Конец и гибель — нипочем.

Топча серебряный ковыль,
Преграды грудью расшибая,
Он скачет, яростно вздымая
Клубами вьющуюся пыль.

Почуя вольности дурман,
Исполнен силы и отваги,
Чрез пни, болота и овраги
Он мчит, как грозный ураган.

Надулись ноздри, гневный рот
Оделся пеной белоснежной.
Не удержать уздой железной
Его неистовый полет.

Кто, страх понятный прочь гоня,
Безумца воли обуздает,
Кто, для спасенья, оседлает
Осатаневшего коня?

* * *

Русь горит! Плают зданья,
Гибнут храмы и дворцы,
Книги, мебель, изваянья,
Утварь, живопись, ларцы.

Гибнет долгих лет нажиток,
Плод тяжелого труда,
Недостаток и избыток,
Накопившийся года.

Злобный гений торжествует
Праздник крови и огня;
Он, смеясь, на пламя дует,
Волны красные гоня.

И клубясь и извиваясь,
Пляшут пляску языки,
К небу с свистом поднимаясь,
Гневны, грозны и дики.

Русь горит!.. И безвозвратно
Гибнут перлы красоты.
Так сбываются превратно
Вольнодумные мечты.

У КРЕСТА

Шумит народ, тупой и дикий,
Бунтует чернь. Как в оны дни,
Несутся яростные крики:
«Распни Его, Пилат, распни!
Распни за то, что Он смиренный,
За то, что кроток лик Его.
За то, что в благодати презренной
Он не обидел никого.
Взгляни — Ему ли править нами,
Ему ли, жалкому, карать!
Ему ли кроткими устами
Своим рабам повелевать!
Бессилен Он пред общей ложью,
Пред злобой, близкой нам всегда,
И ни за что к Его подножью
Мы не склонимся никогда!»
И зло свершилось! Им в угоду
Пилат оправдан и омыт,
И на посмешище народу
Царь оклеветан... и... убит!

Нависла мгла. Клубятся тени.
Молчат державные уста.
Склонись, Россия, на колени
К подножью Царского Креста!

КОНЕЦ РУССКОЙ БЫЛИНЫ

То не ветер в поле стонет,
То не вьюга горько плачет:
То народ себя хоронит.
Горе пляшет, горе скачет.

В грустном гуле перезвонов
Вдаль несутся панихиды
Бесконечных русских стонов,
Полных скорби и обиды.

Наша старшая Держава!
Пал Орел мечты славянской!
Пали наша честь и слава,
Вера Церкви Христианской.

Плещут стаи волн Босфора;
Блещет месяц на Софии;
Но в Стамбуле дверь собора
Вновь открыта для России.

В грязь затоптан бархат стягов;
В поле сечи — смолкли тризны;
И... опять мы ждем варягов
Для измученной отчизны.

МОЛИТВА

*Посвящается
Их Императорским Величествам
Великим Княжнам Ольге Николаевне
и Татьяне Николаевне*

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья,
Христос, Спаситель, помоги!

Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, смертный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов!

РУССКАЯ ГОЛГОФА

Сбылось предсказанье Мессии,
И «тьма» пересилила «свет»!
Явился Антихрист в России —
Кровавый тиран Бафомет.
Крамолой все царство объято,
Нет буйствам и распрям конца;
Брат поднял десницу на брата,
Сын поднял свой меч на отца.
И режутся русские люди,
И бьются два стана врагов;
От слез надрываются груди
У сирот-малюток и вдов.
Но дьявол не спит и не дремлет,
Он полон коварства и зол,
На Церкви он руку подьмет,
И рушится Божий престол.
Справляют свой праздник злодеи,
Сжигая культуру в огне,
И новый удар иудеи
Готовят Христовой стране.
Народ обратился в лагуну,
Он прет из далекой глуши.
Китаец спасает коммуны,
Пируют в Кремле латыши.
Трепещут от стонов застенки,
За пытку пытка спешит,
И выкрик неистовый: «К стенке!»
Из дьявольской пасти звучит.
Ликует Антихрист-Иуда,
Довольный успехом побед.
Свершилось вселенское чудо,
И царства христианского — нет!

Гремит сатана батогами
И в пляске над грудой гробов
Кровавой звездой и рогами
Своих награждает рабов.
И воинство с красной звездой
Приняв роковую печать,
К кресту пригвождает с хулою
Несчастную Родину-Мать!

ЦАРСКИЙ ЗВОНАРЬ

В колокол вещей ударил, как встарь,
Ночью Пасхальною царский звонарь.
Звоны торжественно в дали плывут,
Будят заснувших и громко зовут:
«Встань, поднимись, православный народ,
Кончился срок твоих горьких невзгод,
Кончились пытки гонимых рабов,
Нет больше казней, темниц и гробов.
Мы — благовестники дивных чудес,
Царь твой от смерти для жизни воскрес,
Ныне к тебе Он во славе грядет,
Богом наказанный, сирий народ.
Внял твой Господь покаянным мольбам;
Встань, поднимись и воскресни ты сам,
Слезы страданий и скорби отри —
Близится время Христовой зари!»

Гулко несется заутренний звон,
Будит упрямо заспавшихся он,
Но, погруженный в тревоги забот,
Спит непробудно плененный народ.
Спит наша Русь, отгоняя сквозь сон
В двери стучащийся радостный звон,
Вновь неспособная сердцем принять
Мира и веры былой благодать.
Редко во мраке блестят огоньки —
Это все те, кто к воскресшим близки.
Свечи затеплив, на Пасху Царя
Бодро идут они, верой горя.

ВРАЖЬИ СИЛЫ

Не ищите спасенья в оружьи людском
От гоненья, оков и тюрьмы.
Грозный бой наш ведем мы с незримым врагом,
С диким полчищем злобы и тьмы.
Оттого в этот страшный, томительный час
Так мучительна тяжесть креста,
Что весь ад сатаны ополчился на нас
За служенье заветам Христа.
Оттого мы и в мире страдаем одни,
Что бесовская грозная рать
Отомщает России за светлые дни,
За былую ее благодать.
Отомщает за веру горячих молитв,
За трезвон златоглавых церквей,
За борьбу бескорыстную жертвенных битв,
За премудрость и кротость Царей.

МАТЬ

Во имя безумной идеи «свобод»
В крови задыхается русский народ,
Бессильный сорвать свои путы,
Бессильный злодеев из царства изгнать,
Бессильный за правое дело восстать
В години невиданной смуты.

Деля меж собою по вкусу жранье,
Над падалью громко кричит воронье,
Справляя свой праздник кровавый.
Слетаются гости на радостный пир,
В Россию их шлет за поживою мир
Для хищной, бесстыдной забавы.

Под алчные крики, насмешки и гам
С торгов достаются «друзьям» и врагам
Клочки оскверненного тела.
Железные клювы клюют и клюют,
Когтистые лапы безудержно рвут,
Работая нагло и смело!..

О, люди! О, братья! Забудем раздор!
Ведь тризна злодеев — наш русский позор,
Глумленье над трупом любимым.
Пора помириться! Довольно молчать!
Ведь это же нашу несчастную Мать
Насилуют в доме родимом!

МОЯ ВЕРА

Народ мой великий не должен, не может
Бесовское рабство влачить,
Он все одолеет, он все превозможет,
Сумеет себя воскресить.
Он встанет из праха, воскреснет из тленья
С очищенной скорбью душой,
Познавший обиды и ужас паденья
В пучине крамолы людской.
Ведомый ко благу Господней десницей
Сквозь дебри житейских невзгод,
Он встанет, как Лазарь, из смрадной гробницы,
И к Божьим стопам припадет.

Я ТВЕРДО ВЕРЮ

Я твердо верю — день настанет,
Пройдет пора кровавых смут,
И перед нами в вечность канет
Слепой и дикий самосуд.

Я твердо верю — близко время,
Когда обманутый народ
Стряхнет мучительное бремя
Всех преступлений и невзгод.

Я твердо верю — Русь Святая,
Как феникс, встанет из огня,
И вновь воскреснет жизнь былая
В лучах блистательного дня.

УТРО РОССИИ

Довольно насмешек, довольно обид,
Предательской лжи и обмана!
Проснись, всенародный запятнанный стыд!
Пусть Божия правда опять озарит
Потемки земного тумана!

Крамольная сила, рассейся, уйди!
Смирись, окаянное племя!
Надежда проснулась в усталой груди,
И очи мои лицезрят впереди
Грядущее, светлое время.

Безумство уляжется, горе пройдет,
Рассеются скорби и муки,
И вновь возрожденный, счастливый народ,
Увидев желанного Солнца восход,
Протянет к Нему свои руки.

Тогда, о, тогда мне не жаль умереть.
Жила бы лишь правда в народе.
На песни мои вам оков не надеть,
Я буду и мертвый восторженно петь
О Боге, Царе и свободе!..

ЦАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ

В дни нашей скорби безнадежной,
В дни общей слабости людской
Твой Образ девственный и нежный
Влечет нас прелестью былой;
Влечет лучистыми глазами
С их неподдельной добротой,
Влечет небесными чертами,
Влечет нездешней красотой.
И забываются ошибки
И скорбь, терзающая нас,
При виде царственной улыбки
Твоих невинных, детских глаз.
И сердцу кажутся ничтожны
Все наши праздные мечты,
И страх корыстный и тревожный,
И голос мелкой нищеты.
И в эти сладкие мгновенья
Пред обновленною душой
Встает, как светлое виденье,
Твой Образ чистый и святой.

ЦАРЕУБИЙЦЫ

Кровь Его на нас и на детях наших.

Мф. 27. 25

Был темен, мрачен бор сосновый;
Трещал костер; огонь пылал,
И в мраке свет его багровый
Злодеев лица озарял.
В зловещем сумраке тумана,
От мира спящего вдали
Рабы насилия и обмана
Тела истерзанные жгли.
Вперялись в тьму злодеев очи,
В немом предчувствии беды
Спешил убийца в мраке ночи
Стереть кровавые следы.
Не дрогнула рука злодея,
Не возмутился он душой,
И пали в славу иудея
Отец и Отрок дорогой.
Во всей Руси благословенной
Не отыскалось никого,
Чтоб удержать удар презренный
В тот миг, направленный в Него.
И умер Он, как был, великий,
Державно кроткий, всеблагой
Перед глазами банды дикой,
Кипевшей местию и враждой.
Пучина гнусных злодеяний
Была бессильна осквернить
Минуты царственных страданий
И слез, которых не забыть.
Одни, с молитвами своими,
С великой правдой на челе

Они ушли от нас святыми,
Как жили с нами на земле.
Пройдут века, ночные тени
Разгонит светлая заря,
И мы склонимся на колени
К ногам Державного Царя.
Забудет Русь свои печали,
Кровавых распрей времена;
Но сохранят веков скрижали
Святых Страдальцев Имена.
На месте том, где люди злые
Сжигали Тех, Кто святы нам,
Поднимет главы золотые
Победоносный Божий Храм.
И Русь с небес благословляя,
Восстанет Образ неземной
Царя-Страдальца Николая
С Его замученной Семейей.

ЗА ЧТО?

Нам, русским, послан Крест тяжелый,
И мы должны его влачить
За грех чудовищной крамолы,
За то, что не хотели чтить
В своей бессовестной гордыне,
Как непокорные сыны,
Нам Богом данные святыни
Благой и мудрой старины.
За то, что нехристям в угоду
Преступный замысел творя,
Себе мы прочили свободу
И свергли Ангела-Царя.
И тем, покрыв себя позором,
Дерзнули клятву осквернить,
За всех нас данную Собором, —
Вовек Романовым служить.
И вот за этот грех великий
Страдаем всюду мы теперь,
И Русью правит деспот дикий,
Бесчеловечный, лютый зверь.
И долго будем мы томиться
Под нам ниспосланным Крестом,
Пока в душе не совершится
У нас великий перелом,
Пока от зол мы не очнемся,
И, приведя наш бунт к концу,
К Царю мы, каясь, не вернемся,
Как дети блудные к Отцу.

БЛАГОВЕСТ

Из глаз бегут от счастья слезы —
Ты жив, Пресветлый Государь,
Сбылись несбыточные грезы
И спас Тебя Небесный Царь.
Всевышним Промыслом хранимый,
На страх и трепет всем врагам
Ты воссиял опять, Любимый,
Во славу и на радость нам.
Блюдя Тебя всезрящим взором,
Царица Неба в годы смут
Своим Пречистым омофором
Тебя сокрыла от иуд.
И, укрепив духовной силой,
В дни самосудов, зверств и зла
Над преждевременной могилой
Стезей чудесной провела.
И в сердце веры нет обману,
И, славя Господа Христа,
Опять поют Тебе «Осанну»
Мои счастливые уста.
Несись же благовест веселый,
Струись пасхальный, вещий звон,
Зовя поля, леса и доли
К Царю Святому на поклон.

НЕМНОГИМ

Блажен, кто в дни борьбы правды ради,
яко тех есть Царство Небесное.

Мф. V. 10

Блажен, кто в дни борьбы мятежной,
В дни общей мерзости людской,
Остался с чистой, белоснежной,
Неопороченной душой.

Блажен, кто в годы преступлений,
Храня священный идеал,
От повседневных искушений
Умом и сердцем устоял.

Блажен, кто, вписывая повесть
В скрижали четкие веков,
Сберег, как девственница, совесть
И веру дедов-стариков.

Блажен, кто Родину не предал,
Кто на Царя не восставал,
Кто чашу мук и слез изведаль,
Но малодушно не роптал.

РОССИЯ

Была Державная Россия,
Была великая страна
С народом мощным, как стихия,
Непобедимым, как волна.
Но под напором черни дикой,
Пред ложным призраком «свобод»
Не стало Родины великой,
Распался скованный народ.
В клочки разорвана порфира,
Растоптан царственный венец,
И смотрят все державы мира,
О, Русь, на жалкий твой конец.
Когда-то властная Царица,
Гроза и страх своих врагов,
Теперь ты жалкая блудница,
Раба, прислужница рабов!
В убогом рубище, нагая,
Моля о хлебе пред толпой,
Стоишь ты, наша Мать родная,
В углу с протянутой рукой.
Да будут прокляты потомством
Сыны, дерзнувшие предать
С таким преступным вероломством
Свою беспомощную Мать!

МОЙ НАРОД

Среди скорбей, среди невзгод
Всегда я помню мой народ;
Не тот народ, что ближним мстит,
Громит, кощунствует, хулит,
Сквернит святыни, нагло лжет,
Льет кровь, насилует и жжет,
Но тот народ — святой народ,
Что крест безропотно несет,
В душе печаль свою таит,
Скорбит, страдает и молчит,
Народ, которого уста
Взывают к милости Христа
И шепчут с крестного пути:
«Помилуй, Господи, прости!..»

СВОБОДА

Желанное, светлое слово — «свобода»,
Прекраснейший лозунг на вид,
В устах иступленного зверя-народа
Преступной насмешкой звучит.

Свобода — темница! Свобода — оковы!
Свобода — законный грабеж!
Свобода — венец, как и прежде терновый!
Какая ужасная ложь!

ВЕЛИКИЙ ХАМ

Он идет, великий Хам,
многорукий, многоногий,
Многоглазый, но безбогий,
Беззаконный, чуждый нам.

Слышим, слышим — это он
С грубой наглостью смеется;
Это он галдит, плюется
И смердит со всех сторон.

Посмотри — он на глазах
Топчет розы, рушит зданья,
Вековые изваянья
Повергая дерзко в прах.

Видишь — он уж здесь и там,
Возле нас и вместе с нами;
Мы стоим пред ним рабами,
Шепчем: «Сжался, грозный Хам».

«Шапки к черту предо мной!
Я пришел, стихийно-дикий!
Я — ваш царь, я — Хам великий,
Вам ниспосланный судьбой.

В красной пляске круговой
Храмы я, смеясь, разрушу;
Вырву сердце, вырву душу
У живущих головой.

Я заставлю пред собой
Колебаться в страхе троны;

Я к ногам своим короны
Брошу с дьявольской хулой.

Позабудьте навсегда
Знания, роскошь и искусства:
Я вам дам иные чувства,
Чувства, чуждые стыда.

Так иди ж на общий пир,
Зверь стобрюхий, многоликий!
Я — ваш царь, я — Хам великий;
Я сотру культурный мир!..»

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ

Тяжелое время всеобщей разрухи,
Как туча, нависло в стране;
И образ ужасный кровавой старухи
Повсюду мерещится мне.
Костлявая тень с сатанинской улыбкой
По градам и весям ползет
И, нагло глумясь над народной ошибкой,
К свободе проклятой зовет:
«Вставай, поднимайся, рабочая сила!
Кинжалы и косы востри!
Я долго боролась, но я победила,
И пали в России Цари!
Проснись, раскачайся, народ сиволапый,
Я черный вам дам передел.
Удвойте, утройте мужичьи нахрапы,
Делите господский надел.
Не бойтесь возмездья, не бойтесь расплаты,
Спешите за мной, удальцы!
Мозолистой дланью громите палаты,
Сжигайте дома и дворцы!..»
Пылает кровавое зарево неба,
Пылают усадьбы подряд,
Пылают навалы свезенного хлеба —
И красные галки летят.
Ликует и пляшет с народом старуха
Под грозный, погромный набат;
Мила ей всеобщая наша разруха,
Наш общий, смертельный разлад.
Гремят и несутся хулы и проклятья,
Чернь празднует вольную новь,
И в пьяном неистовстве режутся братья,
И льется крестьянская кровь!

ЗВОНАРЬ

Грозно удары гудят и гудят,
Колокол плачет и стонет;
Пьяный народ под зловещий набат
Совість навеки хоронит.

Дергает веревье страшный звонарь
С злобой и яростью пьяной;
В зареве красном зловонная гарь
Носится в дымке туманной.

Громко скликает гудящая медь
Чернь на кровавое вече.
Рвется на волю двуногий медведь,
Падая кубарем с печи.

Рушатся кровли церквей и палат,
Падают в парке березы;
Эхом звериным далёко звучат
Вопли, хулы и угрозы.

Челядь под крики и звон топоров
Празднует праздник свободы,
С песнями пляшут у ярких костров
Диких людей хороводы.

Льется сивуха; ликует разврат;
Боги летят с пьедесталов;
Зычно скликает погромный набат
К падали красных шакалов.

Шапка упала к ногам звонаря;
Ждать, мол, осталось немного:

Выкинул он из России Царя,
Выкинет, кстати, и Бога.

Грозно удары гудят и гудят,
Колокол плачет и стонет;
Пьяный народ под зловещий набат
Совесьть навеки хоронит.

К РЫЦАРЯМ БЕЗ СТРАХА И УПРЕКА

Бьет наш последний, двенадцатый час!
Слышите голос, сзывающий нас,
Голос забытый, но голос родной,
Близкий, знакомый и нам дорогой.
Слышите вы этот властный призыв
Слиться в единый, могучий порыв,
В грозную тучу крылатых орлов,
Страшных для наших исконных врагов.
Рыцари чести и долга, вперед!
Гибнет отечество, гибнет народ,
Стонет под гнетом родная земля,
Стонут и плачут леса и поля!
Время не терпит, страданье не ждет,
Вождь Венценосный вас громко зовет
В даль роковую, кровавую даль,
Где притаилась людская печаль...
Взденьте кольчуги, возьмите булат,
Крест начертите на золоте лат.
К битве священной готовясь скорей,
Смело седлайте ретивых коней!
Время не терпит, страданье не ждет,
Гибнет отечество, гибнет народ,
Гибнут святыни родных очагов
В яростном стане кровавых врагов.
Рыцари чести и долга, вперед!
Голос Державный нас снова зовет
В грозный, великий Крестовый поход.
Рыцари чести и долга — вперед!

ВЕРНОПОДДАННЫМ

Не унывай, не падай духом:
Господь рассеет царство тьмы,
И вновь прилежным, чутким слухом
Наш русский гимн услышим мы.

И снова наш Отец Державный
На прародительский Свой трон
Взойдет, как встарь, Самодержавный,
Сынов сзывая на поклон.

И в жалком рубище, нагая,
К стопам великого Царя
Падет в слезах страна родная,
Стыдом раскаянья горя!

И скажет Царь, в уста лобзая
Свою предательницу-дочь:
«Я все простил тебе, родная,
И Сам пришел тебе помочь.

Не плачь, забудь былые ковы;
С тобой я буду до конца
Нести твой крест, твои оковы
И скорбь тернового венца!»

БОЖЕ, ЦАРЯ СОХРАНИ

Боже, Царя сохрани
В ссылке, в изгнание, вдали,
Боже, продли Его дни,
Боже, продли!

Дай Ему силы сносить
Холод и голод тюрьмы;
Дай Ему власть победить
Полчища тьмы!

Да не утратит Он Сам
Веру в мятежный народ;
Да воссияет Он Нам
В мраке невзгод.

Боже, спаси, сохрани
Мать и невинных Детей!
Дай Им счастливые дни
В царстве цепей!

Пусть пред иконой Твоей
Тихой, вечерней порой
В блеске лампадных огней
Вкусят страдальцы покой.

Белый, великий наш Царь,
Сирий народ не оставь;
Снова Россией, как встарь,
С славою правь!

Гнусность измены прости
Темной, преступной стране;

Буйную Русь возврати
К милой, родной старине...

Крестное знамя творя,
Молит истерзанный край:
«Боже, отдай нам Царя,
Боже, отдай!»

СВЯТАЯ НОЧЬ

Ночь и мороз на дворе;
Ярко созвездья горят;
В зимнем седом серебре
Молча деревья стоят.
Дивен их снежный убор:
Искр переливчатый рой
Радует трепетный взор
Дивной стоцветной игрой.
Блещут в Тобольске огни,
В мраке сверкая, дрожат;
Здесь в заточенье Они
Скорбью Монаршей скорбят.
Здесь, далеко от людей,
Лживых и рабских сердец,
В страхе за милых Детей,
Спит их Державный Отец.
Искрятся звезды, горя,
К окнам изгнанников льнут,
Смотрят на ложе Царя,
Смотрят и тихо поют:
«Спи, Страстотерпец Святой
С кротким Семейством Своим;
Ярким венцом над Тобой
Мы величаю горим.
Спи, покоряясь судьбе,
Царь побежденной страны;
Ночь да откроет Тебе
Вещие, светлые сны.
Спи без тревог на челе
В тихую ночь Рождества:
Мы возвещаем земле
Дни Твоего торжества.

Свечки ангельских слез
Льются, о правде скорбя;
Кроткий Младенец Христос
Сам охраняет Тебя!»

ВЕНЦЕНОСЕЦ

Он мне грезится всюду, венчаный Изгнанник,
Осененный терновым венцом,
Неповинный Страдалец, небесный Избранник
С величавым и кротким лицом.

Изнывает ли сердце под гнетом страданий,
Грудь ли жметя от думы больной —
И в юдоли скорбей, и в борьбе испытаний
Он везде и всегда предо мной.

И мне чудится — слышу я голос любимый,
Слышу милую, нежную речь;
И, тоскуя в изгнанье, всем миром гонимый,
Я спешу свое горе пресечь.

И слагаются накрест усталые руки,
Замолкает мой ропот пустой;
И встают предо мной Его горькие муки,
Его крест, Его подвиг святой.

О, мой Царь; унижённый злодеям в угоду,
Всеми преданный в годы войны,
Ты погиб за любовь к дорогому народу,
За величье и славу страны.

О, гляди на меня всеблагими очами,
Будь всегда и повсюду со мной,
Пробуждая в душе неземными речами
Веру в правду и подвиг земной.

СВЯТАЯ РУСЬ

Где ты, кроткая, православная,
Наша матушка Русь широкая,
Меж сестер славян сестра главная,
Светлокудрая, синеокая?
У тебя ли нет голубых морей,
Вековых лесов, поднебесных гор,
У тебя ли нет тучных нив-степей,
Городов и сел, веселящих взор?
Что ж стоишь в углу, пригорюнилась,
В жалком рубище, Русь державная,
Бровью черною принахмурилась,
Обнищавшая и бесславная?
Нет парчи цветной на твоих плечах,
Нет венца Царей на твоём челе,
Грусть-тоска глядят у тебя в очах,
Сор-бурьян порос на твоей земле.
И вещает Русь, Русь убогая:
«Люди добрые, чужестранные,
Велика моя скорбь, и много я
Претерпела мук в дни желанные!
Изменила я Царю-Батюшке,
На гульбу пошла, врагом званная,
Я поверила воле-татюшке,
Продалась жиду, окаянная!
Обобрал меня душегубец-враг,
Истерзал мое тело белое,
Опоганил он мой родной очаг,
Загубил мое войско смелое.
Смолкла песня моя, песня вольная,
В дни кровавые, непогожие;
Не зовет молва колокольная
Люд молитвенный в Церкви Божии.

Вы скажите мне, где идти-искать
Отца родного, Царя русского?
Истрадалась я во крови плясать,
Под приказ-указ жида прусского.
И когда б Господь умудрил меня
Отыскать мое Солнце Красное,
Я б пошла к Нему чрез моря огня,
Чтоб узреть Его лицо ясное.
И упала б я у Царя в ногах,
Перед ним склоняюсь сирым колосом,
И с святой мольбой и слезой в очах
Говорила б я горьким голосом:
Прости, Батюшка, прости родненький,
Дочь распутную, дочь разгульную,
За вину мою, грех мой подленький,
Да за речь мою богохульную.
В мятежах-боях я измаялась,
Наказал Господь меня, пленницу,
Во грехах своих я покаялась,
Прости, Батюшка, дочь-изменницу!»

ЦАРСКИМ ОРЛАМ

Спите, родные герои
Славных, великих боев!
К вам в гробовые покои
Доступа нет для врагов.
Полные грозной отваги,
В сечах кровавой войны
Долгу священной присяги
Все вы остались верны.
Вы от врагов не бежали,
Не торговались в бою,
Вы продавать не дерзали
Мать-отчизну свою.
В муках вы молча сносили
Холод, и голод, и зной,
Родине честно служили
Вы небывалой войной.
Вас не пытали шпионы,
Тесно смыкаясь в кольцо;
С вас не срывали погоны,
Вам не плевали в лицо.
Чернь не глумилась над вами,
Вам не грозили бичи,
Тела не рвали штыками
Наши рабы-палачи...
Спите в далекой чужбине,
Смелые братья-борцы;
Лавры победные ныне
Вам суждены, храбрецы!
Ваши заветы святы
С вами навек не умрут.
Ваши дела боевые
Новых бойцов соберут.

Вновь разовьются знамена,
Смоется плесень обид,
Снова заблещут погоны,
Царственный гимн загремит.
Дружной семьей соберутся
Новые стаи орлов,
К грозной борьбе встрепенутся
В гуле победных громов.
Спите, герои-солдаты,
Спи, богатырь-офицер;
Русскому войску богатый
Вы показали пример!
Вас не осудит кто-либо,
Враг вас добром помянёт,
Скажет вам «Братцы, спасибо»
Русский прозревший народ.
Спите в таинственных сениях
Сном горделивым орлов.
Честная Русь на коленях
Плачет у ваших гробов...

ВИДЕНЬЕ ДИВЕЕВСКОЙ СТАРИЦЫ*(ЗИМА ЛИХОЛЕТИЙ 1917 ГОДА)*

Зимняя ночь и трескучий мороз на дворе;
Ели и сосны безмолвно стоят в серебре.
Тихо, безлюдно, ни звука не слышно кругом;
Бор вековой позабылся таинственным сном.
В сизом тумане над белой поляной одна
Робко, как призрак, скользит золотая луна —
Блещет огнями на рыхлых алмазных снегах,
Ярко играя на скитских червонных крестах.
Мирно обитель в сугробах навеянных спит,
Только вдали огонек одинокий блестит.
В келье сосновой, окутанной трепетной мглой,
Жарко лампада горит пред иконой Святой.
Пламя, мерцаая, то гаснет, то, вспыхнув, дрожит.
Старица Ксения на Образ с любовью глядит.
Катятся слезы из стареньких, слепеньких глаз;
Шепчут уста: «О, Господь, заступись Ты за нас!
Гибнет Россия; крамола по царству растет;
Мучит нечистый простой православный народ.
Кровь обагрила родные леса и поля,
Плачет и стонет кормилица наша земля.
Сжался, Спаситель, над темной безумной страной,
Души смири, распаленные долгой войной.
Русь Православная гибнет, на радость врагам.
Сжался, Господь, не карай нас по нашим грехам.
Боже великий, создавший и твердь и моря,
К нам снизойди и верни нам родного Царя!..»
Зимняя ночь и трескучий мороз на дворе;
Ели и сосны безмолвно стоят в серебре.
Тихо, безлюдно, ни звука не слышно кругом;
Бор вековой позабылся таинственным сном.

Жарко лампада горит пред иконой Святой.
Старица смотрит — и видит Христа пред собой.
Скорбные очи с любовью глядят на нее,
Словно хотят успокоить, утешить ее.
Нежно сказать: «Не печалься, убогая дочь,
Духом не падай, надейся, молися и верь».
Робко лампада, мерцающая, во мраке, горит.
Старица скорбно во мглу, в безнадежность глядит.
Смотрит — и видит, молитву честную творя,
Рядом с Христом Самого Страстотерпца Царя.
Лик Его скорбен, печаль на державном Лице;
Вместо короны стоит Он в терновом венце;
Капли кровавые тихо спадают с чела;
Дума глубокая в складках бровей залегла.
Смотрит отшельница, смотрит, и чудится ей —
В Облик единый сливаются в бездне теней
Образ Господень и Образ Страдальца-Царя...
Молятся Ксения, смиренною верой горя:
«Боже великий, единый, безгрешный, святой,
Сущность виденья рабе бесталанной открой;
Ум просветли, чтоб могла я душою понять
Воли Твоей недоступную мне благодать...»
Зимняя ночь и трескучий мороз на дворе;
Ели и сосны безмолвно стоят в серебре.
Тихо, безлюдно, ни звука не слышно кругом;
Бор вековой позабылся таинственным сном.
Жарко лампада пред образом Спаса горит;
Старица Ксения во мглу, в беспредельность глядит.
Видит она — лучезарный, нездешний чертог;
В храмине стол установлен, стоит поперек;
Яства и чаши для званых рядами стоят;
Вместе с Иисусом Двенадцать за брашной сидят.
И за столом, ближе всех, одесную Его
Видит она Николая, Царя своего.
Кроток и светел Его торжествующий Лик,
Будто Он счастье желанное сердцем постиг,
Будто открылись Его светозарным очам
Тайны, незримые нашим греховным глазам.
Блещет в алмазах Его драгоценный венец;
С плеч ниспадает порфиры червлёный багрец;
Светел, как солнце, державный, ликующий взор —
Ясен, безбрежен, как неба лазурный простор.

Падают слезы из стареньких, слепеньких глаз:
«Батюшка Царь, помолись Ты, Кормилец, за нас!» —
Шепчет старушка, и тихо разверзлись уста,
Слышится слово, заветное слово Христа:
«Дщерь, не печалься; Царя твоего, возлюбя,
Первым поставлю я в Царстве Святых у Себя!»
Зимняя ночь и трескучий мороз на дворе;
Ели и сосны безмолвно стоят в серебре.
Тихо, безлюдно, ни звука не слышно кругом;
Бор вековой позабылся таинственным сном.

КОЛОКОЛ

Колокол грянул, и медные звуки
Полные скорби, рыданий и муки,
Льются в кровавую даль,
В даль, где пылает отчизна святая,
В даль, где под игом от края до края
Стонут нужда и печаль.
Зычно рыдает металл благородный,
Честь пробуждая в стихии народной
Песней призывной своей.
Слышишь ли, Русь, эти вестие звоны,
Эти предсмертные русские стоны,
Вопли казнимых людей?
Встань! Поднимись величаво и грозно,
Сбрось с себя цепи, покуда не поздно,
Двери острогов открой.
И, обновленная в муках неволи,
Выйди навстречу сознательной воли,
С чистой воскресшей душой.

ДВУГЛАВЫЙ ОРЕЛ

На бой последний, бой кровавый
За честь и счастье всех племен
Зовет бойцов Орел Двуглавый
Под сени Царственных знамен.

Туда, где годы рушат веки,
Где бродит смерть среди степей,
Где льются огненные реки
В кровавом скрежете цепей.

Все ближе, ближе день великий!
И под немолчный звон церковей
В священный гимн сольются клики
Поднявших меч богатырей.

Воспрянь, ликуй, душа героя!
Пришла пора скорбей и зол.
Тебя зовет на праздник боя
Наш старый Царственный Орел.

Вперед! Победными стопами
Молитву жаркую творя,
Вперед — с заветными словами:
«За Русь, за Веру, за Царя!»

Воспрянь, народная стихия!
Проснись, угасший дух веков,
Стряхни, свободная Россия,
Вериги каторжных оков!

Сердца и мысли окрыляя,
Нас поведет в последний бой,

Очами грозными сверкая,
Герой с увенчанной главой.

И не сдержат волны народной
Ее испуганным врагам.
Россия будет вновь свободной,
И мир падет к ее ногам.

Уж близок день, не за горами
Давно желанная пора.
И грозно грянет над войсками
Родное русское «ура!»

ОН ЖИВ!

Не верьте голосу молвы разноречивой,
Коварной лжи исчадья сатаны.
Он жив! Он жив, наш Царь Благочестивый,
Державный Вождь поруганной страны!

Пред Ним бессильны ярость и угрозы:
Владыка смерти, жизни и судьбы
На небе зрит земные наши слезы
И слышит жалкие народные мольбы.

Так верьте ж все в премудрость Провиденья,
Господь хранит невидимо Его.
Оставьте мрачные и горькие сомненья:
Он жив! Он жив! Молитесь за Него!

СВЕТОЧИ НЕУГАСИМЫЕ

Когда, отрезвев от дурмана свобод,
За труд безмятежный возьмется народ
И станет на пепле развала
Прошедшее строить сначала,
Тогда из далеких и ближних концов
Поднимутся толпы родных мертвецов
И сонмом бесплотных видений
Пройдут над юдолью мучений.
И светом Христовым весь мир озаря,
Воскреснет сияющий Образ Царя,
Царицы с Семьею державной
И Отрок страны православной.
Царевны святые в лучистых венцах,
Целящие взорами муки в сердцах,
И горсть Их друзей неизменных,
С Царем и Детьми убиенных.
Восстанут Святители светлой толпой,
Блестя одеждой своей золотой,
Погибшие в годы гонений
От долгих и лютых мучений.
Откроются недра безвестных могил
И юноши дивные, полные сил
Воспрянут в морозном тумане
На месте их жертвенной брани.
И море разверзнет холодную грудь,
И выйдут из бездны в торжественный путь,
Покинув морские покои,
Родимые наши герои.
И много сберется теней без числа,
Погибших в години безумья и зла
В чаду лихолетий кровавых
От дьявольских козней лукавых.

И будут их образы нас озарять
И подвигом крестным манить и пленять.
И будем мы плакать с мольбами
Над Их дорогими гробами.

СВЯТОЙ ЦАРЬ

Скажу я по долгу, скажу я по праву,
Да ведает русский народ:
Я видел России величье и славу,
Державного солнца восход.
Я видел святого Царя на престоле,
Обласкан радушно Им был,
В дни сказочной жизни, в дни истинной воли
Сыновне я с Ним говорил.
И очи царицы любовно глядели,
И голос монарший звучал,
Как песня волшебная нежной свирели,
Как сладостно плещущий вал.
Красы той небесной, красоты той чудесной
Нельзя на словах передать,
Казалось, что Ангел улыбкой небесной
Дарил мне свою благодать.
И эти глаза с величавым смиреньем,
И кроткие эти уста —
Казались прекрасным, живым отраженьем
Пречистого лика Христа.
И Царственный образ в оправе священной
С тех пор не могу я забыть,
И буду Его я, как клад драгоценный,
Всю жизнь в моем сердце хранить.

ОФИЦЕР

Его вели убийцы на расстрел,
Толпа безгласная пугливо расступалась,
Но на нее спокойно он смотрел,
И сердце гордое его не волновалось.
Привык он смерть с отвагою встречать
На гибельных полях неумолимой битвы,
Когда уста торопятся шептать
Последние слова напутственной молитвы.
Никто не смел приблизиться к нему,
Все от него, как от чумы, бежали,
И даже взглядами трусливыми ему
Сочувствия в беде не выражали.
Всех устрашал его господский вид,
Его фигура в одеянье сером,
И каждый знал, что власть его казнит
За то, что был он царским офицером,
За то, что Родину он грудью защищал,
Что за паек скупой не торговался,
Что он часов рабочих не считал,
С врагами Родины постыдно не братался.
За то, что был он русским до конца,
Безропотно неся лишенья и кручину,
За то, что не сменил он честного лица
На красную разбойничью личину.

НАШЕ ЦАРСТВО

Наше Царство теперь
Не от мира сего.
У нас отнято все,
У нас нет ничего.
Нет ни пяди земли,
Нет роскошных палат,
Нет богатств родовых,
Услаждавших наш взгляд.
Все повержено в прах,
Все затоптано в грязь,
И порвалась навек
С жизнью прошлою связь.
Разлетелись, как дым,
Идеалов мечты,
Нет стремлений былых,
Нет былой красоты.
По насмешке шальной
Беспощадной судьбы —
Мы невольники бед,
Лиходеев рабы.
И в изгнанье томясь,
Под жестоким крестом,
В край нездешний идем
Мы во след за Христом.

КРАСНОЕ ЗНАМЯ

Деньги и революция начертаны на
скрижалях этого презренного народа!

Веспасиан

Кровавое знамя! Крамольное знамя!
Эмблема разбойничьих грез!
В тебе сочеталось погромное пламя
С пучиной страданий и слез.

Тобой обманули лжецы-иудеи
Доверчивый ум христиан,
Назвав преступленье триумфом идеи
И правдой — коварный обман.

С тех пор под кровавой эгидой твоею
Рабочий, мужик и солдат
Шли братской войною, на радость еврею,
На пышные зданья палат.

И рушились в бездну великие троны,
И чернь, проклиная Христа,
Срывала порфиры, топтала короны,
Глумясь над святыней креста.

Миры преклонялись пред дьявольской силой,
И жизнь приносила ей дань;
И нагло алела над братской могилой
Кровавая, красная ткань.

Свершали преступное дело злодеи,
Сбывалась Иуды мечта.
Так мстили и мстят христианам евреи
За веру в ученье Христа.

Идут и проходят века за веками,
Враждует с народом народ,
И кровь христианская льется реками
За призрак сионских свобод.

И старых кумиров свалив с пьедестала
И капищем сделав свой храм,
Все золото мира рабами Ваала
Сдается еврейским ворам.

Проклятое знамя! Кровавое знамя!
Эмблема страданий и слез!
В тебе сочеталось погромное пламя
С коварством разбойничьих грез!

КРЕСТЫ

*(Чудо с обновлением крестов
на храмах г. Ростова)*

Они горят! Горят над куполами
В шатре лазоревом ликующих небес,
Глася торжественно победными лучами
О дивной явности Божественных чудес.
В години мук и горьких испытаний,
Разбитых чаяний, желаний и надежд,
Они зажглись над омутом страданий
Для нищих верою, безумцев и невежд.
Они зажглись для сырых и гонимых,
Измученных кровавою борьбой,
Для всех больных, голодных, нелюдимых,
Раздавленных злорадною судьбой.
И пусть хулят их наглыми устами
Враги заклятые духовной красоты —
Они горят, горят над куполами,
Далекие, чудесные кресты!..

ПОЙДЕМ ЗА НИМ!

Посвящается Ф.В. Винбергу

Он нас зовет к воздвижению Престола,
Как Минин звал великих предков встарь.
Он нам гласит: «Изжила срок крамола,
И жив с Семей Пресветлый Государь.
Ко мне, орлы! Ко мне, бойцы Царевы!
Да будет мне ниспослано судьбой
Сорвать с рабов кровавые оковы,
Для блага родины пожертвовать собой».
Так нам звучит в изгнание голос милый,
Суля мечтам желанный, светлый миг.
А вокруг шипят мятущиеся силы,
Куя звено предательских интриг.
Забыв конец заученной былины,
Вожди слепцов, создав из граждан рать,
Коварным лозунгом «партийной дисциплины»
Наш честный долг стремятся обуздать.
Но пусть предательство готовят вновь Иуды,
Играя нагло чувством дорогим;
Забудем ссоры, толки, пересуды,
Он нас зовет — пойдем скорей за Ним.
Пойдем вперед, слышав голос Царский:
Он нас зовет на нивы русских сеч;
И — верим мы — маститый князь Пожарский,
Смягчась душой, возьмет державный меч.

ВЕНЕЦ БОГОМАТЕРИ

Радуйся, Владычице милостивая,
о нас пред Богом предстательница!

Акафист Божией Матери

В оны дни, измученный страданьем,
Изможденный бременем невзгод,
К Богоматери стекался с упованьем
Православный, страждущий народ.
И толпясь у чудотворной сени, —
Пред Заступницей склонялся на колени,
Чуждый мира и его забот.

Из далеких дебрей и селений
Нес он к Ней с дырявою сумой
Тихий шепот пламенных молений
Плач души, истерзанной судьбой,
Боль недужных вековых страданий,
Недоступную для мудрых врачеваний
Непосильную для немощи людской.

И пред этой кротостью покорной,
Умилявшей верой небеса,
Совершались силой чудотворной
Небывалые на свете чудеса —
Из пучин земного произвола
Доходили до Предвечного престола
Немудреные, простые голоса.

Исцеленные любовью неизменной,
В умиленьи упавая ниц,
Богомольцы ризой драгоценной
Облекли Царицу всех Цариц.
И венец бесценный и лучистый

На челе Владычицы Пречистой
Засиял блистательней зарниц.

Шли века. Сменялись поколения.
Враг смущал мятущихся людей,
Но не молкли жаркие моления
Не слабела вера прошлых дней.
Темный люд заглохшими тропами
Брел, согбенный, с скорбью и мольбами
Под покров Защитницы своей.

Шли года. Бесовские усилья
Вновь сулили лютый, смертный бой.
И склонились царственные крылья
Перед смутой, злобой и враждой.
Мономахова державная корона
Покатилась по ступеням трона,
Сорванная вражеской рукой.

Но врагу, казалось, было мало
Униженья Белого Царя —
Красный змий, вздымая дерзко жало,
Двинул чернь к святыням алтаря.
И венец с Иконы чудотворной
Наглый вор с насмешкою позорной
Снял, бесчестье страшное творя.

Жребий брошен — самозванцы, воры,
Как давно когда-то у Креста,
Позабыв корыстные раздоры,
Делят ризы Матери Христа.
И в тупом свершеньи святотатства,
В нутряном неистовстве злорадства
Богохульствуют их наглые уста.

На глазах безмолвного народа
Страшный грех пред Богом совершен.
Пир кровавый празднует «свобода»
В мрачный день печальных похорон.
Брат Иуды с сердцем дерзновенным
Продает купцам иноплеменным
Драгоценности с ограбленных икон.

Порождая радости восторга,
Погостивший за морем купец,
Продает с общественного торга
С Богоматери украденный венец.
И кокотке, вышедшей из бара,
Модный лев парижского бульвара
Покупает камни для колец.

Бал гремит. Нарядные блудницы
Мчатся в вихре пляски круговой,
В их уборах, как огни зарницы,
Слезы-камни искрятся игрой.
Дар священный страждущего брата
Брошен в жертву оргии разврата
Дьявольской бессовестной рукой.

А в глуши, далекой и мятежной,
Где скорбит распятый человек,
Богоматерь с благостью безбрежной
Смотрит скорбно на кровавый век.
И под вой бесовский и угрозы
Перед Ней горят, как жемчуг, слезы
Нищих, сирых, хворых и калек.

ЖИДОВИН

И много понтийских Пилатов,
И много презренных Иуд
Отчизну свою распинают,
Христа своего предают!..

Граф А.К. Толстой

По русскому вольному краю
Верхом на двуногом осле
Народный герой разъезжает
С проклятым клеймом на челе.

На нем пулеметные ленты,
Жидовский простой лапсердак,
Винтовка, ручные гранаты
И красный дурацкий колпак.

Он едет и в ведро и в стужу,
Он едет и ночью и днем.
Болтаются красные тряпки,
Бубенчики пляшут на нем.

Куда богатырь ни приедет,
Везде ему царский почет.
Честит его хлебом и солью
Свободный российский народ.

Гогочут подростки и бабы,
Толпясь и вертясь вокруг него;
За штоф с самогонкой сажают
И слушают речи его.

И всюду собирает он вече,
Сгоняя на площадь людей:

Зовет к грабёжам и насилью
Во имя свободных идей.

Пророчит им рай коммунизма,
«Товарищам» счастье сулит,
Землей голытьбу наделяет,
Буржуям расправой грозит.

Смеется он нагло над верой,
Кошунство с святыней творит,
Насилует совесть людскую
И Бога открыто хулит.

Он злобу в толпе распаляет,
Он алчность плодит в торгаше
И будит свирепого зверя
В юродивой, темной душе.

Разносятся пьяные крики;
Гудит заунывный набат;
Идут обитатели хижин
Войной на владельцев палат.

Клокочет вражда вековая;
Беснуется пьяный народ;
Сбылись предсказанья Кагала —
Нет Бога, Царя и господ!

С торгов продается Россия;
Проклятьями дышат уста;
И вновь распинают евреи
На новой Голгофе Христа.

Хочочет злодей-самозванец,
Гарцуя на сером осле:
Теперь он хозяин всеильной
В святом златоглавом Кремле.

Колпак он бросает дурацкий,
Сломив векового врага,
И кажет бесовские знаки —
Залитые кровью рога.

И нагло кричит, издеваясь:
«Примите ж мою благодать,
Скорей батожем добивайте
В крови распростертую Мать!

Ко мне, мои верные слуги,
Великая, вольная новь!
Из кубка железного пейте
Священную русскую кровь.

Забудьте величье и славу
Далеких, отживших времен,
Заветы народных героев
И память их светлых имен!»

Пирует жидовское племя,
Глумясь над святыней Креста,
Глумясь над распятой Россией,
Россией Царя и Христа!..

В ТЕ ДНИ

В те дни, когда мы все так низко пали,
Везде мне грезится священный Образ Твой
С глазами, полными божественной печали,
С лицом, исполненным небесной добротой.
Тебя жалеть я не могу, не смею:
Ты для меня по-прежнему велик.
Перед тобой, мой Царь, я вновь благоговею,
И больно мне глядеть на Твой державный лик.
Слепой народ, обманутый лжецами,
За чистоту души Твоей святой
Тебя клеймил постыдными словами
И казни требовал. Над кем же?.. над Тобой!
Не так ли пал и Царь коварной Иудеи,
Мессия истины, народная мечта?..
И Бога своего преступные евреи
Распяли на доске позорного Креста.
И Царь был осужден на пытки рабской казни,
Над Божеством глумился весь народ,
И люди-изверги убили без боязни
Того, Кто создал мир, моря и небосвод.
Но, победив в аду немые силы гроба,
Воскрес Господь и всем явился вновь.
Побеждена врагов чудовищная злоба,
И козни зла рассеяла Любовь...
Я верю в день священного возмездья.
Клятвопреступники, вас кара неба ждет!
Вас уличат в предательстве созвездья,
Над вами Солнце правды не взойдет.
И камни возопят от вашего злодейства,
Вас грозно обличит правдивая судьба
За низость ваших чувств, за гнусность фарисейства,
За клеветы восставшего раба...

Еще недавно так, пред Ним склоняя вы,
Клялися вы Его до гроба защищать,
И за Царя-Вождя, Хозяина России,
Вы обещали жизнь безропотно отдать.
И что же?! где слова? где громкие обеты?
Где клятвы верности, присущие войскам?
Где ваших прадедов священные заветы?
А Он, обманутый, Он твердо верил вам!
Он, ваш исконный Царь, смиреньем благородный,
В своей душе Он мог ли помышлять,
Что вы готовитесь изменой всенародной
России честь навеки запятнать!
Предатели, рожденные рабами,
Свобода лживая не даст покоя вам.
Зальете вы страну кровавыми ручьями,
И пламя пробежит по вашим городам.
Не будет мира вам в блудилище разврата,
Не будет клеветам и зависти конца;
Восстанет буйный брат на страждущего брата,
И меч поднимет сын на старого отца...
Пройдут века, но подлости народной
С страниц Истории не вычеркнут года:
Отказ Царя, прямой и благородный,
Пощечиной вам будет навсегда!

ГРЯДУЩЕЕ

Гляжу спокойно в даль веков,
Без сожаленья и боязни.
Что для меня мятеж рабов,
Насилья, стоны, кровь и казни?
Ничто не ново под луной —
Гроза пройдет, покой настанет,
И над смирившейся волной
Сиять, как прежде, солнце станет.
Всему свой срок, своя пора,
Пургу зимы весна сменяет,
И сплав ледяного серебра
Улыбкой знойной расплавляет...
Ударит час — родной слепец
От красных белым своих прозреет,
И всё постигнет наконец,
И козни вражьи рассеет.
Крестом саженым осенясь,
Спокойно, вдумчиво и кротко
Он с правдой установит связь,
И истину запишет четко.
К Европе подлой став спиной
И углубясь во мглу преданий,
Он вынет гордо быт родной
Из погребов воспоминаний.
Пройдя сквозь грозный строй невзгод
И раскусив нутром обманы,
Начнет зализывать народ
Свои дымящиеся раны.
Он вспомнит набожных Царей,
Их правду, милость и смиренье
И проклянет поводырей
Боготворные движенья.

Пройдет неистовый угар
И жажда зверств и дикой воли,
И то, что буйный сжег пожар,
Отстроит горб покорной голи.
Опять возьмется Божий люд
За ржавый заступ и лопату,
Проснутся знания, долг и труд,
И брат протянет руку брату.
И будет мир, и будет лад,
Хлеба оденут гладь пустыни,
И чернь найдет зарытый клад
В обломках попанной святыни...
Гляжу спокойно в даль веков,
Без опасений и без страха —
И зрю Россию без оков
В державной шапке Мономаха.

ВЕРУЮ!..

В години кровавых смут и невзгод
Я верю в Россию! Я верю в народ!
Я верю в грядущее радостных дней
Величья и славы отчизны моей!
Я верю, что годы страданий пройдут,
Что люди свое окаянство поймут,
И буйную злобу и ненависть вновь
Заменит взаимная наша любовь.
Я верю, что в блеске воскресных лучей
Заблещут кресты златоглавых церквей.
И звон колокольный, как Божьи уста,
Вновь будет сзывать нас в обитель Христа.
Я верю — из крови, из слез и огня
Мы встанем, бывшее безумье кляня.
И Русью Святой будет править, как встарь,
Помазанник Божий — исконный наш Царь.

Иван
САВИН

ПЕРВЫЙ БОЙ

Он душу мне зáлил метелью
Победы, молитв и любви...
В ковыль с пулеметною трелью
Стальные легли соловьи.

У мельницы ргутью кудрявой
Ручей рокотал. За рекой
Мы хлынули сомкнутой лавой
На вражеский сомкнутый строй.

Зевнули орудия, руша
Мосты трехдюймовым дождем.
Я крикнул товарищу: «Слушай,
Давай за Россию умрем».

В седле подымаясь, как знамя,
Он просто ответил: «Умру».
Лилось пулеметное пламя,
Посвистывая на ветру.

И чувствуя, нежности сколько
Таили скупые слова,
Я только подумал, я только
Заплакал от мысли: Москва...

* * *

Кто украл мою молодость, даже
Не оставил следов у дверей.
Я рассказывал Богу о краже,
Я рассказывал людям о ней.
Я на паперти бился о камни.
Правды скоро не выскажет Бог.
А людская неправда дала мне
Перекопский полон да острог.
И хожу я по черному снегу,
Никогда не бывав молодым,
Небывалую молодость эту
По следам догоняя чужим.
Увели ее ночью из дому
На семнадцатом, детском году.
И по вашему стал, по седому,
Глупый мальчик метаться в бреду.
Были слухи — в остроге сгорела,
Говорили — пошла по рукам...
Всю грядущую жизнь до предела
За года молодые отдам!
Но безмолвен ваш мир отсиявший.
Кто ответит? В острожном краю
Скачет выжженной степью укравший
Невестную юность мою.

CHANSON TRISTE**Маме*

Жизнь ли бродяжья обидела,
Вышел ли в злую пору́...
Если б ты, мама, увидела,
Как я озяб на ветру!
Знаю, что скоро измочится
Ливнем ночным у меня
Стылая кровь, но ведь хочется,
Все-таки хочется дня.
Много не надо. Не вынести.
И все равно не вернуть.
Только бы в этой пустынности
Вспомнить заветренный путь,
Только б прийти незамеченным
В бледные сумерки, мать,
Сердцем, совсем искалеченным,
В пальцах твоих задрожать.
Только б глазами тяжелыми
Тихо упасть на поля.
Где золотистыми пчелами
Жизнь прожужжала моя,
Где тишина сероокая
Мертвый баюкает дом...
Если б ты знала, далекая,
Как я исхлестан дождем!

* Печальная песня (фр.).

* * *

Кипят года. В тоске смертельной,
Захлебываясь на бегу,
Кипят года. Твой крестик тельный
В шкатулке крымской берегу.
Всю ночь не спал ты. Дрожь рассвета
Вошла в подвал, как злая гарь
Костров неведомых, и где-то
Зажгли неведомый фонарь,
Когда, случайный брат по смерти,
Сказал ты тихо у окна:
«За мной пришли. Вот здесь, в конверте,
Мой крест и адрес, где жена.
Отдайте ей. Боюсь, что с грязью
Смешают Господа они...» —
И дал мне крест с славянской вязью,
На нем — «Спаси и сохрани».
Но не спасла, не сохранила
Тебя рука судьбы хмельной.
Сомкнула общая могила
Свои ресницы над тобой...
Кипят года в тоске смертельной,
Захлебываясь на бегу.
Спи белым сном! Твой крестик тельный
До белой тризны сберегу.

* * *

Любите врагов своих... Боже,
Но если любовь не жива?
Но если на вражеском ложе
Невесты моей голова?

Но если, тишайшие были
Расплавив в хмельное питье,
Они Твою землю растлили,
Грехом опоили ее?

Господь, успокой меня смертью,
Убей. Или благослови
Над этой запекшейся твердью
Ударить в набаты крови.

И гнев Твой, клокочуще-знойный,
На трупные души пролей!
Такие враги недостойны
Ни нашей любви, ни Твоей.

* * *

Оттого высоки наши плечи,
А в котомках акриды и мед,
Что мы, грозной дружины предтечи,
Славословим крестовый поход.

Оттого мы в служенье суровом
К Иордану святому зовем,
Что за нами, крестящими словом,
Будет воин, крестящий мечом.

Да взлетят белокрылые латы!
Да сверкнет золотое копьё!
Я, немеркнушей славы глашатай,
Отдал Господу сердце свое...

Да придет!.. Высокие плечи
Преклоняя на белом лугу,
Я походные песни, как свечи,
Перед ликом России зажгу.

* * *

Я — Иван, не помнящий родства,
Господом поставленный в дозоре.
У меня на ветренном просторе
Изошла в моленьях голова.

Все пою, пою. В немолчном хоре
Мечутся набатные слова:
Ты ли, Русь бессмертная, мертва?
Нам ли сгинуть в чужеземном море!?

У меня на посохе — сова
С огненным пророчеством во взоре:
Грозowymi окликаmi вскоре
Загудит родимая трава.

О земле, восставшей в лютом горе,
Грянет колокольная молва.
Стяг державный богатырь-Бова
Развернет на русском косогоре.

И пойдет былинная Москва
В древнем Мономаховом уборе
Ко святой заутрене, в дозоре
Странников, не помнящих родства.

* * *

Огневými цветами осыпали
Этот памятник горестный Вы,
Не склонившие в пыль головы
На Кубани, в Крыму и в Галлиполи.

Чашу горьких лишений до дна
Вы, живые, вы, гордые, выпили
И не бросили чаши... В Галлиполи
Засияла бессмертьем она.

Что для вечности временность гибели?
Пусть разбит Ваш последний очаг —
Крестоносного ордена стяг
Реет в сердце, как реял в Галлиполи.

Вспыхнет солнечно-черная даль
И вернетесь вы, где бы вы ни были,
Под знамена... И камни Галлиполи
Отнесете в Москву, как скрижаль.

НОВЫЙ ГОД

Никакие метели не в силах
Опрокинуть трехцветных лампад,
Что зажег я на дальних могилах,
Совершая прощальный обряд.
Не заставят бичи никакие,
Никакая бездонная мгла
Ни сказать, ни шепнуть, что Россия
В пытках вражьих сгорела дотла.
Исходив по ненастным дорогам
Всю бескрайнюю землю мою,
Я не верю смертельным тревогам,
Похоронных псалмов не пою.
В городах, ураганами смятых,
В пепелищах разрушенных сел
Столько сил, столько всходов богатых,
Столько тайной я жизни нашел.
И такой неустанною верой
Обожгла меня пленная Русь,
Что я к Вашей унылости серой
Никогда, никогда не склонюсь!
Никогда примирения плесень
Не заржавит призыва во мне,
Не забуду победных я песен,
Потому что в любимой стране,
Задыхаясь в темничных оградах,
Я прочел, я не мог не прочесть
Даже в детских прощающих взглядах
Грозовую, недетскую месть.
Вот зачем в эту полную тайны
Новогоднюю ночь, я чужой
И далекий для вас, и случайный,
Говорю Вам: крепитесь! Домой

Мы пойдем! Мы придем и увидим
Белый день. Мы полюбим, простим
Все, что горестно мы ненавидим,
Все, что в мертвой улыбке храним.
Вот зачем, задыхаясь в оградах
Непушистых, нерусских снегов,
Я сегодня в трехцветных лампадах
Зажигаю грядущую новь.
Вот зачем я не верю, а знаю,
Что не надо ни слез, ни забот.
Что нас к нежно любимому Краю
Новый год по цветам поведет!

* * *

И смеялось когда-то, и сладко
Было жить, ни о чем не моля,
И шептала мне сказки украдкой
Наша старая няня — земля.

И любил я, и верил, и снами
Несказанными жил наяву,
И прозрачными плакал стихами
В золотую от солнца траву.

Пьяный хам, нескончаемой тризной
Затемнивший души моей синь,
Будь ты проклят и ныне, и присно,
И во веки веков! Аминь!

ВОЗМЕЗДИЕ

Войти тихонько в Божий терем
И, на минуту став нездешним,
Позвать светло и просто: Боже!
Но мы ведь, мудрые, не верим
Святому чуду. К тайнам вешним
Прильнуть, осенние, не можем.

Дурман заученного смеха
И отрицанья бред багровый
Над нами властвовали строго
В нас никогда не пело эхо
Господних труб. Слепые совы
В нас рано выклевали Бога.

И вот он, час возмездья черный,
За жизнь без подвига, без дрожи,
За верность гиблому безверью
Перед иконой чудотворной,
За то, что долго терем Божий
Стоял с оплеванной дверью!

ГАЛЛИПОЛИ

Когда палящий день остынет
И солнце упадет на дно,
Когда с ночного неба хлынет
Густое, лунное вино,
Я выйду к морю полночь встретить,
Бродить у смуглых берегов,
Береговые камни метить
Иероглифами стихов.
Маяк над городом усталым
Откроет круглые глаза,
Зеленый свет сбежит по скалам,
Как изумрудная слеза.
И брызнет полночь синей тишью.
И заструится Млечный мост...
Я сердце маленькое вышью
Большими крестиками звезд.
И, опьяненный бредом лунным,
Ее сиреневым вином,
Ударю по забытым струнам
Забытым сердцем, как смычком...

* * *

А проклянешь судьбу свою,
Ударит стыд железной лапою, —
Вернись ко мне. Я боль твою
Последней нежностью закапаю.

Она плывет, как лунный дым,
Над нашей молодостью скошенной
К вишневым хуторам моим,
К тебе, грехами запорошенной.

Ни правых, ни виновных нет
В любви, замученной нечаянно.
Ты знаешь... я на твой портрет
Крещусь с молитвой неприкаянной.

Я отгорел, погаснешь ты.
Мы оба скоро будем правыми
В чаду житейской суеты
С ее голгофными забавами.

Прости... размыты строки вновь...
Есть у меня смешная заповедь:
Стихи к тебе, как и любовь,
Слезами длинными закапывать...

* * *

*Л.В. Соловьевой**

Птичка кроткая и нежная,
Приголубь меня!
Слышишь — скачет жизнь мятежная,
Захлестав коня.
Брызжут ветры под копытами,
Грива — в злых дождях..
Мне ли пальцами разбитыми
Сбросить цепкий страх?
Слышишь — жизнь разбойным хохотом
Режет тишь в ночи.
Я к земле придавлен грохотом,
А в земле — мечи.
Все безумней жизнь мятежная,
Ближе храп коня..
Птичка кроткая и нежная,
Приголубь меня!

* Соловьева — девичья фамилия жены поэта — Людмилы Васильевны Савиной.

КОРНИЛОВУ**I**

В мареве беженства хилого,
В зареве казней и смут
Видите — руки Корнилова
Русскую землю несут.
Жгли ее, рвали, кровавили,
Прокляли многие, все.
И отошли, и оставили
Пепел в полночной росе.
Он не ушел и не предал он
Родины. В горестный час
Он на посту заповеданном
Пал за страну и за нас.
Есть умиранье в теперешнем,
В прошлом бессмертие есть.
Глубже храните и бережней
Славы корниловской весть.
Мы и живые безжизненны,
Он и безжизненный жив.
Слышу его уккоризненный,
Смертью венчанный призыв
Выйти из мрака постылого
К зорям борьбы за народ.
Слышите, сердце Корнилова
В колокол огненный бьет!

II

Не будь тебя, прочли бы внуки
В истории: когда зажег
Над Русью бунт костры из муки,
Народ, как раб, на плаху лег.
И только ты, бездомный воин,
Причастник русского стыда,

Был мертвой Родины достоин
В те недостойные года.
И только ты, подняв на битву
Изнемогавших, претворил
Упрек истории — в молитву
У героических могил.
Вот почему с такой любовью,
С благоговением таким
Клоню я голову сыновью
Перед бессмертием твоим.

* * *

Брату Борису

Не бойся, милый. Это я.
Я ничего тебе не сделаю.
Я только обовью тебя,
Как саваном, печалью белую.
Я только выну злую сталь
Из ран запекшихся. Не странно ли:
Еще свежа клинка эмаль.
А ведь с тех пор три года канули.
Поет ковыль. Струится тишь.
Какой ты бледный стал и маленький!
Все о семье своей грустишь
И рвешься к ней из вечной спальни.
Не надо. В ночь ушла семья.
Ты в дом войдешь, никем не встреченный.
Не бойся, милый, это я
Целую лоб твой искалеченный.

* * *

Брату Николаю

Мальчик кудрявый смеется лукаво.
Смуглому мальчику весело,
Что наконец-то на грудь ему слава
Беленький крестик повесила.
Бой отгремел. На груди донесение
Штабу дивизии. Гордыми лирами
Строки звенят: бронепоезд в сражении
Синими взят кирасирами.
Липы да клевер. Упала с кургана
Капля горячего олова.
Мальчик вздохнул, покачнулся и странно
Тронул ладонями голову.
Словно искал эту пулю шальную.
Вздрыгнул весь. Стремя зазвякало.
В клевер упал. И на грудь неживую
Липа рососою заплакала...

Схоронили ль тебя — разве знаю?
Разве знаю, где память твоя?
Где годов твоих краткую стаю
Задушила чужая земля?
Все могилы родимые стерты.
Никого, никого не найти...
Белый витязь мой, братик мой мертвый,
Ты в моей похоронен груди.
Спи спокойно! В тоске без предела,
В полыхающей болью любви
Я несущее твоё детское тело,
Как евангелие из крови.

* * *

Сестрам моим, Нине и Надежде

Одна догорела в Каире.
Другая на русских полях.
Как много пылающих плах
В бездомном воздвигнуто мире!
Ни спеть, ни сказать о кострах,
О муке на огненном пире.
Слова на запекшейся лире
В немой рассыпаются прах.
Но знаю, но верю, что острый
Терновый венец в темноте
Ведет к осиянной черте
Распятых на русском кресте,
Что ангелы встретят вас, сестры,
Во Родине и во Христе.

РЕВНОСТЬ

Спросила девочка тихо:
«О чем ты, мальчик, грустишь?»
За дверью — поле, гречиха
И такая густая тишь.
Колыхнулся и вспыхнул синее
Над закрытою книгою взор.
«Я грущу о сказочной фее,
О царевне горных озер».
Соловей вскрикнул напевно.
Упала с ветки роса.
«А какая она, царевна?
И длинная у нее коса?»
«У царевны глаза такие —
Посмотрит и заманит в плен.
А косы ее золотые,
Золотая волна до колен».
И сказала крошка, играя
Черной косичкой своей:
«Тоже... радость большая —
В рыжих влюбляться фей!»

* * *

И канарейки. И герани.
И ситец розовый в окне,
И скрип в клеенчатом диване,
И «Остров мертвых» на стене;
И смех жеманный, и румянец
Поповны в платье голубом,
И самовара медный глянec,
И «Нивы» прошлогодний том;
И грохот зимних воскресений,
И бант в каштановой косе,
И вальс в три па под «Сон осенний»,
И стукалку на монпансье —
Всю эту заросль вековую
Безумно вырубленных лет
Я — каждой мыслию целую
России вытоптаный след, —
Как детства дальнего цветенье,
Как сада Божьего росу,
Как матери благословенье,
В душе расстрелянной несущу.
И чем отвратней, чем обманней
Дни нынешние, тем родней
Мне правда мертвая гераней,
Сиянье вырубленных дней.

* * *

Когда судьба из наших жизней
Пасьянс раскладывала зло,
Меня в проигранной отчизне
Глубоким солнцем замело.
Из карт стасованных сурово
Для утомительной игры
Я рядом с девушкой трефовой
Упал на крымские ковры.

* * *

Это было в прошлом на юге,
Это славой теперь поросло.
В окруженном плахою круге
Лебединое билось крыло.
Помню вечер. В ноющем гуле
Птицей несся мой взмыленный конь.
Где-то тонко плакали пули.
Где-то хрипло кричали: «Огонь!»

Закипело рвущимся эхом
Небо мертвое! В дымном огне
Смерть хлестала кровью и смехом
Каждый шаг наш. А я на коне.
Набегая, как хрупкая шляпка,
На девятый, на гибельный вал, —
К голубому слову «голубка»
В черном грохоте рифму искал...

* * *

Л.В. Соловьевой

Есть в любви золотые мгновенья
Утомленно-немой тишины:
Будто ходят по мрамору сны,
Рассыпая хрустальные звенья.
Загорается нежность светло
В каждой мысли случайной и зыбкой,
И над каждой бессвязной улыбкой
Голубое трепещет крыло.

* * *

Братьям моим, Михаилу и Павлу

Ты кровь их соберешь по капле, мама,
И, зарыдав у Богоматери в ногах,
Расскажешь, как зияла эта яма,
Сынами вырытая в проклятых песках,
Как пулемет на камне ждал угрюмо,
И тот, в бушлате, крикнул: «Что, начнем?»,
Как голый мальчик, чтоб уже не думать,
Над ямой встал и горло проколол гвоздем.
Как вырвал пьяный конвоир лопату
Из рук сестры в косынке и сказал: «Ложись»,
Как сын твой старший гладил руки брату,
Как стыла под ногами глинистая слизь.
И плыл рассвет ноябрьский над туманом,
И тополь чуть желтел в невидимом луче,
И старый прапорщик во френче рваном
С чернильной звездочкой на сломанном плече
Вдруг начал петь — и эти бредовые
Мольбы бросал свинцовой брызжущей струе:
«Всех убиенных помяни, Россия,
Егда приидеши во царствие Твое...»

* * *

Когда палящий день остынет
И солнце упадет на дно,
Когда с ночного неба хлынет
Густое лунное вино,
Я выйду к морю полночь встретить,
Бродить у смуглых берегов,
Береговые камни метить
Иероглифами стихов.
Маяк над городом усталым
Откроет круглые глаза,
Зеленый свет сбежит по скалам,
Как изумрудная слеза.
И брызнет полночь синей тишью.
И заструится Млечный мост...
Я сердце маленькое вышью
Большими крестиками звезд.
И, опьяненный бредом лунным,
Ее сиреневым вином,
Ударю по забытым струнам
Забытым сердцем, как смычком...

РОССИИ

Услышу ль голос твой? Дождусь ли
Стоцветных искр твоих снегов?
Налью ли звончатые гусли
Волной твоих колоколов?
Рассыпав дней далеких четки,
Свяжу ль их радостью, как встарь,
Твой блудный сын, твой инок кроткий,
Твой запечаленный звонарь?
Клубились ласковые годы,
И каждый день был свят и прост.
А мы в чужие небосводы
Угнали тайну наших звезд.
Шагам Господним, вечным славам
Был солнцем вспаханный простор.
А мы, ведомые лукавым,
Мы уготовили костер,
Бушующий проклятой новью —
Тебе, земля моя! И вот —
На дыбе крупной плачем кровью
За годом год, за годом год...

* * *

Помните? Хаты да пашни.
Луг да цветы, да река.
В небе, как белые башни,
Долго стоят облака.
Утро. Пушистое сено
Медом полно. У воды
Мельница кашляет пеной,
Пылью жемчужной руды.

Помните? Вынырнул вечер,
Неповторимый такой.
Птиц многошумное вече,
Споря, ушло на покой.
Тени ползут, как улитки,
В старом саду. В темноте
Липы шуршат. У калитки
Странник поет о Христе.

Помните? Ночью колеса
Ласково как-то бегут.
Месяц прищурился косо
На полувыхсохший пруд.
Мышь пролетела ночная.
Выплыл из темени мост.
С неба посыпалась стая
Кем-то встревоженных звезд...

* * *

Я знаю — страшен хохот молний,
Я знаю — жгуч бездомья жгут.
Мой белый друг, они придут,
Зарницы солнечных минут,
Они Россию приведут.
Надеждой кубок свой наполни!

Идти в юдоль не вброд, а вплавь —
Глубин глубинный не боится.
В гнездо судьбы влетит жар-птица,
Как золотая небылица,
И то, что нынче только снится,
Назавтра — встретится, как явь.

Размыта грозами дорога,
Тяжелый мир заржавлен злом.
Я знаю — кровью брызжет гром,
Я знаю — тяжело под дождем...
Мой белый друг, наш близок дом,
Мой белый друг, мы у порога.

* * *

Все это было. Путь один
У черни нынешней и прежней.
Лишь тени наших гильотин
Длинней упали и мятежней.
И бьется в хохоте и мгле
Напрасной правды нашей слово
Об убиенном короле
И мальчиках Вандеи новой.
Всю кровь с парижских площадей,
С камней и рук легенда стерла,
И сын убогий предал ей
Отца раздробленное горло.
Все это будет. В горне лет
И смрад, и блуд, царящий ныне,
Расплавятся в обманный свет.
Петля отца не дрогнет в сыне.
И крови нашей страшный грунт
Засеяв ложью, шут нарядный
Увьет цветами — русский бунт,
Бессмысленный и беспощадный...

* * *

Законы тьмы неумолимы.
Непререкаем хор судеб.
Все та же гарь, все те же дымы.
Все тот же выпланный хлеб.

Мне недруг стал единоверцем:
Мы все, кто мог и кто не мог,
Маячим выветренным сердцем
На перекрестках всех дорог.

Рука протянутая молит
О капле солнца. Но сосуд
Небесной милостыни пролит.
Но близок нелукавый суд.

Рука дающего скудеет:
Полмира по миру пошло...
И снова гарь, и вновь тускнеет
Когда-то светлое чело.

Сегодня лед дорожный ломок,
Назавтра злая встанет пыль,
Но так же жгуч ремень котомок
И тяжек нищенский костыль.

А были буйные услады
И гордой молодости лет...
Подайте жизни, Христа ради,
Рыдающему у ворот!

* * *

Ты не думай, все запишется.
Не простится. Ты не жди.
Все неслышное услышится.
Пряча тайное, колышется
Сердце-ладонка в груди.

Умирают дни, и кажется:
Прожитой не встанет прах.
Но Христу вся жизнь расскажется.
Сердце-ладонка развяжется
На святых Его весах.

Жизни наши будут взвешены.
Кто-то с чаши золотой
Будет брошен в пламень бешеный.
Ты ль, хмельная? Я ль, повешенный
Над Россией и тобой?

* * *

Поток грохочущих событий.
Мятежноносная руда
Обуглит памятные нити,
Соединявшие года.

И всё в улыбке прожитое,
Надежд и песен хоровод
В недостижимом покое
Невозвратно отцветет.

Из книги памяти ненужной
Пустые выпадут листы,
Но никогда, ни в буре вьюжной,
Ни в зное, не увянешь ты.

Изгиб бровей бессмертно-четкий,
В тени ресниц зеленый жар,
Твоей лукавящей походки
Незабываемый угар...

* * *

У царских врат икона странная —
Глаза совсем твои.
До темных плит резьба чеканная,
Литые соловьи.

Я к соловьиному подножию
С мольбой не припаду.
Похожая на Матерь Божию,
Ты все равно в аду.

Монах согбенный начал исповедь.
Ему, как брату брат,
В грехе покаюсь. Грех мой близко ведь,
Ведь ты — у царских врат...

Одной тебе служил я с младости,
И вот, в чужой стране,
Твой образ всех Скорбящих Радости
Я полюбил вдвойне.

Ты не любила, ты лукавила.
Ты захлебнулась тьмой..
Глазам твоим свечу поставила
Монашенка с сумой.

Сменив калику перехожую,
У царских врат стою.
Христос, прости ее, похожую
На Мать Твою!

* * *

Ты брошен тоже, ты поймешь,
В дурманы вглядываясь строже,
Что счастье, если и не ложь, —
На ложь мучительно похоже.

Тот, первый, кто вином любви
Уста раскрывшиеся нежил,
Не слеп от нынешней крови
И в нашей брошенности не жил.

Тот, первый, в райском терему
Лаская кроткую подругу,
Не шел в хохочущую тьму
По кем-то проклятому кругу.

А мы идем. Над нами взгляд
Безумия зажжен высоко.
И каплет самый черный яд
Из окровавленного ока.

Что сердца легкая игра
Тяжелому земному телу?
Быть может, уж давно пора
Мечту приговорить к расстрелу.

А мы в безлюдье, в стужу, в дым
Несем затравленность обетов,
Мы, как Евангелие, чтим
Бред сумасшедших и поэтов.

И, вслушиваясь в злую ложь,
Горим, с неоспоримым споря...
Ты брошен тоже, ты поймешь,
Что счастье выдумано с горя.

* * *

Пели над окнами клены.
Ночь отгорала. Струясь
По полу, сгустком зеленым
Лунная кровь запеклась.

Ночь отгорала. В гостиной
Не зажигали огней.
Зло говорили и длинно
О прожитом и о ней.

Кто-то, чуть видимый в кресле,
Долгий закончил рассказ
Мудростью: «Женщина, если
Любит, то любит не вас».

Падали розовым градом
Искры пяти папирос.
Кто-то, смеявшийся рядом,
Бросил мне горький вопрос:

«Вы разве счастливы? Разве
Ваша любовь не в пыли?»
Снова к сочащейся язве
Душу мою поднесли.

Я улыбнулся спокойно,
Я не ответил ему, —
Ибо роптать недостойно
Мне, без конца твоему.

* * *

Можно стать сумасшедшим от боли.
Но нельзя ничего забыть.
Я влачусь по земной юдоли,
И за мною змеится нить.

А на ней, на ладонке длинной,
Завязала память узлы,
Как печати доли полынной,
Как печати недоли и мглы.

Я и так четвертован новью,
Нелегко теперь на земле.
Для чего ж и прошлое кровью
Истекает в каждом узле?

Часто хочется бросить сердце,
Память бросить в ночь и не жить.
Но вползает тайною дверцей,
Но пытается узлами нить.

Если б кто-нибудь сжал ее, сузил,
Оборвал, во тьму урона,
И в последний, терновый узел
Завязал неживого меня!

* * *

Сегодня месяц совсем весенний —
Туманный, близкий и молодой.
Огромных сосен прямые тени
Дрожат лилово над мостовой.

Роятся тучи в седом просторе,
В седом просторе плывут цветы.
За дымкой улиц, я знаю, — море,
За дальним морем, я знаю, — ты.

Пустая площадь. На белой башне
Двенадцать песен пропела медь.
Туман все выше и все бесстрашней
Бросает в небо седую сеть.

Сегодня взоры — хмельное жало,
Сегодня маем пьянит февраль.
А ты мне сердце зацеловала
И уронила в такую даль.

В ПОЕЗДЕ

Мощный, гулкий, неустанный,
Утоли мою печаль,
Унеси в такие страны,
Где минувшего не жаль,

Где бесстрастно бродят светы
Мертвых лет и мертвых лун,
Где бессмертно спят поэты
В гамаках из звездных струн.

Вьются версты. Версты пляшут
Хороводами столбов.
Острой проволокой пашут
Неживую землю мхов.

Все равно никто не встанет,
Не проснется. Все равно.
Только горький вздох заглянет
В задрожавшее окно,

Да напомнит сад старинный,
Синий вечер, яблонь шум,
Да простор, да взлет орлиный
В небе плавающих дум...

Мощный, блестящий, железный,
Вырви рельс двойную сталь,
Брось меня в такие бездны,
Где минувшего не жаль...

ЗАКАТ

Декабрьский вечер синь и матов.
Беззвездно в горнем терему.
Таких медлительных закатов
Еще не снилось никому.

Глаза ночные сжаты плотно,
Чуть брызжет смуглый их огонь,
Как будто черные полотна
Колелет робкая ладонь.

Поют снега. Покорной лыжей
Черчу немудрые следы.
Все строже север мой, все ближе
Столетьем скованные льды.

Бегу по сказочной поляне,
Где кроток чей-то бедный крест,
Где снег нетронутый желанней
Всех нецелованных невест.

Мне самому мой бег неведом.
Люблю бескрайности пустынь.
Цветет закат. За лыжным следом
Следит серебряная синь.

Недвижна белая громада
Снегов в узорчатой резьбе...
Вчера мне снилось, что не надо
Так много плакать о тебе...

* * *

Пять лет, пять долгих терний
Прошло с тех гиблых пор,
Когда туман вечерний
Запорошил твой взор.

Свершилось. Брызнул третий
Рыдающий звонок.
Пять лет я слезы эти
Остановить не мог.

Вагон качнулся зыбко.
Ты рядом шла в пыли.
Смертельною улыбкой
Глаза твои цвели.

Над станцией вязали
Туманы кружева.
Над станцией дрожали
Прощальные слова.

Колес тугие стоны
Слились в одну струю.
Перекрестив вагоны,
Ты крикнула: «Люблю!..»

Ты крикнула: «Не надо!..
Придут — умрем вдвоем»...
И пролитой лампадой
Погасла за холмом...

Пять лет, пять долгих попыток
Прошло. И ты прошла.
Любви и веры свиток
Ты смехом залила.

ПРОЗА

Как это быстро все свершилось:
Пришла, любила и ушла.
Но долго-долго еще снилась
Неверных глаз пустая мгла,
Объятий бешеные кольца
И губ отравное вино,
И смех грудного колокольца,
Какого небу не дано...
Теперь и сны ушли. Безлюдно
В душе, оставленной тобой.
Не жди легенды безрассудной,
Не надо сказки огневой...
И только в память мне вонзилось
Недоуменье, как стрела:
Как это быстро все свершилось —
Пришла, любила и ушла!

ТЕРЦИНЫ

Свистят ли змеи скудных толп,
Увит ли бешенством ненастным
Мечты александрийский столп, —

Покорный заповедям властным,
Безумных грез безумный паж,
Я путешествую в прекрасном.

Озера солнц и лунный пляж,
И твердь земли связал мой посох
Коврами небывалых прях.

Я свет зажег в подземных росах,
Я целовал девичий лик
С цветным цветком в багряных косах.

Я слышал рыб свирельный крик,
Я видел, как в очах Вселенной
Струился смутный мой двойник.

Все человеческое — тленно.
Нетленна райская стрела
Мечты, летящей песнопенно.

И пусть бескрылая хула
Ведет бескрылых шагом властным,
Сияя заревом крыла, —

Я путешествую в прекрасном.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ*Брату Николаю*

Тихо так. Пустынно. Звездно.
Степь нахмуренная спит,
Вся в снегах. В ночи морозной
Где-то филин ворожит.
Над твоей святой могилой
Я один, как страж, стою...
Спи, мой мальчик милый,
Баюшки-баю!..

Я пришел из дымной дали,
В день твой памятный принес
Крест надгробный, что связали
Мы тебе из крупных слез.
На чужбине распростертый,
Ты под ним — в родном краю...
Спи, мой братик мертвый,
Баюшки-баю...

В час, когда над миром будет
Снова слышен Божий шаг,
Бог про верных не забудет,
Бог придет в наш синий мрак,
Скажет властно вам: проснитесь!
Уведет в семью Свою...
Спи ж, мой белый витязь,
Баюшки-баю...

НЕВОЗВРАТНОЕ

Даже в слове, в самом слове «невозвратное»,
Полном девичьей, слегка наивной нежности,
Есть какое-то необычайно внятное,
Тихо плачущее чувство безнадежности.

В нем, как странники в раскольничьей обители,
Притаились обманувшиеся дни мои,
Чью молитву так кошунственно обидели
Новых верований дни неудержимые.

В ночь бессонную я сам себя баюкаю,
Сам себе шепчу тихонько: «невозвратное»...
И встает вдруг что-то с сладкой мукою
Одному мне дорогое и понятное...

* * *

Какая радость — любить бессвязно!
Какая радость — любить до слез!
Смотри — над жизнью глухой и грязной
Качаю стаю бессмертных роз!

Смотри — на горестных скрижалях,
Через горящий взором стих
О заплясавших вдруг печалях,
О наших далях золотых.

Смотри — взлетев над миром дымным,
В поляну синюю мою
Вбиваю я с победным гимном
Пять новых звезд моих: *люблю*.

* * *

Падай! Суровыми жатвами
Срезывай всходы стыда.
Глума над лучшими клятвами
Я не прощу никогда.

Пусть над тобой окровавленный
Бич измывается. Пусть! —
В сердце моем обезглавлены
Жалость. И нежность. И грусть.

* * *

Мы все свершаем жуткий круг,
Во тьме начертанный не нами.
Лишь тот, кто легок и упруг,
Пройдет, не сломленный годами.

О, будь же легкой, как крыло,
Упругой будь, как сгибы стали,
Чтоб ты сгорать могла светло,
Когда зажгутся наши дали!..

КТО?

Заблудившись в крови, я никак не пойму,
Кто нас бросил в бездонную тьму?
И за что мы вдали от родимой земли,
Где мятежные молнии нас оплели,
И зачем наших буйных надежд корабли
В безнадежность плыли, уплыли?
Опустись в глубину проклиная дум!
Как метель, как буран, как самум,
Острой пеной взрывая покорное дно,
В ней горит не сгорая проклятье одно:
Полюби эту тьму. Все равно, все равно
Ничего вам свершить не дано!..
И забыв свой порыв, свою горечь, свой гнев,
На бездольных кострах отгорев,
В злую ночь, где хохочет невидимый враг,
Мы несем свой обугленный муками стяг,
И... никак не пойдем, не пойдем мы никак —
Кто нас бросил в заплаканный мрак!

* * *

Придут другие. Они не вспомнят
Ни боли нашей, ни потерь,
В уюты наши девичьих комнат
Толкнут испуганную дверь.
Им будут чужды немые строки
Наивных выцветших страниц,
Обоев пыльных рисунок строгий,
Безмолвный ряд забытых лиц.
Иному Богу, иной невесте
Моление будет свершено.
И им не скажет никто: отвесьте
Поклон умолкнувшим давно...
Слепое время сотрет скрижали
Годов безумных и минут,
И в дряхлом кресле, где мы рыдали,
Другие — песни запоют...

ЗВЕНЯЩАЯ МЫСЛЬ

Вот ты уснул. Тибет родной,
Изрытый желтыми пустынями,
Заголубел под снами синими.
Ты спишь в шатре, и мир иной
Тебя влечет: в немолчном шелесте,
В снегу танцующие дни,
Зигзаги улиц, гул, огни,
Такой исполненные прелести
Для глаз доверчивых, толпа,
Нестынущая, непрестанная,
И белых женщин ласка пряная,
И белой ночи ворожба...
И ты, опять глазами сонными
Увидев пыль, утесы, мох,
Пред ликом Будды горький вздох
Глушишь напрасными поклонами...
Так мнится мне. И я с тоской,
Тебе приснившийся ликующим,
По дням, над безднами танцующим,
Иду, ненужный и слепой.
И каждый раз, когда обидою,
Как струны, мысли зазвенят, —
Тебе, пастух тибетских стад,
Тебе мучительно завидую!
Приди. Возьми всю эту ложь
Самовлюбленности упадочной.
Ее ни умной, ни загадочной
Ты, разгадав, не назовешь.
Приди! Все блага, все, что знаем мы,
Все, чем живем, — я отдаю
За детскость мудрую твою,
За мир пустынь недостижимый,

За песни девушек простых,
Цветущих на полянах Азии,
За тихий плеск твоей фантазии
И крики буйволов твоих...

КРЕЩЕНИЕ

Какая рáнящая нега
Была в любви твоей... была!
Январский день в меха из снега
Крутые кутал купола.
Над полем с ледяным амвоном
В амвоне плавала заря,
Колокола кадили звоном,
Как ладаном из хрусталя.
Ты с нежностью неповторимой
Мне жала руки каждый раз,
Когда клубился ладан мимо,
Хрусталь клубился мимо нас.
Восторженно рыдал о Боге,
Об Иоанне хор. Плыли
По бриллиантовой дороге
Звонящих троек корабли.
Взрывая пыль над снежным мехом,
Струили залпы сизый дым,
И каждый раз стозвучным эхом
Толпа рукоплескала им.
И каждый раз рыдали в хоре,
И вздрагивало каждый раз
Слегка прищуренное море
Твоих необычайных глаз...

* * *

В больном чаду последней встречи
Вошла ты в опустевший дом,
Укутав зябнущие плечи
Зеленым шелковым платком.

Вошла. О кованые двери
Так глухо звякнуло кольцо.
Так глухо... Сразу все потери
Твое овеяли лицо.

Вечерний луч смеялся ало,
Бессвязно пели на реке.
Ты на колени тихо встала
В зеленом шелковом платке.

Был твой поклон глубок и страшен
И так мучительна мольба,
Как будто там, у райских башен,
О мертвых плакала труба.

И в книге слез пером незримым
Отметил летописец Бог,
Что навсегда забыт любимым
Зеленый шелковый платок.

* * *

Что мне день безумный? Что мне
Ночь, идущая в бреду?
Я точу в каменоломне
Слово к скорому суду.
Слово, выжженное кровью,
Раскаленное слезой,
Я острою, как дань сыновью
Матери полуживой.
Божий суд придет, и ношу
Сняв с шатающихся плеч,
Я в лицо вам гневно брошу
Слова каменного меч:
«Разве мы солгали? Разве
Счастье дали вы? Не вы ль
На земле, как в гнойной язве,
Трупную взрастили быль?
Русь была огромным чудом.
Стали вы — и вот она,
Кровью, голодом и блудом
Прокаженная страна.
Истекая черной пеной,
Стынет мир. Мы все мертвы.
Всех убили тьмой растленной
Трижды проклятые вы!»
Божий суд придет. Бичами
Молний ударяя в медь,
Ангел огненный над вами
Тяжкую подымет плеть.

У ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕРТЫ*И. Бунину*

По дюнам бродит день сутулый,
Ныряя в золото песка.
Едва шуршат морские гулы,
Едва звенит Сестра-река.

Граница. И чем ближе к устью,
К береговому янтарю,
Тем с большей нежностью и грустью
России «Здравствуй» говорю.

Там, за рекой, всё те же дюны,
Такой же бор к волнам сбежал.
Всё те же древние Перуны
Выходят, мнится, из-за скал.

Но жизнь иная в травах бьется,
И тишина еще слышней,
И на кронштадтский купол льется
Огромный дождь иных лучей.

Черкнув крылом по глади водной,
В Россию чайка уплыла,
И я крещу рукой безродной
Пропаший след ее крыла.

* * *

Я был рожден для тихой доли.
Мне с детства нравилась игра
Мечты блаженной. У костра
В те золотые вечера
Я часто бредил в синем поле,
Где щедрый месяц до утра
Бросал мне слитки серебра
Сквозь облачные веера.

Над каждым сном, над пылью малой
Глаза покорные клоня,
Я всё любил, равно храня
И траур мглы, и радость дня
В душе, мерцавшей небывало.
И долго берегла меня
От копий здешнего огня
Неопалимая броня.

Но хлынул бунт. Не залив взора,
Я устоял в крови. И вот,
Мне, пасечнику лунных сот,
Дано вести погибшим счет
И знать, что беспощадно скоро
Вселенная, с былых высот
Упав на черный эшафот,
С ума безумного сойдет.

БУРЯ

В парче из туч свинцовый гроб
Над морем дрогнувшим пронесся.
В парчу рассыпал звездный сноп
Свои румяные колосья.
Прибою кланялась сосна,
Девичий стан сгибая низко.
Шла в пенном кружеве волна,
Как пляшущая одалиска.
Прошелестел издалека,
Ударил вихрь по скалам темным —
Неудержимая рука
Взмахнула веером огромным,
И черную епитрахиль
На гору бросив грозовую,
Вдруг вспыхнул молнии фитиль,
Взрывая россыпь дождевую...
Так серые твои глаза
Темнели в гневе и мерцали
Сияньем терпким, как слеза
На лезвии черненой стали.

* * *

Блажен познавший жизнь такую
И не убивший жизнь в себе...
Я так устал тебя былую
Искать в теперешней тебе.

Прощай. Господь поможет сладить
Мне с безутешной думой той,
Что я был изгнан правды ради
И краем отчим, и тобой.

На дни распятые не сетуй:
И ты ведь бредила — распни!
А я пойду искать по свету
Лелеющих иные дни,

Взыскующих иного хлеба
За ласки девичьи свои...
Как это все-таки нелепо —
Быть Чацким в горе от любви!

АЛЕКСАНДРИЙСКИЙ СТИХ

Когда мне говорят — Александрия...

М. Кузмин

Когда мне говорят — Россия,
Я вижу далекие южные степи,
Где был я недавно воином белым,
И где ныне в безвестных могилах
Отгорели мигающим светом
Наши жертвы вечерние — четверо братьев...
Когда говорят мне — Россия,
Я вижу глухой, незнакомый мне город.
В комнате бедной с погасшей лампой
Сидит, наклонясь над дымной печуркой,
И плачет бесслезно так страшно, так быстро
Осиротевшая мама...
Когда говорят мне — Россия,
Я вижу окно деревянного флигеля,
Покрытого первым сверкающим снегом,
И в нем — Твой замученный, скованный взгляд Твой,
Который я вижу и тогда,
Когда не говорят мне — Россия...

* * *

Ночь опустит траурную дымку,
В черной лаве захлебнется день.
Помолись и шапку-невидимку
На головку русую надень.

Мы пойдем, незримые скитальцы,
Девочка из цирка и поэт,
Посмотреть, как вяжут злые пальцы
Покрывала на небожий свет.

Маятник, качающийся строго,
Бросил тень на звездные поля.
Это в небе, брошенная Богом,
Вся в крови, повесилась земля.

На глазах самоубийцы стынет
Мертвая огромная слеза.
Тех, кто верит, эта чаша минет,
Тех, кто ждет, не сокрушит гроза.

Не печалься, девочка, не падай
В пустоту скончавшейся земли.
Мы пройдем светящейся лампадой
Там, где кровью многие прошли.

Мы войдем, невидимые дети,
В душу каждую и в каждый дом,
Мглы и боли каменные плети
Крупными слезами разобьем.

Горечь материнскую, сыновью,
Тени мертвых, призраки живых,
Мы сплетем с рыдающей любовью
В обожженный молниями стих.

И услышав огненные строфы
В брошенном, скончавшемся краю,
Снимет Бог наш с мировой Голгофы
Землю неразумную Свою.

* * *

Что ты плачешь, глупая? Затем ли
Жгли отцы глаголом неземным
Все народы, города и земли,
Чтобы дети плакали над ним?
Жизнь отцов смешной была и ложной:
Только солнце, юность и любовь.
Мы же с каждой ветки придорожной
Собираем пригоршнями кровь.
Были раньше грешные скрижали:
Веруй в счастье, радуйся, люби...
А для нас святую начертали
Заповедь: укради и убий.
Сколько, Господи, земли и воли!
Каждый встречный наш — веселый труп
С красной чашей хохота и боли
У красиво посиневших губ.
Пой же, смейся! Благодарным взором
Путь отцов в веках благослови!
Мы умрем с тобою под забором,
Захлебнувшись весело в крови...

ЛЮБОВЬ

Странно-хрупкая, крылатая,
Зашептала мне любовь,
Синим сумраком объятая:
«Жертву терпкую готовь...»
И качнула сердце пальцами.
Тихий мрак взбежал на мост.
А над небом, как над пальцами,
Бог склонился с ниткой звезд.
И пришла Она, проклятая,
В гиблой нежности, в хмелю,
Та, Кого любил когда-то я
И когда-то разлюблю.

Глаза пьянели. И ласк качели
Светло летели в Твой буйный хмель.
Не о Тебе ли все льды звенели?
Метели пели не о Тебе ль?
В снегах жестоких такой высокий
Голубоокий расцвел цветок.
Был холод строгий, а нас в потоки
Огня глубокий Твой взор увлек.
И так бескрыло в метели белой,
Кружась несмело, плыла любовь:
«Смотри, у милой змеится тело,
Смотри, у милой на пальцах кровь».
Но разве ждали печалей дали?
Но разве жала любви не жаль?
Не для Тебя ли все дни сгорали?
Все ночи лгали не для меня ль?

Когда любовь была заколота
Осенней молнией измен

И потекло с высоких стен
Ее расплеснутое золото, —
Я с мертвой девочкой в руках
Прильнул к порогу ртом пылающим,
Чтоб зовом вслед шагам пытающим
Не осквернить крылатый прах.
И сжег, распятый безнадежностью,
Я хрупкий труп в бессонный час
У сонных вод, где в первый раз
Ты заструилась гиблой нежностью...

МОЛОДОСТЬ

Упасть на копыа дней и стыть.
Глотать крови замерзшей хлопья.
Не плакать, нет! — Тихонько выть,
Скребя душой плиту надгробья.
Лет изнасилованных муть
Выплевывать на грудь гнилую...
О, будь ты проклят, страшный путь,
Приведший в молодость такую!

* * *

Двадцать три я года прожил,
Двадцать три...
С каждым днем Ты горе множил.
С каждым днем...
Без зари сменялись ночи,
Без зари,
Черным злом обуглив очи,
Черным злом...
Тяжко бьет Твой, Боже, молот!
Тяжко бьет...
Отвори хоть нам, кто молод,
Отвори
Белый вход родного края,
Белый вход...
Посмотри — душа седая
В двадцать три...

* * *

Был взгляд ее тоской и скукой
Погашен. Я сказал, смеясь:
«Поверь, взойдет над этой скукой
Былая молодость». Зажглась
Улыбка жалкая во взгляде.
Сжав руки, я сказал: «Поверь,
Найдем мы в дьявольской ограде
Заросшую слезами дверь
В ту жизнь, где мы так мало жили,
В сады чуть памятные, где
Садовники незримые растили
Для каждого по розовой звезде».
Она лицо ладонями закрыла,
Склонив его на влажное стекло.
Подумала и уронила:
«Не верю», — медленно и зло.
И от озлобленной печали,
От ледяной ее струи,
Вдруг покачнулись и увяли
И звезды, и сады мои.

* * *

До поезда одиннадцать минут...
А я хочу на ласковый Стакуден,
Где лампы свет лазурно-изумруден,
Где только ты и краткий наш уют...

Минутной стрелки выпрямленный жгут
Уже повис над сердцем моим грозно.
Хочу к тебе, но стрелка шепчет: поздно —
До поезда одиннадцать минут...

* * *

Ты ушла в ненавидимый дом,
Не для нас было брачное шествие.
Мы во тьму уходили вдвоем —
Я и мое сумасшествие.
Рассветало бессмертье светло
Над моими проклятьями кроткими.
Я любил тебя нежно и зло
Перезванивал скорбными четками.

БЕЗДОМЬЕ

Не больно ли. Не странно ли —
У нас России нет!..
Мы все в бездомье канули,
Где жизнь — как мутный бред,
Где — брызги дней отравленных,
Где — неумолчный стон
Нежданных, окровавленных,
Бессчетных похорон...
Упавшие стремительно
В снега чужих земель,
Мы видим, как мучительно
Заносит нас метель...

* * *

И за что я люблю так — не знаю.
Ты простой придорожный цветок.
И душа у тебя не такая,
Чтоб ее не коснулся упрек.
Было много предшественниц лучших,
Было много святых. Почему
Грешных глаз твоих тоненький лучик.
Бросив все, уношу я во тьму?
Или темный мой путь заморожен,
Или надо гореть до конца,
Догореть над кощунственным ложем,
На пороге родного крыльца?
У мелькающих девушек, женщин
Ни заклятий, ни лучиков нет.
Я с тобою навеки обвенчан
На лугу, где ромашковый цвет.

Марианна
КОЛОСОВА

КАЗАЧАТ РАССТРЕЛЯЛИ

Видно ты уснула, жалость человечья!
Почему молчишь ты? — не пойму никак.
Знаю, не была ты в эти дни в Трехречье.
Там была жестокость — твой извечный враг.

Ах, беды не чаял беззащитный хутор...
Люди, не молчите, — камни закричат!
Там из пулемета расстреляли утром
Милых, круглолицых, бойких казачат...

У Престола Бога, чье подножье свято,
Праведникам — милость, грешникам — гроза.
С жалобой безмолвной встанут казачата...
И Господь заглянет в детские глаза.

Скажет самый младший: «Нас из пулемета
Расстреляли нынче утром на заре».
И всплеснет руками горестными кто-то
На высокой белой облачной горе.

Выйдет бледный мальчик и тихонько спросит:
«Братья-казачата, кто обидел вас?»
Человечья жалость прозвенит в вопросе,
Светом заструится из тоскливых глаз.

Подойдут поближе, в очи ему взглянут —
И узнают сразу. Как же не узнать?!
«Был казачьих войск ты светлым Атаманом,
В дни, когда в детей нельзя было стрелять».

И заплачут горько-горько казачата
У Престола Бога, чье подножье свято.
Господи, Ты видишь, вместе с ними плачет
Мученик-Царевич, Атаман Казачий!

УЛЫБКА СМЕРТНИКА

*Вспоминая тебя,
Владимир Р...*

За большое, за Русское дело
Мы вместе на подвиг вышли.
Ты погиб... А я уцелела.
Ты мне грех невольный простишь ли?
Горький твой, но завидный жребий!
Не поймешь ты мою усталость...
Я забочусь о крыше и хлебе,
Потому что... я жить осталась.
Но я помню, сквозь две решетки
На последнем нашем свиданье
Ты улыбкой милой и кроткой
Ободрял меня на прощанье...
И взялась откуда-то сила,
Не страшили тюрьма и голод:
Бывшим анненковцам носила
Из Заречья патроны в город!
И в ограде, на сеновале
(Тут же, близко, с тюрьмою рядом)
У меня не раз ночевали
Партизаны белых отрядов.
Ах, тогда не могла понять я,
Где взяла я храбрость и силу,
Когда в лес для повстанцев-братьев
Я оружие тайно носила.

Почему я смотрю так строго?
Потому что страдала много...
Потому что сквозь две решетки
Улыбнулся мне смертник кротко...

ОБЫВАТЕЛЬСКИЙ ТЫЛ

Клянемся гранитом традиций
И сумраком братских могил,
Что мы не отступим с позиций
В глухой обывательский тыл!
И солнце не видит незрячий,
И песню не слышит глухой...
Победу и боль неудачи
Разделим мы между собой.
Так было и будет. И вечно,
Укрывшись за чьей-то спиной,
Живет, улыбаясь беспечно,
Незрячий, глухой и... чужой!
За нашей спиной распродажа...
Какое нам дело до них?
Нам сердце живое подскажет
Правдивость путей боевых!
Но будет кровавой расплата
Для тех, кто Россию забыл...
Торгуй, пока можно, проклятый
Глухой обывательский тыл!

ДВА ГОСУДАРЯ

Вышел французский король Людовик
Навстречу Николаю — Русскому Царю.
«Брата моего встречу с любовью
И двери ему сам отворю».
Ласковы апостола Петра очи,
Ключи от рая у пояса звенят.
Русский Царь из черной ночи
Входит в пресветлый райский сад.
Лицо — северного снега бледнее,
Глаза — великой тоской горят...
И даже Петр-апостол, робея,
Отшатнулся от скорбных глаз Царя.
А король Людовик смело подходит,
Будто знакомый, будто старый друг.
И приветствует царственного брата при входе
Целованием крестных мук...
Одному в сердце вонзились пули.
У другого на плахе скатилась голова.
Только в глаза друг другу взглянули
И поняли все... Зачем слова?

НЕ ПОКОРЮСЬ!

В глухую ночь, как летописец некий,
Записываю горе наших лет.
А днем ищу я в русском человеке
Неизгладимый, негасимый свет.
Трагическая доля Ярославны —
Мой горький плач о гибнущих в бою...
Но тем, кто пал бесцельно и бесславно,
Ни слез моих, ни песен не даю.
Живу. Люблю. И верую по-детски,
Как должен верить Русский человек...
Но жив во мне строптивый дух стрелецкий —
Его ничем не вытравить вовек.
А Русь молчит. Не плачет и... не дышит...
К земле лицом разбитым никнет Русь...
Я думаю: куда бы встать повыше
И крикнуть «им»: «А я не покорюсь!»
Не примирюсь я с долей Ярославны!
И пусть пока молчит моя страна, —
Но с участью печальной и бесславной
Не примирится и она!

БЕГЛЕЦ

Голубели амурские воды
В этот тихий вечерний час.
Он бежал из «страны свободы»,
Чтоб свободно вздохнуть хоть раз!
Не убил, не виновен в краже,
И душа чиста у него.
Но страшной пограничной стражи
Во всем мире нет никого.
Черный лес обрисован четко,
Не шелóхнется даже лист.
Где-то близко ждет его лодка,
Перевозчик-контрабандист.
Вот уж близко, но бьется сердце...
До свиданья, советский рай!
Ведь не просто лодка, а дверца
Из «страны свободы» в Китай...
Но в кустах запрятанный ловко,
Притаившись, кто-то сидел.
И чьей-то угрюмой винтовкой
Был взят беглец на прицел.
И вот здесь... На пороге воли
Обожгло неожиданное «Стой!»
Захлебнулось сердце от боли
Кровяною волной густой.
Зазвенело в ушах: «Успею!»
Перевел дыханье... Прыжок!
Грянул выстрел! Второй! Скорее!
И упал он лицом в песок...
Не успел. И больше не встанет...
Значит, весело дома жил?
Кто же душу твою изранил?
А потом у границы... добил?

Рассказали амурские воды
Думу мертвых открытых глаз:
Он бежал из «страны свободы»,
Чтоб свободно вздохнуть хоть раз!

ЛЕБЕДИНЫЕ ПЕРЬЯ

Спотыкаясь, бреду без дороги я,
Тяжела ты, путина моя!
Говорят о любви своей многие,
Но никто не жалеет меня...
А дорога — песками зыбучими...
Хоть бы смерть догнала, наконец!
Да на темя еще нахлобучили
Медью кованный тяжкий венец...
Кто помог бы? А с ношей уменьшенной
Добрела б до тебя, моя Русь.
Рождена ведь я все-таки женщиной,
Не под силу мне путь... надорвусь...
От людей оградиться бы келийкой,
В свою душу поглубже уйти...
Со своей собачонкою беленькой
Разговоры простые вести...
Песни бережно в сердце вынашивать,
Завести для советников плеть,
Чтобы петь их, друзья, не по-вашему,
А по-моему мне бы их петь!
Чтобы каждая песня без промаха
Била в чье-нибудь сердце! И вот,
Вот тогда только майской черемухой
Моя молодость в них расцветет!

Смотрит в зори печальными взорами
Лебединая светлая рать.
Тяжело... над чужими озерами
Лебединые перья ронять...

НЕ СЕРДЦЕ, А СОЛНЦЕ*Далекому атаману...*

Из нерастрелянной обоймы
Опасность смертная остра!
Я знаю, встретимся с тобой мы
У партизанского костра...
Россия наша молодая
Всегда и всюду впереди,
Не сердце принесу туда я,
А солнце в трепетной груди.
Я за плечо тихонько трону
Того, кто дремлет в стороне.
«Возьми винтовку и патроны,
Умчись на вороном коне!»
И будут дни тогда часами,
Ночами — частые бои.
Удача развернет над нами
Знамена яркие свои!
Любить и ждать я не устану.
Но твой отряд — твоя семья,
И удалому атаману
Дороже Родина, чем я...
И за тобой уйду я в горы —
Твой вестовой, твоя сестра...
Я верю, встретимся мы скоро
У партизанского костра!

ЗАЩИТНИК КОРОЛЯ

«Я — королевский страж и воин,
Открытый бой люблю.
Да будет мой король спокоен:
Я верен королю!
Привык лечить вином в таверне
Ранений тяжких боль.
Бунтует чернь? Я выше черни...
А надо мной — король!
И вот кричащий, пьяный рынок
Вдруг осадил дворец!..
Я вызвал чернь на поединок,
Деритесь, наконец!»

Он нанизал на кончик шпаги
Шипящие сердца
И... насмерть ранен, сын отваги,
Упал возле крыльца..
Клич рынка, гнусный клич «Свобода!»...
О глупость и тоска!..
Он задержал толпу у входа,
Пока пришли войска.
В небесной голубой таверне
Сказал спокойно он:
«Пусть я погиб от злобной черни,
Но мой король спасен!»

РУССКОМУ РЫЦАРЮ*Борису Коверде*

С Дальнего Востока — в Варшаву,
Солнцу — привет из тьмы!
Герою, воспетому славой, —
В стенах варшавской тюрьмы.

Золотыми буквами — Имя
На пергаменте славных дел.
И двуглавый орел над ними
В высоту голубую взлетел!

Зашептались зеленые дали...
Зазвенела Русская ширь...
Ты — литой из блестящей стали,
Из старых былин богатырь!

И закорчился змей стоглавый,
Видно, пули страшней, чем слова?
И под стены старой Варшавы
Покатилась одна голова...

Нам еще отрубить осталось
Девяносто девять голов...
Но нам ли страх и усталость?
На подвиг каждый готов!

И огнями горит золотыми
Путеводная наша звезда —
Дорогое, любимое имя:
«Русский рыцарь Борис КОВЕРДА!»

И ПТИЦЕ НЕЛЬЗЯ?

Пускай там люди другие...
Не порвется живая нить,
Я хочу уехать в Россию,
Чтобы там работать и жить.
Неужели для певчей птицы
Надо визу, штамп и печать?
И солдаты там на границе
Могут птице крылья связать?
Я тихонько жалуясь Богу
(Людам жаловаться горда!):
Даже птицу обидеть могут,
Даже птице нельзя туда.
Но кричит отвага: «Попробуй!»
Шагни-ка через «нельзя»!
Загляни в сухие от злобы,
В помутневшие их глаза.

БЕССМЕРТИЕ*Погибшему брату*

От жизни, от ее угроз
Ты, говорят, ушел на небо.
Тебе ничьих не надо слез.
Не надо ни любви, ни хлеба...

Так неожиданно для нас
Собрался в дальнюю дорогу.
Но о тебе скажу сейчас:
Отмучился... и слава Богу!

Ты, настоящий и большой,
Был слишком ярким между нами,
С такой суровою душой,
С такими грозными глазами.

Когда рванет железо с крыш
Летящих пуль горячий ветер,
Я удивлюсь, что ты молчишь,
Что нет тебя на этом свете.

Сказал ты, помню, в дни войны
(В тебе проснулся пыл военный):
«Как хорошо, что две страны
Поговорили откровенно!»

Судьбы непобедима власть!
Одну тропу избрав меж тропок,
Ушел ты, чтоб навек упасть
Среди крутых маньчжурских сопок.

И рядом спят твои друзья.
С земным покончены расчеты.

И песенка звучит моя
По-деревенски, как причеты.

Места, где ты лежишь, пусты,
И сопки голые унылы.
А ветер гнет к земле кусты
И воет около могилы.

Там прах лежит, не ты, не ты!
Душой бессмертной ты с нами.
Несем мы в жизнь твои мечты
Живыми сильными руками!

ХЛЕБ И УГОЛ

Свой собственный и хлеб и угол —
Награда за тяжелый труд.
Собака заменяет друга,
Стихи о вечности поют...
Свой собственный и хлеб и угол...
И пусть пытливая душа
Над рифмой звонкой и упругой
Замрет... и мыслит не спеша.
Что мне Нью-Йорк, Париж и Прага?
Зачем мне белокурый паж,
Пока шуршит в руках бумага
И дышит черный карандаш?
За желтой колесницей славы
Я, задыхаясь, не бегу;
Зато писать имею право
И на песке, и на снегу.
Чужие книги прочитаю,
В чужие души загляну,
Но не забуду гор Алтая,
Не разлюблю мою страну!
Не надо золота и славы.
Ты, озаривший путь звездой,
Дай человеческое право
Мне свить на родине гнездо!
В вечерний отдых от заботы
Чтобы могла сказать потом:
«И хлеб мой честно заработан,
И на родной земле мой дом».

БЕССМЕРТНИК

У далекой реки,
Где живут и колдуют шаманы,
Берега высоки
И прозрачны ночные туманы.

Высоки берега,
Над водою — обрывы крутые.
И темнеет тайга
Со времен Ермака и Батя.

Со времен Ермака...
Молчаливы степные курганы,
Молчалива река,
Где звенят бубенцами шаманы.

И другие живут,
Но другие попали случайно,
И они не поймут
Величавую древнюю тайну.

Тайну старой тайги,
Где ночные опасны засады,
Не отыщут враги
Драгоценные русские клады.

Первый клад Иртыша,
Что лежит, в волны темные канув:
Боевая душа
Ермака, победителя ханов!

Охраняет тайга
Клад второй: молодую Россию!

И пугает врага
Мрачным шумом лесная стихия...

Реки, степи, леса...
Сколько воздуха, солнца и шири!
И звенят голоса
Старой песней о Русской Сибири!

И казак удалой
Из безвестной сибирской станицы
Рисковал головой,
Охраняя родные границы.

«Жили мы на Оби... —
Так рассказывал дедушка внуку. —
Ты свой край полюби
За красу, за отвагу, за муку!»

Там бессмертник цветет,
Там шаманы звенят бубенцами...
Все чужое умрет,
Все родное — останется с нами.

БОР МОЙ

Плачу над грушей дюшес,
Сгорбилась в горе великом:
Где ты, родимый мой лес,
Папоротник, земляника!

Право, смешной разговор:
Я разлюбила бананы.
Бор мой, сосновый мой бор,
Запах медовый и пряный!

Может быть, в этом году
(Дай помечтаю немножко!)
Утром на зорьке пойду
В рощу с плетеным лукошком.

Как это мог ты забыть?
Тише... в лесу — это в храме!
Буду собирать я грибы
И воевать с комарами.

Лес мой, родимый мой лес!
В горести сгорбила спину...
Видно, попутал нас бес
И уволок на чужбину.

Грусть мою, русскую грусть
Выпущу птичкой из рук я.
Допьяна нынче напьюсь
Новой печалью — разлукой.

Склоны отвесные гор...
Нет, уж не песней, а криком:
— Бор мой, сосновый мой бор,
Папоротник, земляника!..

БУДЕТ!

Провели черту и сказали: граница!
А по обе стороны — живые люди.
И близким в разлуке тоскливо снится,
Что встречи не будет...

Провели черту. И стоят солдаты.
Пули в винтовке, в «нагане», в «смите»...
Отсюда кричу: «Отдайте брата!»
А с той стороны: «К сестре пустите!»

Стоят, как серые камни, молча.
Поджидают пули сестру и брата.
И над стражей чья-то жестокость волчья...
И стража не виновата.

Смертные шаги — перейти границу...
Но по обе стороны смелые люди!
Надо желать и уметь добиться...
И встреча будет!

БУСЫ

*Нанизываю бусы прошлых дней
На черную нитку памяти...*

Вспоминать как будто бы и не о чем,
Только, видно, час такой настал...
Молодость моя была не девичья,
По-мужски сурова и проста.

Прошлого кусты чуть-чуть раздвину я,
Вспомню все без жалоб и без слез.
Правда, были ночи соловьиные —
Соловья-то слушать не пришлось.

Не пошутишь шальными изменами,
В дни, когда кругом тоска и кровь...
Эх, ты, жизнь не девичья, военная!
Фронтová горькая любовь!

Над страной зарделось знамя алое.
Злоба факел яростный зажгла.
И в глазах любимых увидала я
Гордость полоненного орла.

Коротка расправа с офицерами:
Пуля из ружейного ствола.
Труп его, прикрыв шинелью серую,
Мертвеца вождем я назвала...

С той поры и вспоминать-то не о чем...
Мечь зажгла мне очи и уста!
Стала жизнь не женская, не девичья —
По-мужски сурова и проста.

*Рассытеться бусы прошлых дней
С разорванной нитки памяти...*

В МИРЕ МЕМУАРОВ

Мы с тобой врагами не добыты,
Но в тупик глухой заведены,
Два обломка королевской свиты,
Короля трагической страны.

Подвиг — это миг самозабвения,
Огненный полет в ночную высь.
Клятву долголетнего терпенья
Мы с тобою выполнить взялись.

Жизнь диктует новые законы,
Вожаки кричат: «Не отставай!»
Но перед отцовскою иконой
Огонек зажечь не забывай.

Никому нас не переупрямить,
Жизнь борьбой неравною полна.
В эти дни сожжем о прошлом память,
Чтоб не помешала нам она!

Чтоб душа слезой не растекалась,
В мусорную яму сволоку
Нашу эмигрантскую усталость,
Нашу эмигрантскую тоску.

В ПУСТЫНЕ

Россия? Ты еще жива?
В цвету черемуховом ты ли?..
Зимой, наверно, на дрова
Мою черемуху срубили...

Мужчины будут по-мужски
Решать мудреную задачу.
А я в цепях немой тоски
Молюсь и жалеюсь, и плачу.

Россия? Ты еще жива?
Ты новой ждешь войны и крови?
На помощь звать? Но где слова?
И есть ли нынче сила в слове?..

Неправда! Ты не умерла,
Хоть и подрублена под корень,
С душой Двуглавого Орла,
Который грозам непокорен!

Ты — вся в огне и вся в цвету,
И ты ни в чем не виновата.
Лелеешь новую мечту —
И громового ждешь раската.

Детьми замученная мать!
И мы обречены судьбою
Тебя любить и понимать,
И плакать горько над тобою.

Какое счастье русским быть!
Какая тяжесть быть им ныне...
В России горько стало жить,
А без России мы... в пустыне.

В БРОНЮ ЗАКОВАНА

*Русскому Обще-Воинскому Союзу
посвящаю*

Переберу рукой взволнованной
Страницы прошлых ярких дней,
И встанет Русь, в броню закована,
В красе воинственной своей!

Сегодня вспомним мы нечаянно
Имен и дел великих ряд...
И в красоте своей отчаянной
Набег Аскольда на Царьград!

Впервые стал Царьград добычею.
И первые Аскольд и Дир
Мечами звонкими и кличами
О русских известили мир!

А Святослав с дружиной верною
Прославил Новгородский край.
Его отвагу беспримерную
Узнали Волга и Дунай.

А битва на Неве со шведами,
Где Александр пресветлый вновь
Украсил Русь своей победою
И пролил вражескую кровь.

И Куликово поле знаем мы,
Где Дмитрия Донского рать
Разбила полчища Мамаевы.
Привычным стало — побеждать!

На небе сумерками поздними
Расскажет алая заря
Нам про Царя Ивана Грозного,
В России первого Царя.

Конь Грозного чертил подковами
Победы радужную грань...
Пред покорителями новыми
Склонилась буйная Казань.

Восток далекой снежной тайною
Манил вечернюю зарю...
Отдал Ермак Сибирь бескрайнюю
В подарок Грозному Царю.

А дальше бой, воспетый Пушкиным,
И мне ли петь после него?
И не Полтавскими ли пушками
Гремело эхо над Невой?

А дни Суворова, которыми
Костры победы зажжены
Над безграничными просторами
Моей прославленной страны!

Пуškai враги от злобы хмурятся,
Мы духом были велики —
И по Парижским ярким улицам
Наш Царь провел свои полки!

Забуду нынешнее горе я,
Мне ясен наш грядущий путь:
Нельзя страну с такой историей
Ни задушить, ни зачеркнуть!

Потомки славных тех воителей
Вдали от родины своей
Заслужат лавры победителей
На рубеже грядущих дней.

ВЕЛИКАЯ РОССИЯ

*О маленьких детях Великой страны,
Которые сказкам и елкам верны.*

От маминой нежной и милой руки
На елке зеленой зажглись огоньки...

А где-то далёко большая страна,
И снегом и кровью покрыта она.

И, может быть, встанет она из крови
От детской молитвы и детской любви.

Мы тоже похожи с тобой на детей,
Все ждем из России хороших вестей.

И с детской улыбкой смотрю я туда,
Где сердце осталось в плену навсегда.

Зеленая елка напомнила мне
О грозной, о темной, о милой стране.

О снежном, холодном, великом пути,
Которым должны мы к победе идти.

В Рождественский вечер запела метель:
Победа... Россия... великая цель!..

Для этой прекрасной и грозной страны
И люди великие духом нужны.

Пусть по России промчит ураган —
На крыльях горячих погибель врагам!

Да будет, как воздух и хлеб и вода,
Для русских Россия — Россией всегда!

ВЕЧЕРОМ

Да, жизнь за плечами большая...
И в трепетном зареве дней
Я многим на свете мешаю
И жизнью, и песней своей.

И часто над книгой склоняясь,
Я что-то родное ищу,
И жизнью чужой восхищаясь,
Над гибелью чьей-то грущу.

А ночью, при свете лампы,
Учусь я прощать и жалеть.
Мне многого в жизни не надо,
Но сделать бы что-то успеть.

Поет за стеною соседка
О жизни, о счастье, о нас,
О том, что встречаются редко
Хорошие люди сейчас.

И строим чужие солдаты
По улице гулко идут.
И так же, как наши когда-то,
Солдатские песни поют.

А в небе далеком, бесстрастном
В собор на молитву зовут.
По звездам — по камешкам ясным —
Ко всенощной души идут.

ВЦЕПИВШИСЬ В ПОВОДЬЯ

Копыта цокали о камень...
Нас двое в мире — конь и я.
А там, в пространстве за хребтами,
Темнеет родина моя.

Скала вздымалась над тропею,
А ширина тропы — в аршин.
Отчаянья копьё тупое
Коснулось дрогнувшей души...

Печальный сумрак над Алтаем
Раскинул трауром вуаль.
Мой конь родной, мы погибаем!
Себя не жаль — коня мне жаль.

Из-под копыт сорвался камень,
И грохот камня, словно взрыв.
Мой умный конь прядет ушами,
Косится глазом на обрыв.

Здесь где-то замок Черномора,
Людмилу здесь искал Руслан...
Тропинка уже, круче горы,
Ползет из пропасти туман.

Там за хребтами — Беловодье,
Край Божьей русской красоты...
Нет, я не выпущу поводья!
Мой конь, не поскользнешься ты!

ГИБЕЛЬ ЛЮБВИ

1

Это было в восставшей России,
В алом зареве огненных дней,
Когда слепли свои и чужие —
Кто от слез, кто от ярких огней.

Когда пули летали, как мухи,
И привычным стал трепетный страх.
Когда выли в селеньях старухи
И Антихриста ждали на днях...

Пули пчелами песенки пели,
Люди кланялись низенько им.
Вот тогда кто-то в серой шинели
Был таким молодым-молодым...

Молодежь — беззаботные люди,
Молодому — всегда хорошо!
Повстречался под грохот орудий,
А под залпы винтовок ушел...

Сколько вас, черноглазых девчонок,
Сколько вас, белокурых принцесс,
Закрутил полюбивший бесенок,
Поцелуевый ласковый бес!

Где-то красным знамена пылали,
Там трехцветные флаги вились...
Но в Одессе, в Москве, на Урале
Рядом с гибелью пенилась жизнь!

Кто-то жег, кто-то вешал и резал...
Ах, когда же кошмару конец?

Ведь не выжечь каленым железом
Жажду счастья из юных сердец!

Сколько, сколько невест черноглазых,
Сколько вас, синеоких, теперь —
Не увидевших счастья ни разу,
Но оплакавших горечь потерь...

Гильотина с кровавою свитой,
Как жесток твой карающий нож!
Как убийственны списки убитых,
Где вдруг милое имя найдешь...

2

Наши матери влюблялись при луне,
Вместе слушали с любимым соловья...
Твой возлюбленный в шинели, на коне,
Среди крови гаснет молодость твоя...

Не жених ли твой под Харьковом погиб?
На носилках там не твой ли без ноги?
Сероглазая моя, ведь это твой
Комиссарами расстрелян под Москвой?

Молодого мужа, вырвавши из рук,
Растерзала разъяренная толпа...
А у той на юге где-то милый друг
Под буденовскими шашками упал...

Сколько их, считавших долгие года,
Не дождавшихся любимых никогда...
Белокурых, русокудых, молодых...
Кто считал ваши печальные ряды?

Тяжко каждой, если милый друг убит.
Участь горькая для всех для нас одна.
Одинаково заплакали навзрыд
С комиссаршей офицерская жена...

Наши матери влюблялись при луне,
Обручались под распевы соловья.
А как мы любили, пусть расскажет мне
Искалеченная молодость твоя!

3

Встретились на вокзале —
Кто-то нас познакомил.
Мало мы слов сказали,
Многое взгляд запомнил.

Несколько встреч коротких.
Сердце тревогу било...
Дрогнули нежные нотки
В голосе его милом.

В грохоте эвакуаций
Гасли нежные нотки.
Нам суждено расстаться,
Час наш такой короткий...

Все-таки мы успели,
Все-таки мы сказали
Все, что сказать хотели,
В грохоте... на вокзале.

Нежные перезвоны
В каждом ласковом слове...
Как тяжело влюбленным
В годы борьбы и крови!

Крики кругом: «Свобода!»
Мне свободы не надо.
Годы ждала его, годы...
Медленно гасла радость...

И, наконец, узнала:
Нету его на свете...
Камнем наземь упала...
Плач мой разносить ветер...

4

Завесу былого откроем
И видим: в горящей стране
Идут рука об руку трое —
Война и разлука, и... смерть!

Под залпы, под грохот орудий,
Сквозь черный удушливый дым —
Проходят, как грозные судьи,
Тоскующих женщин ряды.

Не надо свободы и славы —
Мы созданы, чтобы любить...
Отдайте нам светлое право
Любить и любимыми быть!

ГУМИЛЕВ**1**

Люди нынче измельчали.
Скучно Музе меж людьми...
Уходи от злой печали
И меня с собой возьми.
И от этой серой пыли,
От ненужной суеты
Ты уходишь? Не в скиты ли?
Полно, где теперь скиты?!
Удивленные, большие
Глянут очи на меня.
Кто ты? Тихая Россия?
Или молодость моя?
Потайной из рая дверцей
Вдруг выходит Гумилев,
С большевицкой пулей в сердце,
Беспощаден и суров.
Гневом-горечью сгорая,
Потемнее выбрав ночь,
Он ушел тайком из рая,
Чтобы родине помочь.
У него ли за плечами
Блещут светом два крыла?
О душе его ночами
Пели гимн колокола...
На геройство не готова,
Но за боль моей любви —
Светлой смертью Гумилева
И меня благослови!

2

Откуда покорность эта,
Откуда эта любовь?

Расстрелянного поэта
Недавно брызнула кровь...
И снова сдвинула брови:
Певец над певцами, князь!
И, вспомнив о Гумилеве,
Я снова злобой зажглась.
Недавнюю эту рану
Рукой на груди зажму.
Кого обвинять я стану?
Кого «прощу и пойму»?
Тащить в подвал на расправу
Свою небесную весть,
Свою высокую славу,
Свою народную честь!..
И чья-то тупая морда
Направила свой наган
В него, идущего твердо,
Не сгорбившего свой стан.
За воина и поэта,
Чей взор орлиный был горд,
Расстрелять бы в ту ночь, до рассвета,
Сотню безумных морд!

ДАР УЛЬГЕНЮ*

«Золотое озеро» на Алтае,
Горы гордо высятся над тайгой —
Это моя родина золотая,
Это мое самое дорогое!

Дым полоской стелется над логами,
Юрты островерхие дышат дымом.
Солнышко над конскими табунами...
Радостно рассказывать о любимом!

Кланяюсь ползущему с гор туману,
Издали сиреневым дальним скалам,
Буйному, сердитому Чолышману!**
Их красу я памятью отыскала.

Чу! Гремит молитвенно старый бубен.
Там Ульгеню молятся, там камлают.
«Мы вас, духи горные, чтим и любим!» —
Голоса гортанные призывают.

В вечном одиночестве дремлют горы,
Грезят кедры древние в лунном свете.
Это все увижу я, но не скоро...
Жизнь моя летящая, вихорь-ветер!

В небе ястреб плавает одиноко,
В сторону кидаются птичьи стайки...
Шлю с улыбкой ласковой издалёка
Дар Ульгеню песенный от алтайки!

* Ульгень — добрый бог алтайцев.

** Чолышман — река на Алтае.

ДЕРЖАВНОЕ ЗНАМЯ

Пылала Русская Держава...
Пожар полмира озарял!
Но не погибла наша слава
И стяг трехцветный не упал.

Мы унесли его оттуда
И никому не отдадим.
Как честь свою, как веру в чудо,
Мы знамя русское храним!

Героям солнце светит в очи.
Пути иные. Цель — одна.
Пускай у храбрых жизнь короче,
Им слава вечная дана.

Взглянув на пройденные тропы
Вспомянем прадедов сейчас:
Пол-Азии и пол-Европы
Отвоевали вы для нас!

Страна родная, край любимый,
Должны мы жизнь свою отдать,
Чтоб вновь Великой Неделимой
Державой ты могла бы стать!

ДОБЕЙ МЕНЯ!

Лежит распластанный бессильно на снегу,
Покинутый на поругание врагу.
Он другу, волочась за ним в пыли,
Хрипел моляще: «Ради Бога, пристрели!»

Но друг ушел, не пожелав добить
Того, с которым он привык делить
Опасности, тревоги и труды,
Сухарь солдатский и глоток воды.

Сказал: «Мы всё делили пополам,
Но пулю смертную тебе я, друг, не дам».
И он, распластанный, остался на снегу,
Покинутый на поругание врагу...

Настала ночь. Был стон его слабей,
В бреду шептал: «Добей меня!.. Добей!»
И вот, рожденные в полях чужой земли,
К нему враги надменно подошли.

И резкость слов чужого языка
Сознание прояснила слегка.
Но в этот миг блеснул над грудью штык...
Тупая боль... Короткий слабый крик!

Он вновь один. Затих и стон, и бред.
И никого на мертвом поле нет...
А от друзей был пушечный салют:
«Мы знали, что враги тебя добьют!»

А он уже летел в тот милый край,
Где Бог построил мученикам рай.
Он был в стране, где нет земных голгоф,
Где ненависти нет и нет врагов.

ЕЛКА НА ЧУЖБИНЕ

Будь спокоен и весел сегодня,
Кинь заботу о завтрашнем дне.
Не грусти, что по воле Господней
Ты один на чужой стороне.
Здесь мерцает зеленая елка
Нежным светом грустящих огней;
И пластинка скользит под иголкой
У виктролы поющей моей.
Не тоскуй же, не надо, послушай,
Не один ты, нас много таких...
Злобный ветер обжег наши души
И на время как будто затих.
Если враг человек человеку,
То пристанище тихое — Бог!
Видишь, ветер двадцатого века
Потушить нашу елку не смог.
Значит, есть еще правда на свете,
Если праздник святой не забыт!
Пусть в сердцах ваших, русские дети,
Негасимая елка горит!
В этот вечер пойдем и поверим,
Что теперь мы с тобой не одни,
Что Господь нам воздаст за потери
И за горькие, слезные дни.
Светит русская елка в Китае.
Ты спросил: «А в Россию когда?»
Я ушедшие дни не считаю,
Потому что еще молода.
Моя молодость пламенно верит:
Близок день тот счастливый и год,
Когда Бог за тоску и потери
Нам на родине елку зажжет!

ЗА ОБИДУ

По ночам я о многом думаю,
На подушку слезы роняю,
Но маленькую личную беду мою
К общей не приравняю.

На чужбину шквалом отброшены,
Оглушенные гулким громом,
Раскатились мы, как горошины,
В поле чуждом и незнакомом.

Не люблю я запаха ладана,
Рано петь по нас панихиду,
Будет день: нежданно-негаданно
Отомстим за нашу обиду!

Не за ссылку за нашу дальнюю,
Не за горечь отдельной драмы —
За обиду национальную,
За поруганные наши храмы!

За все то, что русскому дорого,
Что для сердца русского свято, —
Отомстим мы жестоко врагу
В грозный год Великой расплаты!

ЛАЗОРЕВЫ ЦВЕТЫ*Наташе Г.*

За морем (для сердца друга близко)
Помню, что живет уж много дней
Девушка Наташа в Сан-Франциско,
Далеко от родины своей.

Белокуры спутанные косы,
В сердце — нежность, удаль и гроза!
И неразрешимые вопросы
Затаили синие глаза.

Заклинаю старой дружбой нашей:
Помни среди чуждой красоты,
Что в России чужеземных краше
Во полях лазоревы цветы.

Города на свете есть другие.
В Сан-Франциско, вот уж скоро год,
Девушка, рожденная в России,
В небоскребе каменном живет.

Где б ты ни жила, навеки наша.
Знаешь ли, на что похожа ты?
Имя твое нежное — Наташа —
Во полях лазоревы цветы.

МЕДНЫЙ ГРОШ

Не осталось ни тропинки, ни следа
От ушедших в неизвестность навсегда.
Были. Жили. И куда-то все ушли
От любимых, от друзей и от земли.

А поля-то, как и раньше, зелены,
А леса стоят дремучи и темны.
Там, где были староверские скиты,
Нынче травы да лазоревы цветы.

Там по тракту в день весенний голубой
Проводили осужденных за разбой;
Там девчонка из медвежьего угла
Достоевскому копеечку дала.

Край, где люди по-хорошему просты,
Где размашисты двуперстные кресты,
Где умели и в молитвах, и в бою
Славить родину великую свою.

Только камушки остались от святынь,
И поля покрыла горькая полынь;
Но по-прежнему чиста и хороша
Светлой жалостью российская душа.

Помнишь, девочка безвестного села,
Как ты грошик Достоевскому дала?
Но едва ли ты, родная, сознаешь,
Что Господь тебя спасет за этот грош!

МОЙ ЩИТ

Утомленная долгой борьбою,
Боль и страх от врагов затая,
Как щитом, я укроюсь Тобою,
Православная вера моя!
И во мраке глухом преисподней,
И в просторах безбожной страны
Осененная волей Господней
Не погибнет душа без вины.
Я упасть под мечом иноверца
И сгореть на костре не боюсь
За Христово пронзенное сердце —
За тебя, Православная Русь!

НА ПОСТОЯЛОМ ДВОРЕ

Вставала затемно со свечкой.
Был слышен кашель за стеной.
Шла умываться на крылечко,
Где умывальник жестяной.

А под навесом, в полумраке,
Где кони хрумкали овес,
Чужие лаяли собаки
И пахло дегтем от колес.

Сейчас поедем. Мимо пашни,
Там, где под взрыхленной землей
Лежит мужицкий труд всегдашний
И клад наш русский золотой.

За синеватой дымкой — горы:
Алтай, утесы, снег и даль.
Мои знакомые просторы,
Моя знакомая печаль.

Блестает куполом церковным
Вдали какое-то село...
Опять меня к родным и кровным
Живое сердце увело!

И здесь, в чужом холодном мире,
Вдруг, не сдержавшись, закричу:
«Эй, далеко ли до Сибири?
Гони, ямщик! Домой хочу!»

НА ТОЙ СТОРОНЕ

Во вражеский лагерь не каждый пойдет,
Не каждый рискнет головой.
Не знает он, встретит ли солнца восход
И будет ли завтра живой.

Орлиную душу свою он понес
На крыльях отваги в борьбу,
Ушел он в страну громяющих гроз
Испытывать жизнь и судьбу.

А если вернется, то скоро опять
На подвиг отправится он.
А женское дело — молиться и ждать,
Склоняясь над шелком знамен.

Скрипят под иглою тугие шелка.
Три буквы и крест на шелках.
Пусть будет винтовка верна и легка
В его молодецких руках.

За карие очи, что смотрят во тьму,
За руки, которые мстят,
Молюсь я. Дай, Боже, удачи ему,
И пусть он вернется назад!

НАШЕ ГОСУДАРСТВО

Родина, к Тебе прийти нельзя...
Знаю, у границы встретит стража:
Твой тюремщик, пулей мне грозя,
О любви к Тебе не спросит даже.

Будут снова арест и тюрьма.
От душевной боли изнывая,
В одиночку я сойду с ума,
Каждый вечер смерти ожидая.

Отчего ж, при мысли о Тебе
В сердце столько гордости-отваги?
И стихами о Твоей судьбе
Я мечтаю вслух и на бумаге?

Родина, к тебе нельзя прийти...
Я в слезах протягиваю руки
И клянусь учиться и расти,
И любить, любить тебя в разлуке.

О России младшим говорю,
Начиная: «В некотором царстве...»
Вам мечту суровую дарю
О могучем Русском Государстве!

Пусть придет строитель и герой,
Как пришел Великий Петр когда-то!
Родина... навеки мы с тобой
Связаны таинственно и свято...

НЕ В ЭТОМ ЛИ ГОДУ?

В Иркутске, в сквере, около вокзала,
Я на скамье садовой ночевала,
Да не одну, а двадцать пять ночей...
Бежала я от предстоящей муки,
Фальшивый паспорт обжигал мне руки,
Глаза слепил блеск вражеских мечей.

А в Ангаре, в ее зеленых водах,
Сверкали слезы моего народа,
И берег окровавленный вздыхал...
И, взглядом утонув в зеленой мути,
Мечтала я о трепетной минуте,
Когда вскипит, грозя, девятый вал!

Но шли в остроконечных шлемах люди...
И я терялась... может быть, не будет?
Победа, как и солнце, далека...
И мне хотелось вместо дум о мести,
С моим народом гибнуть, гибнуть вместе —
За кровь, за вздох, за душу Колчака.

Я отыскала ту святую гору,
Где смерти в очи он взглянул спокойным взором,
Где муку принял он за свой народ...
В тот час я верила: Россия будет снова,
Пусть только Унгерн скажет властно и сурово
Своим полкам призывное «Вперед!»

Об Унгерне ползли глухие слухи;
Но красный командарм, товарищ Блюхер,
Грозил в Чите железным кулаком!
Кругом в остроконечных шлемах люди,

И я средь них, с моей мечтой о чуде,
А рядом — синеглазый военком...

Слова любви? Не слушаю, не надо!
Ведь между нами жуткая преграда —
За гибель Родины в душе пылает месть...
Но вот взмахнули крылья злого рока!
Рассеяны защитники Владивостока...
Последняя ошеломляющая весть...

Потом... все было тускло и бесцветно...
Все эти годы с верой беззаветной
Я чуда, только чуда — жду!
Не я одна, а все мы много весен
Зовем и молим, требуем и просим:
Когда? Не в этом ли году?

Я чувствую, что многие устали...
И будто бы кинжал дамасской стали
Пронзила душу мне тоска...
Ах, лучше бы нам всем на поле чести
Погибнуть бы тогда, с другими вместе —
За кровь, за вздох, за душу Колчака!

НЕ СКЛОНИМ ГОЛОВУ!

Вдруг снова солнце в душу брызнуло!
Погибла Родина? О, нет!
Над красной похоронной тризною
Смеется воин! И... поэт.

Ни перед кем не склоним голову!
Для нас не кончена игра:
Россия даст еще Суворова
И даст еще Царя Петра!

НЕОТРЫВНАЯ

Не пленница и не рабыня,
Но каждый час и каждый год
Я от рожденья и донине —
Твоя, великий мой народ!

Русь, о тебе вдали тоскую,
Любовью кровною люблю,
На веки вечные родную,
На веки вечные мою!

И в грохоте чужих историй
Твоя история близка.
Твое-мое и наше горе.
Твоя-моя — одна тоска...

И в ненависти не одна я:
Мой дух в холодной тьме узрел,
Как отдает моя родная
Своих героев на расстрел...

Национальные герои
Прославят родину мою.
Им вечный памятник построю
И цоколь песней обовью!

НЕЧЕГО ТЕРЯТЬ

Что для нас грохочущие войны?
Марсом озарен наш темный путь.
Паника! А мы с тобой спокойны,
Только усмехаемся чуть-чуть.

Но и улыбаемся мы строго,
И в улыбках мудрость и печаль.
Мы с тобою потеряли много.
Головы остались... их не жаль!

И войны бояться мы не будем,
Хуже нам не может быть теперь.
Родину утратившие люди
Не страшатся горестных потерь.

Будем равнодушно жить, как жили,
Не нужны пока мы никому.
Слава Богу, близких схоронили!
В эти годы легче одному...

Мертвому спокойнее в могиле.
Да и нам спокойнее за них.
Ведь не раз с тобой мы говорили,
Что жалеть приходится... живых!

ОТЦОВО КОПЬЕ

Народ мой в неволе, в тоске изнемог...
Доколе, о Боже, доколе?
За дерзость и грех наказует нас Бог,
За дерзость и грех мы в неволе.

В ночи наш пожар полыхай до зари!
Слезами зальем ли мы горе?
А наши убитые нами Цари
Скорбят о великом позоре.

И русское горе, и горе мое
Руками сплету воедино.
А вырастет сын, я отцово копье
Отдам ненаглядному сыну.

Скажу я: похож на отца, ты, мой сын,
Борись, как и он, за Россию!
Будь воином храбрым, ты в поле один,
Коль с поля уходят другие.

ПЕПЕЛЬНИЦА ИЗ ЧЕРЕПА

Много было их, а не один...
Из болотных топей да трясин
При багровых отблесках зари
На Руси рождались бунтари.

Посвистом запугивал судьбу
Соловей-разбойник на дубу.
И купцов проезжих и бояр
Грабил по дорогам Кудеяр.

Пугачева шапка да кафтан
Долго в снах тревожили дворян.
Но другие были времена,
И другой была моя страна!

Не было плаксивых, жалких слов —
Был топор для бешеных голов!
Их палач за буйны кудри брал,
Над толпой с усмешкой подымал.

Нам теперь понятен этот смех —
Может быть, не всем и не для всех!
Я бы над казненным «Ильичем»
Усмехалась вместе с палачом.

И, с усмешкой вглядываясь в тьму,
Бунтаря-рабочего — пойму,
Соловья-разбойника — прощу.
Я других виновников ищу...

Ведь в стране святых монастырей
Нарождалось много бунтарей.

Ненавистней всех из них один:
Умствующий барин-дворянин.

Я б над дворянином «Ильичем»
Издевалась вместе с палачом.
Этот череп «павшего в борьбе»
Пепельницей сделала б себе!

Но ни топора, ни палача
Не нашлось у нас для «Ильича»...

ПЕСНЯ ОТМЩЕНИЯ

Знаю, песню отмщенья за гибель
Пропоют мне на том берегу...

С. Есенин

Милый, старший мой брат Есенин,
Голос твой — раскаленная медь!
Но в стране, где царствовал Ленин,
Было трудно песням звенеть...

И встает из глубин туманных
Милый облик твой голубой...
Ах, зачем отравили обманом
Твое сердце, мой дорогой!

Красоту в октябре суровом
Ты напрасно, мечтатель, искал.
Обманул тебя делом и словом
Подлый циник и зубоскал.

Потускнело и «солнце-Ленин».
Это был просто красный фонарь...
Эх, Есенин, ты мой, Есенин,
Колокольни советской звонарь!

Обманули тебя, обманули!
Видел ты, как крестьяне твои
Еще больше спины согнули
От кроваво-красной пурги.

И певец свободы прекрасной,
Революции ярких чудес, —
От какой-то мысли ужасной
Неожиданно в петлю полез...

Революция! Братство и слава!
Но мечты все пошли на слом...
Ведь свободу чекист корявый,
Словно мышь, придавил сапогом!

Эта песня надгробным рыданьем
Прозвучит «на другом берегу».
За тебя от поэта в изгнанье
Прогремит проклятье врагу!

ЧЕКИСТ

По ступеням, плесенью покрытым,
Он спускается куда-то вниз.
И в глазах его полужакрытых
Кокаин с безумием сплелись.
Как «помощник смерти» ежедневно
Он от крови человеческой пьян,
И в руке сверкает блеском гневным
Друг его единственный — наган.
По ступеням, плесенью покрытым,
Он идет, не торопясь, в подвал.
(Кто-то там остался недобитым,
Кто-то смерти жуткой ожидал...)
Заскрипели ржавые засовы!
Дверь молчаньем кованым молчит...
О, по ком-то панихиду снова
Пропоют тюремные ключи!
Он вошел. В руке клочок бумажки,
Смерть там начертала имена.
Миг предсмертный, роковой и тяжкий...
В камере и жуть... и тишина...
Вызывает смертников по списку.
Голос хриплый режет тишину.
(Кто-то шепчет: «Гибель моя близко,
Наконец от пыток отдохну!»)
И выходят смертники, как тени...
Переводят их в другой подвал.
(Кто-то в страхе падал на колени
И чекисту... руки целовал!)
Он стреляет медленно в затылок...
Ночью ему некуда спешить.
Батарейку пеструю бутылок
Он и днем сумеет осушить.

Сосчитал. «Сегодня восемнадцать!»
Залит кровью щегольский сапог.
Будет он над мертвым издеваться,
Вынимая шелковый платок.
И платком душистым вытрет руки,
И, сверкая золотом зубов,
Он зевнет от злобы и от скуки,
Выкрикнет десяток скверных слов.
По ступеням, плесенью покрытым,
Он наверх по лестнице идет.
...Если кто остался недобитым, —
Завтра ночью он его добьет!..

ПРИЧЕТЫ

Друг погиб в Трехречье,
А который счетом?
Весть о нем встречаю
Горестным причетом...

Над чужой печалью
Душу надрывая,
Я свои потери
Вновь пересчитаю:

Ах, волос любимых
Золотые пряди
Ветер поразвевял
Где-то в Петрограде!

А в родное сердце
Вражеская пуля
Врезалась случайно
Где-то в Барнауле!

Брата дорогого —
Горе мое, горе! —
Злобные мадяры
Утопили в Хоре!

А родную душу
(Страшно молвить имя!)
Пыткой истомили
Вороги в Нарыме.

Ночью не замолкнут
Горестные мысли,
А погибших близких
Всех не перечислить...

ПУТЕМ ГЕРОЕВ

Склоняюсь пред бумажным ворохом,
Чтоб от забвения спасти.
Той крови цвет, тот запах пороха,
Те легендарные пути...

Чтоб над исписанной бумагою
Другие, головы склонив,
Прониклись той, былой отвагою,
Почувствовали тот порыв.

И в каждом доме, в каждой комнате,
Где люди русские живут,
Пусть звучит печально: «Помните
Погибших подвиг, жизнь и труд».

Пусть эта память, как бессонница,
Тревожит шепотом людей,
О том, как гибла наша конница
От большевицких батарей...

Устали от житья унылого,
От горьких и голодных дней,
Но тень погибшего Корнилова
Нам стала ближе и родней.

Смерть за Россию — доля Царская!
И помнить будем мы в века
О том, что пули комиссарские
Пронзили сердце Колчака!

Уйти от омута нелепого,
От этой будничной тоски —

Погибнуть гибелью Кутепова
От злобной вражеской руки...

От себялюбия унылого
Веди нас, Божия рука,
Путем Кутепова, Корнилова
И адмирала Колчака!

СКЛАД ПОРОХОВОЙ

Среди ночных чуть слышных шорохов
Работаю тихонько я...
Пусть я не выдумаю пороха,
Но... порох выдумал меня!

Недаром эхо революции
И до сих пор звучит в ушах.
Не в силах над листом согнуться я,
Пока не запоет душа.

Недаром поздним темным вечером
Смотрю на запад, где она —
Закат мой, заревом расцветенный,
Моя мятежная страна!

И пусть не знают недостойные
Того, что знаем мы с тобой:
Страну, надолго беспокойную,
Как будто склад пороховой...

Но зори вестниками алыми
По небу темному горят,
Пусть будут взрывы небывалыми!
На нечестивых — гром и град!

РОЖДЕСТВО НА ЧУЖБИНЕ

Во Франции, в Чили, в Китае
Звучит наш певучий язык.
Но каждый о ДOME мечтает,
К чужбине никто не привык.

Никто никогда не решится
Россию навеки забыть.
Нельзя по-чужому молиться
И быт неродной полюбить.

И в церкви в рождественский вечер,
Покорная горю и злу,
Я, сгорбив усталые плечи,
Поплачу тихонько в углу...

У женщины русской осталось
Прибежище тихое — храм!
И я свою боль и усталость
Сюда принесу и отдам.

«Дай, Господи, — сердце звенело, —
Услыши молитву мою!
Мужчинам на родине дело,
А женщинам храм и семью!»

Горят пред иконами свечи...
Сегодня родился Христос!
Но нам в этот радостный вечер
Нельзя удержаться от слез...

ПО ПАТРОНЧИКУ — ЗА КРОВИНОЧКУ

Складка горечи возле сжатых губ...
Неужели цель не намечена?
Заострите глаз, отточите зуб!
И сказать мне вам больше нечего...

Если сын сидит где-то в Вологде,
Если брат убит в Петропавловске,
Надо чаще думать о враге —
Не по-кроткому, не по-ангельски,

Не по-кроткому, голубиному
Надо думать думу заветную,
А по-мудрому, по-змеиному
Свою месть обдумать ответную.

И не ветра стон — это стон души...
Затерялось солнце за тучами...
В яме каменной на полста аршин —
Соловецкий великомученик.

То не брат ли твой и не сын ли там?
Не отец ли твой задыхается?
Головою бьет по сырым камням,
За клочки соломы цепляется...

Над страдальцами Соловецкими,
Над нарымскими заточенными,
Над слезами невинными детскими
Издеваются «вохры» с «чонами».

Море — волнами, небо — тучами...
А восток — кровавыми зорями...

Чью-то мать во Пскове замучили...
А сестру в чека... опозорили!

Губы сжатые. Сердце молотом.
Слово черное, да зловещее...
Если сердце твое расколото,
Втисни ненависть в эту трещину.

Не по ельникам, по осинникам,
Не в кубышечку, не в коробочку —
Ветерок сберет по полтиннику
На патрончики, на винтовочку!

За ложбинками, за пригорками
Проползет лихой потихонечку...
По патрончику (очи зоркие!)
За старушку-мать, за сестреночку!

По патрончику — за слезиночку!
И за каждого из замученных.
По патрончику — за кровиночку!
Из винтовочек — пули тучами!

Так чего же вам еще спрашивать?
Неужели цель не намечена?
Или — с этими... Или — с нашими!
И сказать мне вам больше нечего.

НОВЫЕ

Достались нам тяжесть и горе,
В заботах о завтрашнем дне
Нам некогда думать о вздоре —
О картах, цыганках, вине...

Всю юность с врагами рубиться!
Всю молодость нищими жить...
И как-то суметь прокормиться
И близких своих прокормить.

Отцы увлекались балетом,
А дяди «ходили в народ»...
А мы и не мыслим об этом,
К иному нас сердце зовет.

Мы «чашу не пьем круговую»,
Нам некогда пить и гулять.
Отцовскую «скорбь мировую»
Нам тоже сейчас не понять.

Чужда нам бывлая Россия,
Советская — тоже чужда.
Живем на чужбине — чужие,
И наша царица — Нужда.

И все же сквозь красные дали,
Сквозь ненависть, слезы и тьму
Вплотную мы жизнь увидали
И цену узнали всему.

И то, что отцы не сумели
Наш дом сохранить от воров,

Искали туманные цели
И слушали песни без слов, —

Да будет нам вечной наукой!..
Сумеет иначе мы жить:
Мы гордостью, верой и мукой
Учились Россию любить!

ВСЕ О ТОМ ЖЕ

Сижу, облокотясь на шаткий стол
И слушаю рассказ неторопливый:
Про Петропавловск, про Тобол...
И чудятся разметанные гривы
Во тьме несущихся коней.

Я вижу берег синей Ангары,
Где рыцарскою кровью Адмирала
На склоне каменной горы —
Россия отречение начертала
От прошлых незабвенных дней.

Потом глухие улицы Читы...
И в мареве кровавого тумана
Сверкают золотом погоны и кресты
У офицеров ставки Атамана.
И смерть с серебряной косой...

На волнах дней кипели гребни пены!
А вот они, Даурские казармы,
Где за намек малейший на измену —
Расстреливали по приказу Командарма!
Чужим оказывался свой...

Владивосток... Но ослабели крылья,
И рушилась, пошатываясь, крепость...
У моря грань надрыва и бессилья...
И стала исторической нелепость!
И был убийственный откат.

И дальше слезные и бледные страницы:
Гензан... Гирин... Сумбурность Харбина́.

Молчащие измученные лица.
Спокойствия! забвения! вина!
Возврата больше нет назад..

И проблесками в мрачной эпопее —
Упорство, жертвенность и героизм.
О них я рассказать здесь не успею.
Тебе, водитель сильных, Фанатизм,
Нужны нечеловеческие песни!

Прошли года. И чувствуем мы снова:
Близка эпоха крови и борьбы.
Из труб герольдов огненное слово!
Приказ Ее Величества Судьбы —
И Родина великая воскреснет!

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий ХАТЮШИН. Блеск холодной стали	5
Николай ТУРОВЕРОВ. Стихи	29
Арсений НЕСМЕЛОВ. Стихи	183
Сергей БЕХТЕЕВ. Стихи	255
Иван САВИН. Стихи	321
Марианна КОЛОСОВА. Стихи	395

Литературно-художественное издание

Поэты Белой гвардии

МЕЧ В ТЕРНОВОМ ВЕНЦЕ

**Николай Туроверов, Арсений Несмелов,
Сергей Бехтеев, Иван Савин, Марианна Колосова**

Составитель В.В. Хатюшин
Редактор Г.Н. Усков
Художник А.А. Брантман
Компьютерная верстка Л.М. Мещерякова

Подп. в печать 05.06.08. Формат 60x88 1/16. Бум. офсетн.
Гарнитура «Петербург». Печать офсетная. Объем 29,5 усл. печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ

Издатель:
Московский государственный
гуманитарный университет им. М.А. Шолохова